

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 2 (104) апрель – июнь 2021 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 2 (104) April – June 2021

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Смирнова И.Ю., Бутова Р.Б.

Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX–XX века) 9

Корзун В.П., Ковалёв М.В., Груздинская В.С.

Юбилей Академии наук СССР в победном 1945 году: замысел, сценарий праздника, международный резонанс 22

ЭКОНОМИКА

Киселёв В.Н., Куклина И.Р.

Международные научные коллаборации в проектах «большой науки» 37

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Нарбут Н.П., Троцук И.В.

Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации 50

Шестопад Е.Б.

Образы «других стран» в современной картине мира российских граждан 65

Петров А.А.

Алгоритмизация преодоления сложных коллизий норм права 75

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Жилякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В., Могилатова М.В.

Цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии) 87

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В., Хавыло А.В.

Возможности использования интеллектуальных систем машинного зрения в судебной психологической экспертизе 104

Аникеева Т.Я., Матвеева Л.В., Мочалова Ю.В., Макалатия А.Г.,

Свитич Л.Г., Борисова Е.Г.

Ценностно-смысловые коды культурных представлений о России у молодёжи нашей страны, Украины и Белоруссии 118

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эрлих В.Р., Годизов Г.Л.

Открытие и начало исследования постдольменного могильника у станции Севастопольской 130

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Жигунова Г.В.

Всероссийская научно-практическая онлайн-конференция с международным участием
«Социальные риски в современном обществе» (Мурманск, 3–4 декабря 2020 г.) 144

Левашов В.К., Новоженина О.П.

II Декабрьские социально-политические чтения «Как живёшь, Россия?».
Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году:
реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности»
(Москва, 10 декабря 2020 г.) 149

МИР КНИГИ РФФИ

Житенёв С.Ю. —

Александрийский патриархат и Россия в XIX веке: Исследования и документы /
Подг. изд. О.Е. Петрунина, Л.А. Герд, К.А. Вах. М.: Индрик, 2020. — 920 с.: ил. 155

CONTENTS

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Smirnova I.Yu., Butova R.B.

Russia in the Holy Land. Figures and Institutions of Russian Palestine
(in the 19th and 20th Centuries) 9

Korzun V.P., Kovalyov M.V., Gruzdinskaya V.S.

Anniversary of the USSR Academy of Sciences in the Victorious 1945:
Idea, Celebration Scenario, International Response 22

ECONOMICS

Kiselyov V.N., Kuklina I.R.

International Academic Collaborations within “Big Science” Projects 37

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Narbut N.P., Trotsuk I.V.

Happiness as an Interdisciplinary Construct: Options for Sociological Conceptualization
and Operationalization 50

Shestopal E.B.

Images of “Other Countries” in Today’s Worldview of Russian Citizens 65

Petrov A.A.

Algorithms to Address Complex Collisions of Law 75

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Zhilyakova N.V., Esipova V.A., Shevtsov V.V., Mogilatova M.V.

Censorial History of Provincial Journalism (on the Materials of Periodical Press
of the Ante-revolutionary Tomsk Province) 87

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Engalychev V.F., Leonova E.V., Khavlyo A.V.

Potential Use of Intelligent Machine Vision Systems in Forensic Psychological Examination 104

Anikeeva T.Ya., Matveeva L.V., Mochalova Yu.V., Makalatiya A.G.,

Svitich L.G., Borisova E.G.

Axiological Codes of Cultural Representations of Russia among the Youth of Russia,
Ukraine and Belarus 118

FIELD RESEARCH

Erlikh V.R., Godizov G.L.

Discovery and Early Studies of the Post-Dolmen Burial Site
near Sevastopolskaya Village 130

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Zhigunova G.V.

National Research and Practice Online Conference with International Participation –
“Social Risks in Modern Society” (Murmansk, December 3–4, 2020) 144

Levashov V.K., Novozhenina O.P.

II December Socio-Political Readings – “How Are You, Russia?
The Russian Social State and Civil Society in 2020: The Implementation of National Projects
in a Post-Pandemic Reality” (Moscow, December 10, 2020) 149

THE RFBR BOOK WORLD

Zhitenyov S.Yu. —

The Patriarchate of Alexandria and Russia in the 19th century: Studies and Papers /
Prepared by O.E. Petrunina, L.A. Gerd, K.A. Vakh, Moscow: Indrik, 2020, 920 p.: ill. 155

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс УДК 94 (47)
Код ГРНТИ 03.23.31; 03.23.55
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-9-21

**И.Ю. СМИРНОВА,
Р.Б. БУТОВА***

Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX–XX века)

Русская Палестина — это не только уникальный религиозный феномен, включающий сложную инфраструктуру русских храмов, монастырей, земельных участков и подворий, но и в целом вся полнота политического, духовного, научного и гуманитарного присутствия России в Святой Земле: труды российских дипломатов, сотрудников консульств и посольств, представителей Русской Православной Церкви (Елеонский, Горненский и Гефсиманский монастыри, паломники из числа духовенства), царской семьи и правящей элиты (августейшие паломники, благотворители, руководители ближневосточной политики), деятелей Палестинского Комитета (1859–1864), Палестинской Комиссии (1864–1889), Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847–2010), Императорского Православного Палестинского Общества (1882), паломников и путешественников XIX–XX вв., писателей, художников и архитекторов, учёных-востоковедов.

Цель исследования — восполнить чрезвычайно важные пробелы в отечественной историографии, представляя максимально полный обзор истории деятельности, наследия и вклада России и русских людей в культуру Православного Востока, современных народов Израиля и Палестины. Итогом исследования станет подготовка научного свода российских учреждений и деятелей, внесших вклад в укрепление русско-ближневосточных связей.

Ключевые слова: Святейший Синод, РДМ в Иерусалиме, МИД, Императорское Православное Палестинское Общество, палестиноведение

* **Смирнова Ирина Юрьевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории (ИРИ) РАН, руководитель проекта «Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX–XX вв.)» (19-09-41010).

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Бутова Рита Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: rittabutova@mail.ru

В преддверии Русской Палестины

С XIX в. в отечественной и зарубежной литературе и публицистике попытки осмысления опыта и особенностей исторического существования России сопровождались такими словами, как «загадочная русская душа», «русский дух», даже «русский Бог». В условиях современного глобализма, обострения геополитических взаимодействий и противостояний неслучайно более использованными и востребованными, но не более чётко артикулируемыми, стали «Русский мир», «Русское присутствие», «Русское вмешательство». Одной из причин этой смутности понятий является факт недостаточной изученности в исторической науке феномена Православной Империи, живущей по особым законам внутренней политики и внешней пластики поведения в окружающем мире [1].

История русского присутствия в мире, в том числе на Ближнем Востоке и, конкретнее, в Святой Земле, составляет одну из важнейших сопутствующих форм политического имперского существования Православной России, — притом наиболее поддающихся и в первую очередь подлежащих исследованию. Опыт работы в Иерусалиме в силу понятных религиозно-исторических, ментальных и других причин наиболее интересен с точки зрения модели русского присутствия в инонациональных и иноконфессиональных средах.

В первой трети XIX в. в Сирии и Палестине широко распахнулись двери для великих держав. «Дряхлый Восток», который, по образному выражению М.Ю. Лермонтова, казалось, «спит глубоко уж десятый век», вдруг встрепенулся, столкнувшись лицом к лицу с международной политикой Нового времени. А европейцы, впервые со времён крестовых походов, заново открыли для себя политическое, религиозное и стратегическое значение той Земли — «откуда Свет». После турецко-египетских войн (1831–1833 и 1839–1841 гг.) Сирия и Палестина были «открыты» для внешнего проникнове-

ния — регион стал своеобразным «полем битвы», на котором «боевые действия» велись по церковно-дипломатическим, миссионерским и религиозно-культурным каналам, формировалась политика национальных интересов и шло развитие Восточного вопроса как приоритетного направления внешней политики великих держав.

Христианские страны начали соперничество между собой, стремясь перехватить инициативу в деле защиты религиозных интересов в Святой Земле. При этом если Западной Европой церковный фактор впервые осознавался как мощный инструмент политического влияния, то для России на протяжении веков приоритетными направлениями внешней политики по отношению к Ближнему Востоку были защита и сохранение Православия наряду с оказанием поддержки единоверным греческим, арабским и славянским подданным Османской империи. Эти вопросы всегда были для российских императоров «вопросом сердца». Именно поэтому первоначально неверная оценка российским МИД политических, торгово-промышленных, религиозных интересов западных держав в Сирии, Палестине и Египте привели к существенным просчётам при формировании ближневосточной стратегии русской политики. Россия опаздывала в этой «конкуренции народов на Ближнем Востоке», не придавая должного значения новой парадигме внешнеполитического курса великих держав.

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме — первое представительство России в Святой Земле

Пример и успехи Великобритании и Франции изменили позицию имперской власти, которая вслед за другими державами признала необходимость использовать не только дипломатию, но и религию в качестве эффективного инструмента для укрепления своих позиций в средиземноморском регионе. В 1847 г. была ос-

нована Русская Духовная Миссия (РДМ) в Иерусалиме. Предпосылкой к её созданию послужила активизация западного дипломатического и миссионерского присутствия: в Иерусалиме были открыты консульства Великобритании (1839), Франции (1843), США (1844); учреждены англо-прусская епископия (1841) и Латинский Патриархат (1847) [2–5]. Деятельность инославных миссионеров при поддержке европейских дипломатий, необходимость защиты православной паствы в Святой Земле от католического и протестантского прозелитизма, соблюдения прав и интересов растущего числа русских паломников подтверждали насущную необходимость создания в Палестине духовного представительства Православной России [6].

Проект первого русского учреждения в Святой Земле был представлен в Святейший Синод и Азиатский департамент МИД обер-секретарём Синода А.Н. Муравьёвым в 1838 г., однако его предложение об открытии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме подверглось критике со стороны российского консула в Бейруте К.М. Базили [7, с. 163], и проект был отклонён на несколько лет. В 1843 г. в связи с изменением политической ситуации в Османской империи руководство МИД командировало в Иерусалим архимандрита Порфирия (Успенского) в качестве паломника ко Гробу Господню. По итогам донесений Порфирия в МИД было принято решение направить его в Иерусалим «на жительство» в том же статусе паломника. На всеподданнейший доклад канцлера гр. К.В. Несельроде об отправлении миссии в Иерусалим от 11 февраля 1847 г. была наложена резолюция императора Николая I об образовании РДМ; синодальное определение датируется 31 июля 1847 г., был установлен трёхлетний срок пребывания миссии в Иерусалиме.

РДМ в Иерусалиме находилась в подчинении МИД. Архимандрит Порфирий первым поставил вопрос о разделении

функций дипломатического и церковного представительств в Святой Земле и о недопустимости вмешательства дипломатов в дела РДМ. В его проекте о создании «духовного посольства Церкви Российской к Церквам Палестинской, Александрийской и Антиохийской, или русского общежительного Святопоклонного монастыря 1-го класса [будущей РДМ]» от 6 января 1845 г. говорилось, что консульство не должно вмешиваться в монастырское управление. Также, по мнению архимандрита Порфирия, РДМ и консульство должны быть едины в своих действиях и решениях [8, с. 39–44]. Несоблюдение этих правил представителями российской дипломатии в Иерусалиме привело к драматическим событиям в судьбах преемников архимандрита Порфирия на посту начальника РДМ.

Деятельность РДМ в Иерусалиме в этот период оценивалась неоднозначно. Секретарь Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) В.Н. Хитрово утверждал, что первое десятилетие миссии прошло совершенно бесплодно, и она была не только бесполезна, но и вредна, «ибо доказала Иерусалимской Патриархии наш страх перед нею, нашу беспоследовательность и возможность проводить нас вполне безнаказанно» [9, с. 147]. Виновным в этой ситуации Хитрово считал руководство МИД, связавшего начальника миссии неосуществимыми инструкциями при скудном финансировании. Министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков (с 1862 вице-канцлер), сравнивая РДМ с церковными представительствами европейских держав, писал в 1857 г.: «Что могла сделать, в сравнении с ними, убогая наша миссия, без всякой представительности, без благолепной службы, без госпиталей, странноприимных домов и других средств?.. Миссия была помещена очень дурно, жила скудно; всё это вместе взятое было причиною, почему противники наши выросли перед нами на Востоке» [8, с. 110]. Тем не менее сам факт присутствия в Иерусалиме постоянного русского цер-

ковного представительства имел большое значение: были преодолены стереотипы российских дипломатов, не желавших разделять полномочия с духовными лицами; Иерусалимская миссия была признана святогробской греческой иерархией; важным достижением миссии стало осуществление гуманитарно-просветительных проектов.

Россия в Святой Земле после Парижского мира: новые задачи и перспективы

После Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. характер русской церковно-дипломатической и гуманитарной деятельности изменился и стал причиной эволюции позиций государственных институтов (Министерства иностранных дел и Святейшего Синода). Присутствие РДМ в Иерусалиме перед Крымской войной позволило поставить вопрос о её возобновлении после заключения Парижского мира. В августе 1857 г. правительство Османской империи официально признало присутствие РДМ в Иерусалиме и её право на самостоятельную деятельность на условиях полного равенства с Иерусалимским патриархом без какой-либо зависимости от Святогробского братства [8, с. 118]. Был повышен и статус Миссии, во главе которой по решению Министерства иностранных дел был поставлен не архимандрит, а епископ — преосвященный Кирилл (Наумов) [10]. 27 февраля 1858 г. последовало Высочайшее распоряжение о рассмотрении возможности учреждения консульства в Иерусалиме, а также об установлении кружечного сбора во всех православных церквях империи и открытии повсеместной подписки для сбора денег на улучшение быта православных паломников в Палестине, так называемый Вербный сбор [11, с. 266].

Одновременно развернуло деятельность «Русское общество пароходства и торговли» (РОПиТ), опиравшееся на движение русского паломничества в Святую Землю. В апреле 1858 г. российским кон-

сулом в Иерусалиме был назначен агент РОПиТ в Иерусалиме, чиновник Морского министерства В.И. Доргобужин. В соответствии с инструкцией посланника консул должен был действовать в полном согласии с начальником РДМ, а также оказывать ему всевозможную поддержку. Однако конструктивного взаимодействия не получилось, миссия столкнулась с противодействием российского консульства и РОПиТ, и межведомственный конфликт растянулся на долгие годы [12].

23 марта 1859 г. был учреждён Палестинский комитет для принятия мер по устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников. 28 апреля 1859 г. в Яффу прибыл первый русский августейший паломник, великий князь Константин Николаевич с супругой великой княгиней Александрой Иосифовной и сыном Николаем. За 10 дней они осмотрели храм Воскресения Христова, Крестный путь, базилику св. Анны, место Рождества Пресвятой Богородицы, Иосафатову долину, Гефсиманию с Гробницей Пресвятой Богородицы, Гефсиманский сад, место Вознесения на Елеоне. Паломничеству сопутствовало исполнение дипломатических обязанностей, прежде всего речь шла об укреплении отношений с Иерусалимским Патриархатом. Великий князь также обсудил с французским консулом Э. де Баррером возможность ремонта купола Ротонды храма Воскресения, пострадавшего после землетрясения 1834 г. [8]. По возвращении из путешествия, 22 июня 1859 г. Константин Николаевич занял пост председателя Палестинского комитета, впоследствии он и великая княгиня Александра Иосифовна пожертвовали крупные суммы на украшение греческого храма Преображения на Фаворе, на царские врата русского Троицкого собора (ил. 1).

Важнейшая цель поездки великого князя в Иерусалим была связана с решением вопросов приобретения Россией участков земли для возведения собственного комплекса, который объединил бы зда-

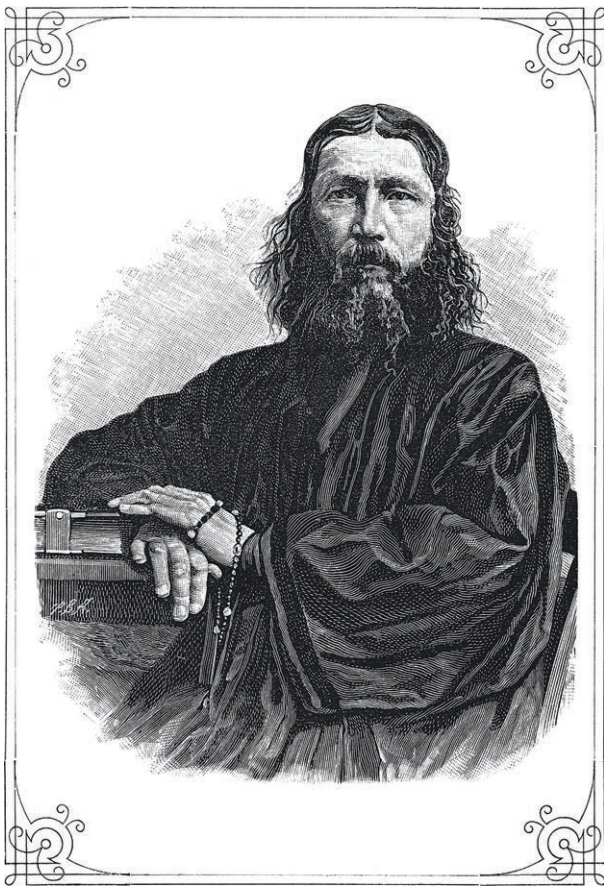

Ил. 1. Русский Троицкий собор в Иерусалиме

ние консульства, РДМ с храмом, паломнических подворий и больницы. С одобрения Константина Николаевича было приобретено несколько участков, на одном из них в течение 1860–1863 гг. были возведены здание РДМ и консульства, странноприимные дома для 300 паломников (Елисаветинское подворье) и для 500 паломниц (Мариинское подворье), госпиталь, храм во имя Св.Троицы, домовая церковь во имя мученицы Александры, жилые дома для духовенства и хозяйственные службы. Часть участка, которую составляла общественная загородная площадь Мейдан, была подарена султаном Абдул-Меджидом I фирманом от 28 июня 1859 г. в память о приезде великого князя Константина Николаевича в Иерусалим. На участке рядом с храмом Гроба Господня в Старом городе в 140 кв. саж. (637 кв. м), приобретённом усилиями Б.П.Мансурова (управляющего делами Палестинского комитета с 11 января 1860 г.) и российского консула Доргобу-

жинова, планировали построить консульство, но обнаруженные там археологические находки потребовали дальнейших серьёзных исследований. Также в качестве временной меры под русские подворья было обустроено несколько частных владений в Иерусалиме, Яффе, Рамле, Назарете и Хайфе.

Несмотря на видимые успехи, на протяжении десятилетий имело место непрерывное соперничество среди русских учреждений (Палестинский Комитет, Палестинская Комиссия при Азиатском департаменте МИД, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, российские консульства в Иерусалиме, Бейруте, Яффе, Императорское Православное Палестинское Общество), что стало русской ближневосточной универсалией. Призванные служить единой цели — укреплению русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке — они конфликтовали, преследуя внутрикорпоративные интересы, в результате чего межведомственные ба-

Ил. 2. Архимандрит Антонин (Капустин) — создатель Русской Палестины

рьеры Министерства иностранных дел и Святейшего Синода постоянно создавали кризисные ситуации.

Эпоха архимандрита Антонина (Капустина)

Наиболее плодотворным и ярким для истории Русской Палестины этапом стало служение в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина; 1817–1894), выдающегося учёного, византиниста и востоковеда, археолога, археографа и нумизмата, который на протяжении почти тридцати лет (1865–1894) возглавлял Русскую Духовную Миссию (ил. 2).

Имя архимандрита Антонина входит в золотой фонд истории Русской Церкви, науки и культуры. Он достойно представлял Россию перед лицом восточных Патриархов, отстаивая права православного населения в сотрудничестве и конкуренции с церковными и политическими

представителями других стран. Главными и неоценимыми его заслугами для России стало приобретение многочисленных земельных участков в Святой Земле, проведение археологических раскопок, строительство храмов и монастырей, паломнических приютов и школы для православного арабского населения.

С первых дней пребывания в Святой Земле отец Антонин убедился, что сложность положения, унаследованного им от предшественников (неопределённость статуса Миссии в «треугольнике» между Синодом, консульством и Палестинской комиссией), не оставляет какой-либо свободы в деятельности начальника РДМ [13, 14]. Приобретение недвижимости, строительство на новоприобретённых участках странноприимных домов, а затем и церквей, начатое архимандритом вопреки согласию и при противодействии Палестинской комиссии и русского консульства в Иерусалиме, помогло не только спасти Миссию и укрепить её положение, но и расширить влияние России в Святой Земле. Антонином были приобретены и обустроены 14 земельных участков, суммарная стоимость которых оценивалась современниками «до миллиона рублей» [15, с. 444]. На этих участках по собственным проектам архимандрита были воздвигнуты три храма (Вознесенский на Елеоне, Казанский в Горнем, св. Апостола Петра и праведной Тавифы в Яффе), построено шесть странноприимных домов (в Хевроне, Иерихоне, Тивериаде, на Елеоне, в Горнем, Яффе), основаны женские монастыри в Горнем и на Елеоне.

Умело играя на противоречиях и амбициях светских и духовных инстанций, о. Антонин прибегал к защите Св. Синода против нападок МИД, и наоборот [16]. В целях укрепления русского влияния используя в качестве удобного и надёжного инструмента тот же фактор русского православного паломничества и те же методы опоры на земельную собственность, что Палестинский комитет и Палестинская комиссия, о. Антонин сумел

опередить их в созидании Русской Палестины. Это вовсе не означало, что были уничтожены причины, вызывавшие межличностные и межведомственные трения и сложности, т.е. противоречия, заложенные в основе иерусалимских конфликтов и восходящие к условиям бытия Православной Церкви в рамках синодальной структуры, были практически неизбежны и непреодолимы, что позволяет говорить о существовании русских ближневосточных универсалий.

Этот «порочный круг» прервало создание в 1882 г. Православного Палестинского Общества (ППО) во главе с великим князем Сергием Александровичем [17] (ил. 3). В Палестине Общество попыталось стать независимой силой, призванной устранить трения между МИД и Св. Синодом. ППО начало оказывать РДМ административную поддержку и финансовую помощь. Первый период деятельности Общества (до 1889 г.) ознаменован тесным и искренним сотрудничеством с РДМ и её начальником, архимандритом Антонином. Руководство Палестинского Общества во всех своих начинаниях и проектах в Святой Земле обращалось за советом и помощью к арх. Антонину. Добрые отношения между РДМ и ППО были взаимными.

Союз ИППО и РДМ был разрушен из-за конфликта, связанного с церковью св. Марии Магдалины в Гефсимании (ил. 4). Архимандрит Антонин, не спросив у ИППО разрешения, потратил на ремонт и окраску стен церкви деньги, присланные Палестинским Обществом в порядке дополнительного финансирования. ИППО полностью оплатило долг Антонина (9642 рубля золотом), обязав Миссию постепенно отдать долг. Отец Антонин остался недоволен таким решением, после чего отношения так и не наладились.

В 1889 г. в связи с ликвидацией Палестинской комиссии МИД все русские учреждения в Святой Земле были подчинены Палестинскому Обществу, ему же были переданы имущество и капиталы. С этого времени ИППО полностью конт-

Ил. 3. Великий князь Сергей Александрович, основатель Императорского Православного Палестинского Общества

ролировало ситуацию на Ближнем Востоке. Однако, несмотря на все конфликты и нестроения, 1864–1914 гг. являются временем расцвета Русской Палестины — феномена, под которым в широком смысле понимается весь комплекс политического, духовного, научного и гуманитарного присутствия России в Святой Земле (ил. 5).

В канун великих перемен: итоги и достижения

Благодаря трудам Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, Палестинской комиссии при Министерстве иностранных дел и Императорского Православного Палестинского Общества сформировалась крупная земельная собственность, расположенная в разных местах Святой Земли (ил. 6). Российские медицинские учреждения (больницы в Бейруте, Иерусалиме, Константинополе, амбулатории

Ил. 4. Церковь св. Марии Магдалины в Гетсимании

Ил. 5. Русские паломники на железнодорожном вокзале

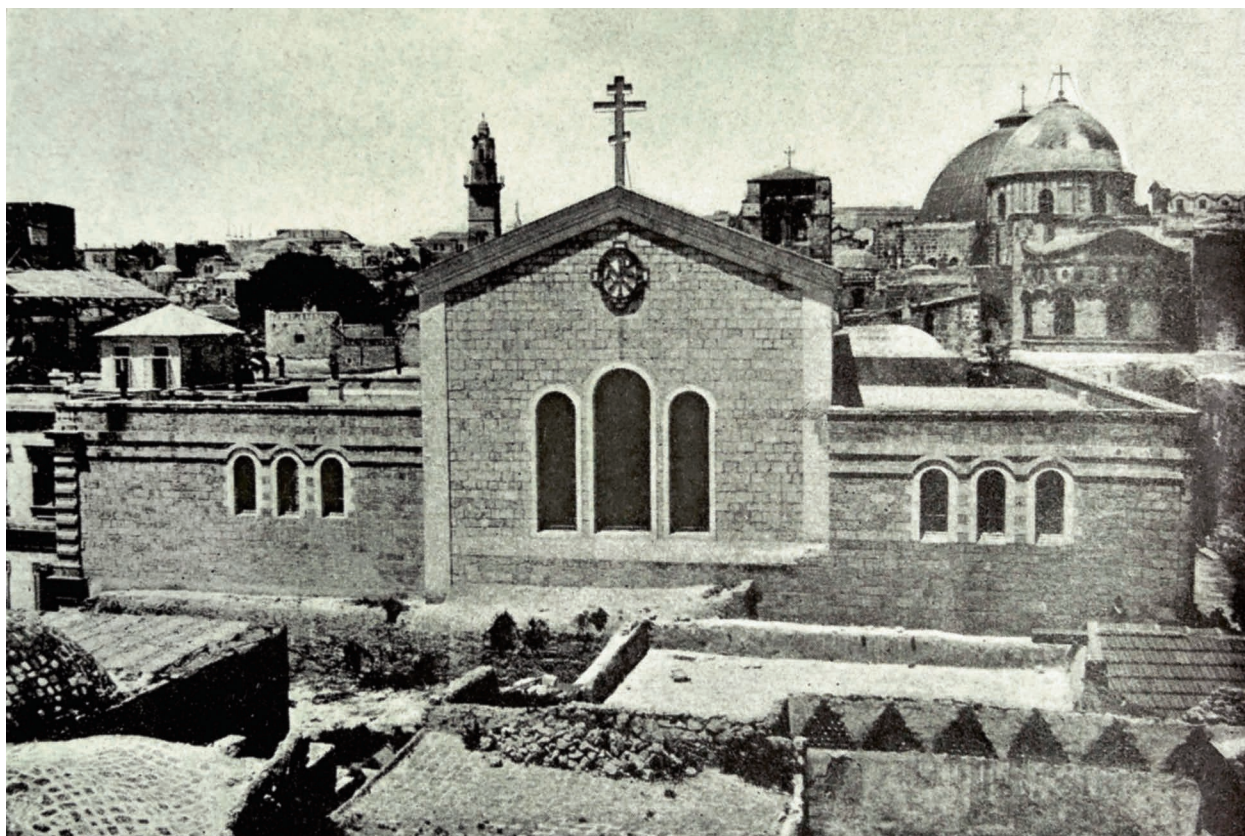
Ил. 6. Сергиевское подворье в Иерусалиме

в Назарете, Вифлееме, Бейт-Джале, Дамаске, Хомсе) оказывали врачебную помощь не только подданным Российской империи, но и местному населению независимо от вероисповедания. Была создана собственная арабская школьная система, в которую входило более 100 школ и две учительских семинарии. Несколько поколений арабской интеллигенции Сирии, Ливана, Палестины получили образование в русских школах.

Создание максимально полного корпуса сведений и материалов о русских деятелях и учреждениях в Святой Земле впервые делает возможным полноценное исследование истории российской политики и дипломатии на Ближнем Востоке, русского церковного, просветительного и гуманитарного присутствия в Иерусалиме и на Православном Востоке, многовекового наследия русского паломничества к святым местам Сирии и Палестины, истории российского пале-

стиноведения (библейской и византийской археологии, иконографии, археографии и научного присутствия в целом), общего взаимодействия России и Востока в формировании и развитии русской духовности и культуры, а также русского влияния на культуру Палестины, Сирии и Израиля.

При значимости и масштабности цивилизационных процессов, связанных с русским присутствием в странах Христианского Востока, а тем более в Святой Земле, был крайне необходим библиографический свод имён и биографий деятелей, личным участием которых создавался тот уникальный мир, который именуется Русской Палестиной. В первую очередь для того, чтобы исследовать социальные параметры явления — в различных социокультурных, имущественно-сословных и иных срезах, но и для того, чтобы отдать дань памяти всем, трудившимся для укрепления

Ил. 7. Александровское подворье в Иерусалиме

русско-ближневосточных связей, тем, кто реально нёс на себе «бремя русского присутствия».

Работа над этим сводом сама по себе представляет принципиально новую задачу, в граничной области истории внешней политики и дипломатии, церковно-государственного взаимодействия, историко-археографических изысканий русских паломничеств и путешествий, всей совокупности дисциплин исторического цикла (археологии, нумизматики, иконографии и т.д.). Подготовка итогового продукта требует обобщения накопленного в течение последних десятилетий опыта исследований различных сторон русской работы на Востоке. Вводится в научный оборот большой объём нового документального материала русских и зарубежных архивохранилищ (Архива внешней политики Российской империи, Государственного Архива Российской Федерации, Российского Государственного

Исторического архива, Архива Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, Госархива Израиля и др.).

Научное исследование актуально и потому, что в соответствии с поручением Президента РФ, в 2019–2020 гг. проводилась большая работа, связанная с уточнением имущественного статуса недвижимости, принадлежащей к 1914 г. Российской империи, Императорскому Православному Палестинскому Обществу и Русской Православной Церкви. По завершении сбора данных началась процедура судебного разбирательства по возобновлению регистрации права собственности РФ на важнейший архитектурно-исторический комплекс (памятник) — Александровское подворье, расположенное в центре Старого Иерусалима (ил. 7).

Таким образом, труды российских дипломатов, сотрудников консульств и посольств, представителей Русской Православной Церкви, царской семьи и правя-

щей элиты, деятелей Палестинского Комитета (1859–1864), Палестинской Комиссии (1864–1889), Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847), Императорского Православного Палестинского Общества (1882), паломников и путешественников, писателей, художников и архитекторов, учёных-востоковедов XIX–XX вв. сегодня оказываются крайне востребованы и необходимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисовой Н.Н. Церковь, Империя, культура: очерки синодального периода. М., 2016.
2. Roth E. Preussens Gloria in Heiligen Land. Die Deutschen und Jerusalem / E. Roth. – München, 1973.
3. Rock A. The Status Que in the Holy places / Albert Rock, OFM. Jerusalem: Franciscan Printed Press, 1989.
4. Frarah R. Evangelical Missions and Churches in the Middle East. Vol. 2. Palestine and Jordan / R. Frarah // Christianity: A History in the Middle East / Ed. Habib Badr. Lebanon: The Middle East Council of Churches. 2005.
5. Goren H. British surveyors in Palestine and Syria. 1840–1841. Tel-Nai, 2005.
6. Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М.: Индрик, 2015.
7. Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб., 2015.
8. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. Т. 2. М., 2015.
9. Хитрово В.Н. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Хитрово В.Н. Статьи о Святой Земле. Из истории РДМ в Иерусалиме / Сост. Н.Н. Лисовой. М.; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. С. 83–202.
10. Смирнова И.Ю. Кирилл (Наумов), еп. Мелитопольский. Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 34. С. 515–518.
11. Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток. М.: РОССПЭН, 2014.
12. Бутова Р.Б., Смирнова И.Ю. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (1847–1917) // Православная энциклопедия. Т. 60. 2020. С. 521–531.
13. Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Архимандрит Антонин (Капустин). Наследство и наследие. 200 лет создателю Русской Палестины // Журнал Московской Патриархии. 2017. № 8. С. 26–33.
14. Смирнова И.Ю. Архимандрит Антонин (Капустин) и церковная дипломатия на Христианском Востоке (1850-е – 1860-е гг.) // От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина). Далматово, 2016. С. 179–184.
15. Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009.
16. Бутова Р.Б. Взаимодействие начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) с русским дипломатическим корпусом во второй половине XIX века: особенности и проблемы // Православный Палестинский сборник. Вып. 116. М., 2019. С. 69–96.
17. Бутова Р.Б. «Горячая Вера деятелей первого часа». Император Александр III и основание Императорского Православного Палестинского Общества // Православный Палестинский сборник. Вып. 118. М., 2020. С. 291–300.

ENGLISH

Russia in the Holy Land. Figures and Institutions of Russian Palestine (in the 19th and 20th Centuries)

Irina Yurievna Smirnova – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (IRH RAS), head of the project – “Russia in the Holy Land. Figures and Institutions of Russian Palestine (in the 19th and 20th Centuries)” (19-09-41010).

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Ritta Borisovna Butova – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the IRH RAS, executor of the same project.

E-mail: rittabutova@mail.ru

Russian Palestine is not only a unique religious phenomenon that encompasses a complex infrastructure of Russian churches, monasteries, lands and farmsteads, but also the political, spiritual, scientific and humanitarian presence of Russia in the Holy Land in its entirety. That is, the writings by the Russian diplomats, officials of consulates and embassies, representatives of the Russian Orthodox Church (Mount of Olives Ascension Monastery, Gorny Convent and Gethsemane monastery, clerical pilgrims), the royal family and the ruling elite (august pilgrims, benefactors, governors of the Middle East policy), figures of the Palestinian Committee (1859–1864), the Palestinian Commission (1864–1889), the Russian Orthodox Mission in Jerusalem (1847–2010), the Imperial Orthodox Palestine Society (1882), pilgrims and travelers of the 19th–20th centuries, writers, artists, architects and orientalists.

The study's goal is to bridge significant gaps in the national historiography by presenting the most complete overview of the history, heritage, and contributions of Russia and Russian people to the culture of the Orthodox East – the present-day peoples of Israel and Palestine. As part of these studies, the authors will issue an academic compendium of Russian institutions and public figures who have contributed to strengthening ties between Russia and the Middle East.

Keywords: Most Holy Synod, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Jerusalem, Ministry of Foreign Affairs, Imperial Orthodox Palestine Society, Palestine studies

REFERENCES

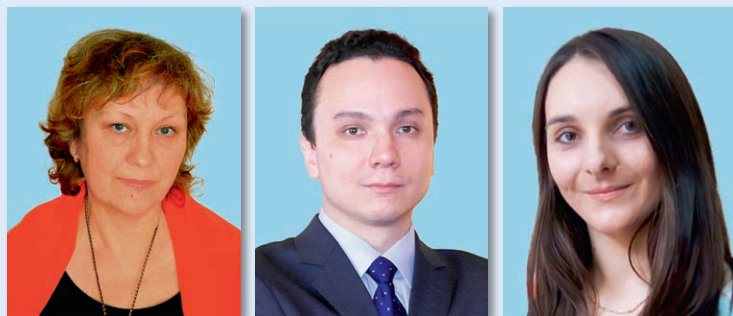
1. Lisovoi N.N. Tserkov', Imperiya, kul'tura: ocherki sinodal'nogo perioda. M., 2016 (in Russian).
2. Roth E. Preussens Gloria in Heiligen Land. Die Deutschen und Jerusalem / E. Roth. – München, 1973.
3. Rock A. The Status Que in the Holy places / Albert Rock, OFM. Jerusalem: Franciscan Printed Press, 1989.
4. Frarah R. Evangelical Missions and Churches in the Middle East. Vol. 2. Palestine and Jordan / R. Frarah // Christianity: A History in the Middle East / Ed. Habib Badr. Lebanon: The Middle East Council of Churches. 2005.
5. Goren H. British surveyors in Palestine and Syria. 1840–1841. Tel-Hai, 2005.
6. Smirnova I.Yu. Rossiya i Angliya v Svyatoi Zemle v kanun Krymskoi voyny. M.: Indrik, 2015 (in Russian).

7. Lisovoi N.N., Smirnova I.Yu. Rossiya i Svyataya Zemlya v pervoi polovine XIX veka: tserkovnaya politika na Pravoslavnom Vostoke. SPb., 2015 (in Russian).
8. Rossiya v Svyatoi Zemle. Dokumenty i materialy: V 3 t. T. 2. M., 2015 (in Russian).
9. Khitrovo V.N. Istoriya Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime // Khitrovo V.N. Stat'i o Svyatoi Zemle. Iz istorii RDM v Ierusalime / Sost. N.N. Lisovoi. M.; SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2011. S. 83–202 (in Russian).
10. Smirnova I.Yu. Kirill (Naumov), ep. Melitopol'skii. Pravoslavnaya entsiklopediya. M., 2014. T. 34. S. 515–518 (in Russian).
11. Smirnova I.Yu. Mitropolit Filaret i Pravoslavnyi Vostok. M.: ROSSPEN, 2014 (in Russian).
12. Butova R.B., Smirnova I.Yu. Russkaya Dukhovnaya Missiya v Ierusalime (1847–1917) // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 60. 2020. S. 521–531 (in Russian).
13. Butova R.B., Lisovoi N.N. Arkhimandrit Antonin (Kapustin). Nasledstvo i nasledie. 200 let sozdatelyu Russkoi Palestiny // Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii. 2017. № 8. S. 26–33 (in Russian).
14. Smirnova I.Yu. Arkhimandrit Antonin (Kapustin) i tserkovnaya diplomatiya na Khristianskom Vostoke (1850-e – 1860-e gg.) // Ot Zaural'ya do Ierusalima: lichnost', trudy i epokha arhimandrita Antonina (Kapustina). Dalmatovo, 2016. S. 179–184 (in Russian).
15. Dmitrievskii A.A. Russkaya Dukhovnaya Missiya v Ierusalime. M.; SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2009 (in Russian).
16. Butova R.B. Vzaimodeistvie nachal'nika Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime arhimandrita Antonina (Kapustina) s russkim diplomaticheskim korpusom vo vtoroi polovine XIX veka: osobennosti i problemy // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. Vyp. 116. M., 2019. S. 69–96 (in Russian).
17. Butova R.B. «Goryachaya Vera deyatelei pervogo chasa». Imperator Aleksandr III i osnovanie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. Vyp. 118. M., 2020. S. 291–300 (in Russian).

Индекс УДК 930

Код ГРНТИ 03.23.05

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-22-36

**В.П. КОРЗУН,
М.В. КОВАЛЁВ,
В.С. ГРУЗДИНСКАЯ***

Юбилей Академии наук СССР в победном 1945 году: замысел, сценарий праздника, международный резонанс

В фокусе внимания авторов — торжества в 1945 г. по случаю 220-летия Академии наук СССР. На юбилейных мероприятиях, неразрывно связанных с эйфорией от Победы и завершением боевых действий в Европе, присутствовали 124 делегата из 17 стран и около 1000 советских учёных. Уникальность ситуации способствовала уникальности восприятия и вселяла надежды на переустройство мира. Данное событие получило широкий размах и вызвало множество откликов. Юбилей стал коммуникативной площадкой, на которой обсуждались представления учёных о поле науки в победном 1945 г.

В статье на основе широкого круга источников, в том числе из зарубежных архивов, впервые введённых в научный оборот, представлены сценарий празднования 220-летия АН СССР, образы русской и советской науки, задаваемые руководящей научной элитой, и их рецепция представителями международного научного сообщества; выявлены факторы, влияющие на складывание и функционирование коммуникативного поля мировой науки. Сделан вывод, что контекстуальным фоном юбилейных торжеств оказались завышенные ожидания новых форм международного сотрудничества, обсуждались различные формы сотрудничества. Однако торжество идеи «единой науки» и формирования единого коммуникативного поля оказалось кратковременным.

Ключевые слова: Академия наук СССР, 220-летний юбилей, власть и наука, коммуникативное поле, мировая наука, научное сообщество

* **Корзун Валентина Павловна** — доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета (ОмГУ) им. Ф.М. Достоевского, руководитель проекта «Юбилей АН СССР в победном 1945 году: сценарии праздника, коммуникативное поле науки, международный резонанс» (19-09-00264).

E-mail: korzunv@mail.ru

Ковалёв Михаил Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Архива Российской академии наук, исполнитель того же проекта.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Груздинская Виктория Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, исполнитель того же проекта.

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Академический юбилей: возможности прочтения

В июне 1945 г. с большим размахом было отпраздновано 220-летие Академии наук СССР. На юбилейных мероприятиях присутствовало 124 делегата из 17 стран и около 1000 советских учёных. Почётными гостями юбилея были народные комиссары, руководители государственных, партийных и общественных организаций, а также военачальники. Юбилей имел широкий резонанс как в СССР, так и за рубежом.

Эйфория от Победы в Великой Отечественной войне (прошло чуть больше месяца после падения Берлина), колоссальный масштаб жертв, усилий и результатов этой победы придавали данному событию соответствующий эпический характер. Описываемый нами феномен празднования юбилея АН СССР содержательно многослоен, но в то же время целостен и неделим: «на одном юбилейном поле, в рамках одного реализуемого сценария органически сочетались разноприродные социальные сущности: власть, нацеленная на жёсткие формы социальной инженерии и репрессивную регулируемость, наука, пытающаяся снять с себя отлучение от отечественной дореволюционной и мировой “антимарксистской” науки, и ставшие, безусловно, своими (на короткий исторический миг) представители самой этой мировой науки — иностранные учёные — почётные гости своего/чужого пира, выражающие смешанные чувства восхищения и изумления, иногда иронии. Целостность процесса индуцировалась ощущением небывалой историчности переживаемого момента — выиграна величайшая война в истории» [1, с. 389]. Уникальность ситуации вселяла надежды на переустройство мира: «Родился новый мир, и мы можем позволить себе быть счастливыми»¹.

Переустройство мира виделось учёным на основе торжества идеи беспри-

страстной, интернациональной науки. Это грандиозное торжество до недавнего времени не было предметом специального исследования, хотя упоминание о нём и краткая хроника основных событий содержатся в ряде историко-научных и научно-популярных работ [2–10]. Данное обстоятельство, а также мемориальный и культурологический ракурс современной историографии побудили авторский коллектив взяться за разработку сюжетов празднования 220-летия АН СССР. Практически все прежние исследования основывались главным образом на опубликованных источниках, хотя, заметим, в ряде публикаций были задействованы материалы Архива РАН, в особенности — специальный фонд Всесоюзного комитета по проведению 220-летия АН СССР (Ф. 519). Мы значительно дополнили круг этих материалов источниками личных фондов советских учёных, а также документами партийно-государственных структур (ГАРФ, РГАСПИ, ЦГАИПД). Но главное, что впервые в научный оборот введены документы из архивов Великобритании, Чехии, Сербии, США.

В нашем случае академическая коммеморация выступает своеобразной лупой, с помощью которой через микросюжет более чётко обозначаются контуры глобальных историко-научных процессов. В рамках проекта мы исследовали юбилей в нескольких ракурсах: 1) корпоративно-ритуальном, с пристальным вниманием к сценарию; 2) внутринаучном, отражающем соотношение концепции национально-государственной науки и концепции академического интернационализма; 3) актуализированно-политическом, задаваемом как Великой Победой, так и властью, стремящейся её инструментализировать; 4) коммуникативном, отражающем иллюзии перезагрузки и реалии перереформирования международного поля науки; 5) антропологическом, позволяющем представить феномен празднования

¹ Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 519. Оп. 1. Д. 584. Л. 39.

и его организацию в человеческом измерении; б) традиционно историографическом или проблемном, раскрывающем представленный на праздновании образ советской науки, в том числе и исторической [1, 11–15]. В фокусе же данной статьи оказались вопросы замысла праздника (ведь и дата «не круглая», и страна в руинах), его сценарное воплощение и «эхо» юбилея в откликах иностранных учёных.

«Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием»: замысел

По одной из версий идея празднования знаменательной даты возникла у президента Академии наук академика В.Л. Комарова ещё в дни его личного юбилея (14–15 октября 1944 г. широко отмечалось 75-летие учёного). Он советовался «с некоторыми своими старейшими коллегами — с академиками Н.Д. Зелинским, В.А. Обручевым, а также с членами Президиума Академии Наук СССР — и решил войти с ходатайством в правительство Союза ССР о разрешении отпраздновать эту знаменательную дату» [16, с. 279].

Во время личной беседы с И.В. Сталиным, состоявшейся 13 ноября 1944 г., В.Л. Комаров предложил отметить 220-летний академический юбилей в 1945 г. «большим научным празднеством» с приглашением иностранных учёных. По его мнению, общественное значение этого праздника заключалось в демонстрации того исторического вклада, который «внесла русская наука, в частности, деятельность Академии Наук в мировую научную мысль», в том, чтобы показать «роль научного творчества в государственном строительстве СССР»¹.

Более детально свои идеи по организации «праздника науки» президент АН СССР изложил в письме к тов. Сталину 20 ноября 1944 г. Была предложена программа по созданию и восстановлению/реконструкции академической ин-

фраструктуры (в частности, планировалось «возобновить строительство главного здания АН СССР в Москве», ремонт разрушенных войной академических институтов в Москве и Ленинграде и др.), по организации нового академического института по истории естествознания, созданию Ботанического сада на территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, улучшению бытовых условий сотрудников Академии. Что касается непосредственно организации 220-летнего юбилея, В.Л. Комаров предлагал создать Всесоюзный комитет, наделённый статусом правительственного органа. При этом академик подчёркивал: «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием, ещё более повысит престиж советской науки и культуры во всём мире» [12, с. 288].

Высказанные В.Л. Комаровым идеи легли в основу Постановления СНК № 128 от 21 января 1945 года «Об ознаменовании 220-летия существования Академии наук СССР» (фото 1). Во вновь созданный Всесоюзный комитет по проведению юбилея вошли 42 представителя советской науки, культуры, органов государственной власти. Председателем комитета был назначен президент Академии наук академик В.Л. Комаров (фото 2).

Постановление СНК отражало необычайно возросший в годы войны престиж науки. Юбилейная сессия АН СССР должна была стать своего рода парадом победы в области науки, что предполагало соответствующее монументальное оформление торжества, включая «дресс-код» для его участников. Таким образом идея празднования была инициирована научным сообществом и поддержана властью.

Наука и зрелища

Юбилейный комитет разработал сценарий празднования, отражающий опыт как академических юбилеев в император-

¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 197. Л. 2–3.

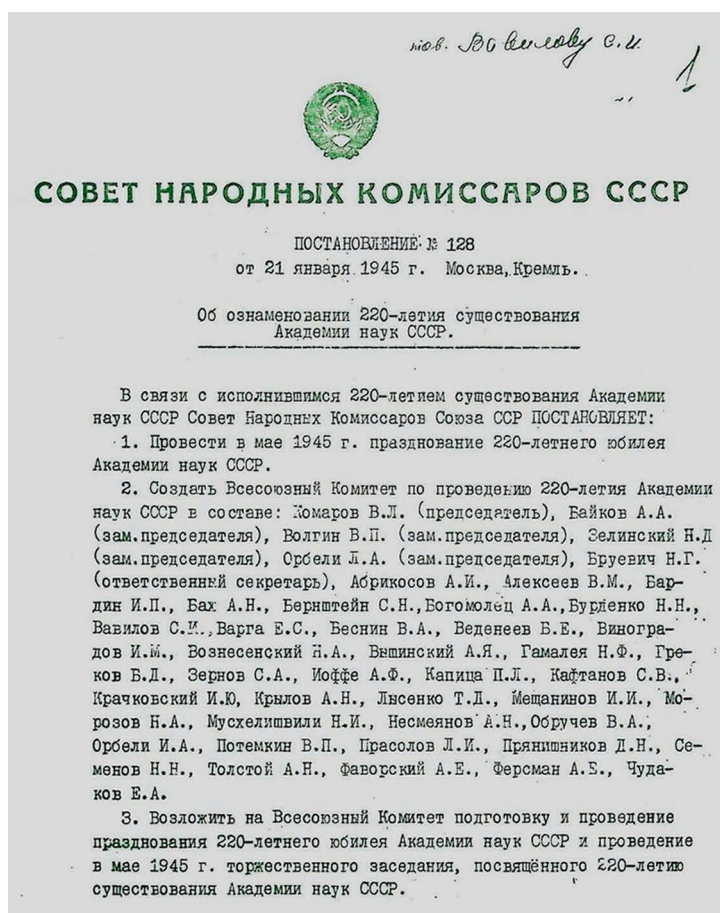

ской России, так и первого академического юбилея по-советски в 1925 г. В сценарии празднования можно выделить четыре блока: 1) собственно научный, 2) ритуально-приветственный, 3) концертно-развлекательный и 4) банкетный. Такой сценарий реализовывался в рамках всего празднования, наполняясь конкретными мероприятиями: посещением научных учреждений и лабораторий, выставок, театров и музеев, участием в митингах, презентацией советской науки широким кругам общественности.

Празднования проходили в двух академических центрах: в Москве и Ленинграде с 15 по 30 июня 1945 г. В разгар празднования, 18 июня, программа была скорректирована: добавилось присутствие на Параде Победы на Красной площади 24 июня. В связи с этим сроки торжественных праздничных мероприятий в Ленинграде были отодвинуты на 25–28 июня 1945 г.

Начались торжества 15 июня 1945 г. приёмом участников юбилейной сессии Президиумом Академии наук СССР в Москве в залах Нескучного Дворца. На следующий день состоялось торжественное заседание в Большом театре (фото 3).

Холл Большого театра впервые в своей истории был украшен портретами не артистов, а отечественных учёных. Портреты академиков были специально написаны к юбилейной сессии. Составной частью академического юбилейного ритуала стало награждение большой группы учёных орденами и медалями, с которыми, как предписывал протокол для служебного пользования, им надлежало явиться на торжественное заседание. Само юбилейное действие было своеобразным парадом советской науки, это явно видно и в научных докладах историко-научного плана, когда движение на-

Фото 1. Постановление Совета народных комиссаров СССР о праздновании 220-летия Академии наук. АРАН. Ф. 596. Оп. 2. Д. 15. Л. 1

уки представлялось как триумфальное поступательное шествие от М.В. Ломоносова до современных исследователей, внёсших вклад в Победу, и в организации пространства приветствий в адрес участников этого научного парада.

В докладе В.Л. Комарова (зачитанном Л.А. Орбели) подчёркивался огромный вклад Академии наук в Победу в Великой Отечественной войне. Значимый акцент был сделан на вкладе учёных разных стран антигитлеровской коалиции в общее дело борьбы с фашизмом. В концептуальном плане отметим чётко выраженную мысль о единстве мировой науки, преемственности дореволюционной и советской науки (а это диссонировало с официальным довоенным образом советской науки), о возрастающей роли науки в современном мире. Доклад В.Л. Ко-

Фото 2. Заседание Юбилейной комиссии по проведению празднования 220-летия Академии наук СССР на даче у президента АН СССР В.Л. Комарова на Николиной горе. АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 41. Л. 1

марова был положительно воспринят присутствующими. Так, Эрик Эшби назвал это выступление сильным [17, р. 130], американский антрополог из Иранского института в США Артур Поуп отметил прозвучавший в докладе президента АН СССР посыл к восстановлению поля «единой науки»¹.

Основными же площадками, где были представлены научные доклады и разворачивались дискуссии, в том числе с участием иностранных учёных, стали заседания Отделений АН СССР и Учёные Советы ряда академических институтов. В рамках юбилейных заседаний были заслушаны 93 доклада отечественных и 36 докладов зарубежных учёных, хотя последние не были запланированы.

Академический ритуал включал приветствия в адрес юбиляра. Академия наук получила свыше 470 приветствий и поздравительных телеграмм, 32 из них были зачитаны на торжественных заседаниях. Самую многочисленную группу составили приветствия и телеграммы, присланные различными научными коллективами (186), что было традиционно для академического ритуала. Следующая

группа — телеграммы и приветствия от органов власти, партийных (63) и военных структур (18) (Красная армия, Военно-морской флот).

Новый статус советской науки на уровне ритуала, пожалуй, более всего был проявлен в многочисленных поздравлениях с 220-летием АН СССР от различных советских учреждений: заводов, музеев, театров, библиотек, издательств и редакций газет и т.д. (41). Это было зеркальное отражение «всепроникающей культуры партийности» и концепта «науки для народа», популяризаторских практик советской власти. Выразить своё почтение Академии наук пожелали и отдельные лица (20), главным образом, учёные (в том числе и академики). Особую группу составили приветственные адреса иностранных учёных, в общей сложности их насчитывалось 117.

Сценарий праздника включал также культурную программу, по шутливо-ироничному замечанию одного из участников, — «балет-концерт-банкет». Насыщенная культурная программа была рассчитана преимущественно на иностранных гостей. Прежде всего их знакомили с оте-

¹ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 584. Л. 37.

чественной классикой, что эмоционально придавало празднику особую торжественность и державность. В первый же день сессии участники заседания прослушали торжественную увертюру П.И. Чайковского «1812 год» в исполнении оркестра Большого театра, 18 июня – оперу М.И. Глинки «Иван Сусанин», 19 июня – посмотрели во МХТе спектакль по пьесе А.П. Чехова «Три сестры». Единственной постановкой на современную тематику был спектакль «Сталинградцы» Ю.П. Чепурина на сцене театра Красной Армии. 20 июня на сцене Большого театра гостям был показан балет «Жизель».

Классическую программу участникам торжеств предложили и в Ленинграде. 25 июня они посмотрели балет на музыку П.И. Чайковского «Лебединое озеро», 26 июня в Большом зале Ленинградской филармонии в честь участников юбилейных торжеств выступил симфонический оркестр Ленинградской филармонии. Высоких гостей очень впечатлили оркестр и особенно балеты как в Москве в Большом, так и в Ленинграде на сцене Кировского театра оперы и балета. «Не нужно быть профессиональным критиком, чтобы почувствовать превосходство русской драмы и исполнение балета», – от-

метил в своём интервью представитель американской метеорологической миссии Бернард Мерилл¹. Заключительный концерт, как мощный, завершающий аккорд праздника, состоялся в Большом театре 29 июня. В программу концерта вошли произведения русских классиков: М. Глинки, Н. Римского-Корсакова, М. Мусоргского и современных композиторов: Д. Шостаковича, В. Соловьёва-Седого. И как сообщала «Правда»: «Бурными аплодисментами наградили гости исполнителей заключительного номера первой половины вечера: три лучших хора страны – хор Большого театра, Республиканская русская капелла и Государственный хор русской песни – в сопровождении симфонического оркестра СССР и Образцового оркестра Наркомата обороны с исключительным подъёмом исполнили «Славься» из оперы «Иван Сусанин» Глинки» [18]. В концерте также участвовали Государственный ансамбль народного танца СССР (художественный руководитель И. Моисеев) и Краснознамённый ансамбль песни и пляски СССР (художественный руководитель А. Александров).

Культурная программа предполагала посещение не только театров и концертов, но и музеев и выставок, предусмат-

Фото 3. Торжественное заседание Юбилейной сессии Академии наук СССР в Государственном академическом Большом театре Союза СССР (Москва, 16 июня 1945 г.). АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 44

¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 197. Л. 3 об.

ривались экскурсии в Кремль, музей Октябрьской революции, Государственный исторический музей, Третьяковскую галерею, музей-усадьбу Л.Н.Толстого в Ясной поляне (фото 4).

В дневниковых записях и воспоминаниях учёных зафиксированы впечатления об этих экскурсиях, в них прочитываются и восхищение кремлёвскими соборами, и недоумение в связи с явно политическими акцентами в советском изобразительном искусстве, и фиксация следов варварских бомбардировок (искорёженные и мёртвые деревья, вздыбленные рельсы, перевёрнутые вагоны, разрушенные здания), и радость осуществления интеллектуально-книжного паломничества в Ясную поляну.

В Ленинграде гостей ждали экскурсии в музеи и научные учреждения: посещение Кунсткамеры, экскурсии в Пулковку, Павловск, Пушкин, Петродворец. Разрушенные немецкими бомбардировками и артобстрелами сооружения Академии наук, в частности Пулковская обсерватория, потрясли иностранных учёных, в их дневниковых записях и выступлениях сквозит мысль об уязвимости цивилизации и необходимости поставить науку на благо мира. Они восхищаются героизмом, проявленным ленинградскими учёными не только в лабораториях и в цехах заводов, но и на поле боя.

Неотъемлемой частью торжеств стали официальные приёмы, которые сопровождались банкетами. В источниках зафиксированы три банкета в рамках юбилейных мероприятий: два в Москве на старте и на финише юбилейной программы и один — в Ленинграде.

Более полно описаны банкет, состоявшийся в первый день юбилейной сессии в большом зале гостиницы «Москва» и заключительный банкет в Георгиевском зале Кремля. Сценарий кремлёвских банкетов для участников академического юбилея не отличался от других «сталинских банкетов», распространённых со второй половины 1930-х гг. и призванных, по мне-

нию современного исследователя В.А.Невежина, продемонстрировать «силу и величие государства» [19, с. 243]. В банкетном действе принимали участие хозяева (к ним относят И.В.Сталина и Политбюро), гости (самая многочисленная группа, состав которой зависел от отмечаемого события) и артисты/музыканты, которые призваны были обеспечить особую атмосферу праздника, придав ей торжественность и пышность, с одной стороны, и непринуждённость — с другой.

Традиционно гостям «сталинских банкетов» предлагали разнообразные угощения, которые также должны были свидетельствовать об изобилии Советского государства: рыбные и мясные деликатесы, овощи, грузинские и крымские вина (см.: [1, с. 386; 11, с. 215–216]).

Июньские банкеты по случаю празднования 220-летия АН СССР свидетельствовали о вписывании учёных, как статусной группы советского общества, в культуру партийно-сталинской повседневности, и в то же время подчёркивали значимость науки в государственной политике. Для самих учёных — это ещё и важная коммуникативная площадка, на которой формировался особый эмоциональный настрой, стирающий барьеры непонимания, завязывались новые знакомства, разворачивались разговоры tête-à-tête. «Самое восхитительное как раз и было в этой неформальной беспорядочности», — отметил в своём дневнике один из участников банкетов [20, р. 26]. Тосты за все отрасли науки, разбитые стаканы, прогулки под руку и беседы, танцы, описание меню и восторги по поводу русской кухни...

И совсем другая тональность повествования и другой фокус фиксации банкетного действия, состоявшегося 30 июня в Георгиевском зале Кремля. Это был своего рода театр, где главным актёром был Сталин, не произносивший ни речей, ни тостов, но притягивавший к себе внимание всех присутствовавших. В Георгиевском зале ровно в 19 часов во главе

Фото 4. Участники юбилейной сессии в Кремле. Июнь 1945. АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 45

со Сталиным появились советское руководство почти в полном составе.

Президиум Академии наук на этом приёме находился за общим столом с советским Правительством. Встреча сопровождалась горячими рукопожатиями, игрой оркестра, большим концертом с участием лучших артистов столицы. Задействованы были М.О.Рейзин, И.С.Козловский, М.Д.Михайлов, Д.Я.Пантофель-Нечецкая, государственный симфонический оркестр СССР и Краснознаменный ансамбль песни и пляски. На банкете тосты поднимали 16 раз, и все завершались здравицами в честь вождя: «За здоровье товарища Сталина!», отдельный тост «За великого корифея марксистско-ленинской науки, почётного академика И.В.Сталина!». Шесть раз поднимался тост «За науку» как в общем плане, так и с персональным перечислением учёных — Героев Социалистического Труда. Именно в этой атмосфере апофеоза В.М.Молотов произнёс свой знаменитый тост: «В честь советских учёных, в честь дружбы между нашими и иностранными учёными, между

нашей и мировой наукой! За их здоровье, за их успехи, и за присутствующих среди нас гостей, участвующих в этом чествовании. За Ваше здоровье!». Содержательный стержень этого тоста — идея единства мировой науки, что было созвучно настроением научного сообщества и одному из значимых тезисов юбилейного доклада Президента АН СССР. Пафосное единение.

На таком фоне интересен взгляд со стороны. Заключительный приём в Георгиевском зале Кремля запомнился канадскому учёному тщательной охраной (паспорта проверяли трижды) и более всего, конечно, присутствием И.Сталина, постоянно курившего. В дневнике Г.Инниса представлен портрет вождя, это лаконичные формулировки, как грубые мазки кисти художника: «довольно седоватые волосы», «подошёл выпить за здоровье Комарова», «вскакивал, чтобы выпить за Красную Армию», «не произнёс ни одной речи». Сталин произвёл на канадского учёного впечатление человека «очень расчётливого, простого, неформального и независимо-

го <...> хотя и подверженного постоянно-му обожанию» [20, р. 40]. Его внимание было приковано к фигуре вождя, и других описаний, кроме упоминания о сопровождении банкета концертом и реакции на это Сталина, мы не находим.

«...будет очень жаль, если добрая воля и интерес, накопленные в течение двух недель конференции, не смогут быть продолжены»

Путешествие в СССР летом 1945 г. стало огромным событием для иностранных учёных, приглашённых на академические торжества, причём для «доставки/отправки» иностранных участников юбилейной сессии было выделено несколько самолётов (фото 5). Многие из них, как, например, члены британской делегации Джозеф Нидхэм, Макс Борн, Томас Холланд, канадский учёный Гарольд Иннис, вели в это время дневниковые записи, рассказывали о поездке в Москву и Ленинград в письмах к своим родственникам и коллегам. Иные, как китайский историк Го Мо-Жо или его монгольский коллега Базарын Ширендыб, поведали о визите несколько позже на страницах мемуаров. Впечатления о юбилее и советской науке нашли отражение и в исследовательской литературе. Показательна в этом плане монография участника юбилейных торжеств австралийского ботаника Эшби [17]. Кроме того, почти все иностранные гости сразу после возвращения домой выступали с отчётами, лекциями, интервью или специальными статьями в прессе, делясь впечатлениями об СССР и советской науке.

В победном 1945 г. интерес к советской науке во всём мире был огромным и искренним. Верно подмечено, что в тот исторический момент «ближайшие послевоенные перспективы возобновления

научного обмена между Востоком и Западом в самом деле казались весьма многообещающими» [21, р. 25]. Так, после возвращения Г.Инниса из СССР осенью 1945 г. в университете Торонто был сформирован специальный комитет по русистике, который определил основные направления развития «русской темы» и выделил значительную сумму на приобретение русских книг [22, р. 260].

Общей чертой практически всех юбилейных рефлексий иностранных гостей стало если не восхищение, то искреннее уважение к советской науке (фото 6). Их впечатлили масштаб финансирования исследований, уровень оснащения лабораторий, широта научной проблематики, а также высокий статус и материальный достаток учёных.

В архиве югославского лингвиста А.Белича имеются его рабочие записи, в которых зафиксирована схема устройства АН СССР и организации научных исследований¹. Британский геолог Томас Холланд восторженно рассказывал после возвращения в Лондон о 6000 подготовленных геологах, работающих в структуре Академии наук, и о ежегодных расходах на геологоразведочные работы в размере более 40 миллионов фунтов стерлингов: «Русские вовремя осознали, что никакой пятилетний план промышленного развития не может работать, если он не основан на минеральных ресурсах; и, осознав эту истину, они действовали»². Член Лондонского Королевского общества химик Фредерик Доннан в своём отчёте для прессы подтверждал: «Нет никаких сомнений в том, что я и мои коллеги увидели, что многочисленные институты Академии, как в Москве, так и в Ленинграде, проводят самые важные и ценные научные исследования, что они великолепно оснащены и управляются людьми с международной репутацией, которым

¹ Архив Српска академија наука и уметности. Ф. Александра Белића, 14386-III/2154-2155.

² Royal Society, Library and Archives. Papers of Sir Thomas Henry Holland. MSG 768/B/2.

Фото 5. Встреча самолёта с иностранными гостями, прибывшими на юбилейные мероприятия, посвящённые 220-летию Академии наук (Москва, 15 июня 1945). АРАН. Р. IX. Оп. 2. Д. 42

помогает большое количество высококвалифицированных сотрудников»¹.

Подобные выступления, по мысли их авторов, должны были повлиять на выстраивание научных и культурных связей с СССР, невзирая на разницу политических режимов и мировоззрений. Так, англо-немецкий физик Макс Борн задаёт себе вопрос: влияет ли социально-философская система Советского Союза на развитие физики, и отвечает на него отрицательно: «Я почти не нашёл следов такого влияния, и уж тем более никаких ограничений для исследования. Российский физик интерпретирует факты наблюдений в том же духе интеллектуальной свободы, что и его западный коллега, и без всякой цензуры допускает любые суждения по космологии, теории относительности или квантовой теории» [23, р. 326].

Возможности для коммуницирования виделись и в области гуманитарных и социальных наук. По Г.Иннису, высокопро-

фессиональная конкретика, сопровождавшаяся ритуализированной марксистской догматикой в области изучения аграрной истории Англии, позволяет наладить плодотворное научное сотрудничество британских и советских историков. Применительно к Западу такие меры казались особенно важными, ведь, с одной стороны, ряд политиков и организаций выступал за развитие связей с СССР, видя в юбилейных торжествах подходящий повод для их укрепления, с другой стороны, политические «ястребы» настороженно смотрели на такие контакты, особенно в свете разработки ядерного оружия. Как известно, консервативная позиция британского правительства выразилась в запрете нескольким приглашённым учёным поехать в СССР в июне 1945 г. (П. Дирак, П. Блэккетт, Д. Бернал, Н. Мотт, Э. Милн, Р. Норриш, Э. Ридил, Ч.Г. Дарвин). А канадский дипломат Арнольд Смит в том же июне 1945 г. в телеграмме на имя премьер-министра

¹ University College London Library, Special Collections, Frederick George Donnan Papers. DONNAN/20-25/20/5.

Фото 6. Участники юбилейной сессии на экскурсии по залам Зоологического музея (Ленинград, июнь 1945). АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 47

Канады Маккензи Кинга заявлял, что «период медового сотрудничества между Западными державами и Советским Союзом закончен <...> ввиду тоталитарной природы советской экономики и советской цивилизации», а в дальнейшем — в 1947 г. — характеризовал СССР как «худший в мире тоталитаризм» [24].

Особо подчеркнём, что явные успехи советской науки заметили даже те, кто был критично настроен по отношению к СССР. Так, уже упоминавшийся нами Гарольд Иннис, заявлявший об историческом отставании России от Запада, во время поездки на юбилей Академии наук признал, что «русские поклоняются знаниям» [20, р. 30], отметив их успехи в освоении Арктики, высокие достижения советских учёных в почвоведении, биологии, прикладной экономике.

Вместе с тем многие иностранные гости пытались понять опыт научного сообщества в СССР, пережившего трагические потрясения 1920–1930-х гг. Обратим внимание на поразительный факт комму-

никативной свободы: иностранные гости могли передвигаться без сопровождения и наедине общаться с советскими коллегами. Такое доверительное общение без чужих глаз и ушей давало возможность задавать острые вопросы. Физик М. Борн, побывав в гостях у П.Л. Капицы 20 июня 1945 г., лаконично зафиксировал в дневнике: «Я много узнал о довоенном времени». Борн попытался навести справки о коллегах, внезапно прервавших контакты с ним, в особенности о В.И. Романове и Ю.Б. Румере. Друзья посоветовали Борну не поднимать такие вопросы публично. Размышляя о масштабах репрессий в СССР, знаменитый физик сделал вывод, что даже если принять во внимание лишь официальные данные об арестованных, речь будет идти о «многих сотнях тысяч». Членов британской делегации беспокоило положение генетики в СССР, особенно в свете ещё не подтверждённых официально в ту пору слухов об аресте и гибели Н.И. Вавилова. В одном из британских отчётов констатировалось: «Генетическая

война в СССР бушует столь же яростно, как и прежде»¹.

Хотя большинство иностранных гостей испытали явное восхищение высоким статусом советской науки и уровнем продемонстрированных им исследований, для некоторых из них увиденное стало поводом задуматься над вечными вопросами. Всегда ли государственная поддержка и материальный достаток обеспечивают прорывные открытия и эффективную организацию научной жизни? Так, несколько встреч с П.Л.Капицей дали М.Борну почву для размышлений о формах организации науки в СССР и за рубежом, о взаимоотношениях учёных и власти. Отдавая дань советским учёным, Борн заметил, что научная элита всё больше отрывается от народа. Учёные становятся получателями привилегий и борются между собой за них. Как пытливый учёный-теоретик он стремился проникнуть вглубь наблюдаемых явлений и понять их истоки. Вывод Борна звучал неутешительно: «Когда я побывал в России, я разуверился в них, несмотря на огромные лаборатории и небоскрёбы». Ещё 20 августа 1945 г. в письме к сыну он говорил о том, что в советской системе нет главного — нет любви, а ведь любовь — «это сила, столь же мощная, как и атомы»².

Контекстуальным фоном юбилейных торжеств оказались завышенные ожидания новых форм международного научного сотрудничества, среди которых можно выделить интеграцию европейских, евроазиатских, славянских стран; интеграцию по направлениям науки и по изучению

уникальных регионов (например, Арктики) [8, с. 10]. В ходе юбилея родилась идея институализировать «единство науки». Английский биофизик Джозеф Нидхем выступил с инициативой создания Международной службы научного сотрудничества. Он подготовил и разослал «Меморандум о месте науки и международного сотрудничества в послевоенной мировой организации» [15, с. 95]. Научное сообщество проявляло опасения относительно возможности сохранения контактов. В частности, секретарь британской делегации Б.Трип в отчёте о поездке на юбилей подчеркнула: «Будет очень жаль, если добрая воля и интерес, накопленные в течение двух недель конференции, не смогут быть продолжены» [15, с. 95].

Эти опасения подтвердились. Торжество идеи «единой науки» и формирования единого коммуникативного поля оказалось краткосрочным. Надежды на гуманизацию общества и роль в этом процессе науки не оправдались, «поле коммуникативных практик свёртывается, развитие науки переводится в режим автаркии» [25, с. 67]. Внешнеполитический фактор оказался решающим в конструировании коммуникативного пространства науки. «Железный занавес» холодной войны опускался всё ниже, актуализировалась идея национально-государственной науки, отражающая не только противоречия переустройства мира в геополитическом измерении, но и вызовы послевоенной модернизации, практики мобилизации интеллекта для восстановления экономик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Серия «История России». 2020. № 2. С. 374–392.
2. Павлова Г.Е. 220 лет Академии наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. Вып. 1. С. 21–25.

¹ The Library and Archives of the Royal Society. Sir Henry Hallett Dale. HD/8/8/2/14/61–62.

² Niels Bohr Library & Archives at the American Institute of Physics. MB2014-1391; 65.

3. Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
4. Орёл В.М. Юбилей Российской Академии наук: история и традиции // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999. С. 31–37.
5. Есаков В.Д. О встрече академика В.Л. Комарова с И.В. Сталиным // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 3. С. 256–259.
6. Быковская Г.А., Македонская В.А. 220-летие Академии Наук: подведение итогов деятельности в годы Великой Отечественной войны // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия «Социально-политическое развитие российского общества». 2015. № 2. С. 19–24.
7. Стыкалин А.С. Сент-Дёрди: «Наука и политика должны шествовать рядом» // Русофил. 2018. № 1. URL: <http://russophile.ru/2018/01/06/сент-дёрдинаука-и-политика-должны-шес/> (дата обращения: 01.05.2021).
8. Куперштох Н.А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // Всеобщая история. 2020. № 2. С. 3–11.
9. Лиманова С.А. Победный парад советской науки // Родина. 2020. № 6. С. 122–125.
10. Соболев В.С. Празднование 220-летия Российской Академии наук // Вестник Российской Академии наук. 2020. Т. 90. № 8. С. 794–798.
11. Колеватов Д.М., Корзун В.П. «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского учёного) // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Т. 162. № 3. С. 207–219.
12. Груздинская В.С., Корзун В.П. «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: Документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 281–293.
13. Груздинская В.С. Юбилей Академии Наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39.
14. Ковалёв М.В. Британская делегация на праздновании 220-летия АН СССР в 1945 г. (по материалам архивных собраний Кембриджа) // Омские научные чтения — 2019: Материалы третьей Всероссийской научной конференции. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2019. С. 284–287.
15. Ковалёв М.В., Груздинская В.С. «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских учёных»: британская делегация на 220-летнем юбилее Академии наук. 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107.
16. Павлов Н.В. Владимир Леонтьевич Комаров. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
17. Ashby E. Scientist in Russia. New York: Penguin books, 1947.
18. Концерт, посвящённый 220-летию Академии наук СССР // Правда. 30 июня. 1945.
19. Неvejeин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлёвские приёмы 1930-х – 1940-х годов. М.: АИРО-XXI, 2019.
20. Harold A. Innis: Innis on Russia. The Russia Diary and other writings by Harold A. Innis. Toronto; Ontario: Harold Innis Foundation, Innis College, University of Toronto, 1980.
21. Hollings C.D. Scientific Communication Across the Iron Curtain. Heidelberg: Springer, 2016.
22. Buxton W. Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath // Harold Innis and the North Appraisals and Contestations / Edited by William J. Buxton. London: McGill-Queen's University Press Montreal, 2013. P. 246–272.
23. Born M. Theoretical Physics // The Nature. 1945. № 3959. P. 325–326.
24. Щербина Т.А. Советская внешнеполитическая деятельность в канадских документах в период холодной войны. — URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2913 (дата обращения: 1.07.2020).
25. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011.

ENGLISH

**Anniversary of the USSR Academy of Sciences in the Victorious 1945:
Idea, Celebration Scenario, International Response**

Valentina Pavlovna Korzun – Doctor of Science (History), Professor at the Dostoevsky Omsk State University, head of the project “Anniversary of the USSR Academy of Sciences in the Victorious 1945: Celebration Scenarios, Science Communication Field, International Response” (19-09-00264).

E-mail: korzunv@mail.ru

Mikhail Vladimirovich Kovalyov – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Archive of the RAS, executor of the same project.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Victoria Sergeevna Gruzinskaya – Candidate of Science (History), researcher at the Dostoevsky Omsk State University, executor of the same project.

E-mail: vik11910314@yandex.ru

The authors focus on the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945. The festive events hosted both due to the anniversary, joyful victory and cease of warfare in Europe were attended by 124 delegates from 17 countries, as well as by nearly 1,000 Soviet academics. The situation was unique in its concept and inspired people with hope for world reconstruction. The occasion was widely publicized, eliciting an extensive response. The anniversary served an occasion to organize the forum where academics discussed their perception of science field in the victorious year of 1945.

Based on a wide range of sources, including foreign archives first introduced to the academia, the paper presents the scenarios of the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences, as well as the images of the Russian and Soviet science represented by the academic elite, and their perception by the international scientific community. The authors reveal the factors that influence the establishment and functioning of the communicative field of global science. It is concluded that in a contextual way the anniversary events featured the overestimated expectations of new forms of international cooperation, with various forms of collaboration being discussed. However, the triumph over the “unified science” and the establishment of the universal communicative field was temporary.

Keywords: USSR Academy of Sciences, 220th anniversary, authority and science, communication field, world science, academia, scientific community

REFERENCES

1. Korzun V.P., Gruzinskaya V.S. 220-i yubilei AN SSSR v 1945-m: stsenarii prazdnovaniya v sotsiokul'turnom kontekste epokhi // Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii». 2020. № 2. S. 374–392 (in Russian).
2. Pavlova G.E. 220 let Akademii nauk SSSR // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1974. Vyp. 1. S. 21–25 (in Russian).
3. Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki / Sost. E.I. Kolchinskii. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003 (in Russian).
4. Oryol V.M. Yubilei Rossiiskoi Akademii nauk: istoriya i traditsii // Rossiiskaya Akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii. M.: Yanus-K, 1999. S. 31–37 (in Russian).

5. Esakov V.D. O vstreche akademika V.L. Komarova s I.V. Stalinyom // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2005. T. 75. № 3. S. 256–259 (in Russian).
6. Bykovskaya G.A., Makedonskaya V.A. 220-letie Akademii Nauk: podvedenie itogov deyatelnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Seriya «Sotsial'no-politicheskoe razvitie rossiiskogo obshchestva». 2015. № 2. S. 19–24 (in Russian).
7. Stykalin A.S. Sent-Dyordi: «Nauka i politika dolzhny shestvovat' ryadom» // Rusofil. 2018. № 1. URL: <http://russophile.ru/2018/01/06/sent-dyordinauka-i-politika-dolzhny-shes/> (data obrashcheniya: 01.05.2021) (in Russian).
8. Kupershtokh N.A. Obraz nauki v poslevoennom mire: yubileinoe zasedanie Prezidiuma Akademii nauk SSSR v iyune 1945 g. // Vseobshchaya istoriya. 2020. № 2. S. 3–11 (in Russian).
9. Limanova S.A. Pobednii parad sovetskoi nauki // Rodina. 2020. № 6. S. 122–125 (in Russian).
10. Sobolev V.S. Prazdnovanie 220-letiya Rossiiskoi Akademii nauk // Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk. 2020. T. 90. № 8. S. 794–798 (in Russian).
11. Kolevatov D.M., Korzun V.P. «Russkie poklonyayutsya znaniyam» (220-letnii yubiley AN SSSR v vospriyatii kanadskogo uchyonogo) // Uchyonye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2020. T. 162. № 3. S. 207–219 (in Russian).
12. Gruzinskaya V.S., Korzun V.P. «Yubiley, kak mne kazhetsya, stanet obshchegosudarstvennym sobytiem...»: Dokumenty po istorii prazdnovaniya 220-letiya Akademii nauk SSSR // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2019. № 3. S. 281–293 (in Russian).
13. Gruzinskaya V.S. Yubiley Akademii Nauk SSSR v 1945 g. v zerkale inostrannykh privetstvennykh adresov // Rossiya XXI. 2020. № 2. S. 26–39 (in Russian).
14. Kovalyov M.V. Britanskaya delegatsiya na prazdnovanii 220-letiya AN SSSR v 1945 g. (po materialam arkhivnykh sobranii Kembridzha) // Omskie nauchnye chteniya – 2019: Materialy tret'ei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2019. S. 284–287 (in Russian).
15. Kovalyov M.V., Gruzinskaya V.S. «Vse byli ochen' vpechatleny druzhelyubiem, gostepriimstvom i entuziazmom sovetskikh uchyonnykh»: britanskaya delegatsiya na 220-letnem yubilee Akademii nauk. 1945 g. // Istoricheskii arkhiv. 2020. № 4. S. 87–107 (in Russian).
16. Pavlov N.V. Vladimir Leont'evich Komarov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951 (in Russian).
17. Ashby E. Scientist in Russia. New York: Penguin books, 1947.
18. Kontsert, posvyashchennii 220-letiyu Akademii nauk SSSR // Pravda. 30 iyunya. 1945 (in Russian).
19. Nevezhin V.A. Zastol'ya Iosifa Stalina. Kniga pervaya. Bol'shie kremlyovskie priomy 1930-kh – 1940-kh godov. M.: AIRO-XXI, 2019 (in Russian).
20. Harold A. Innis: Innis on Russia. The Russia Diary and other writings by Harold A. Innis. Toronto; Ontario: Harold Innis Foundation, Innis College, University of Toronto, 1980.
21. Hollings C.D. Scientific Communication Across the Iron Curtain. Heidelberg: Springer, 2016.
22. Buxton W. Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath // Harold Innis and the North Appraisals and Contestations / Edited by William J. Buxton. London: McGill-Queen's University Press Montreal, 2013. P. 246–272.
23. Born M. Theoretical Physics // The Nature. 1945. № 3959. P. 325–326.
24. Shcherbina T.A. Sovetskaya vneshnepoliticheskaya deyatelnost' v kanadskikh dokumentakh v period kholodnoi voiny. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2913 (data obrashcheniya: 1.07.2020) (in Russian).
25. Transformatsiya obraza sovetskoi istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: vtoraya polovina 1940-kh – seredina 1950-kh gg. / Pod red. V.P. Korzun. M.: ROSSPEN, 2011 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

Индекс УДК 001.895

Код ГРНТИ 12.81.10

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-37-49

**В.Н. КИСЕЛЁВ,
И.Р. КУКЛИНА***

Международные научные коллаборации в проектах «большой науки»

В статье рассматриваются подходы, юридические аспекты и некоторые особенности формирования международных научных коллабораций в современных проектах класса «мегасайенс». Предложены две модели формирования независимых международных научных коллабораций, являющихся, по сути, особой формой международно-го научно-технического сотрудничества в рамках проектов класса «мегасайенс».

Ключевые слова: большая наука, мегасайенс, независимая коллаборация, международное научно-техническое сотрудничество, модель международной коллаборации

Анализ особенностей процессов создания и эксплуатации современных международных проектов класса «мегасайенс», или, как их часто называют, проектов «большой науки», убедительно показывает, что эти проекты образуют особую категорию исследовательской экосистемы. Как правило, ядром научной инфраструктуры

таких проектов являются уникальные крупномасштабные исследовательские установки, а проведение исследований в прорывных направлениях науки и технологий на таких установках требует объединения интеллектуального потенциала ведущих учёных многих стран.

В настоящее время нет единых критериев отнесения научно-исследователь-

* **Киселёв Владимир Николаевич** — кандидат экономических наук, заместитель директора Центра системного анализа и перспективных разработок в сфере образования и науки Российского университета дружбы народов, руководитель проекта «Исследование юридических аспектов формирования и реализации проектов класса “мегасайенс” за рубежом и разработка моделей правовой защиты прав и законных интересов российских учёных и научных организаций, участвующих в проектах “мегасайенс” за рубежом» (18-29-15006).

E-mail: vnkiselev@rambler.ru

Куклина Ирина Рудольфовна — исполнительный директор Аналитического центра международных научно-технологических и образовательных программ, эксперт РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: ikouklina@mail.ru

ского проекта к классу «мегасайенс». Однако практически во всех странах признаётся, что одним из ключевых показателей таких проектов является международный характер научных коллективов, которые складываются для реализации наиболее сложных и ресурсоёмких, во всех смыслах этого слова, проектов [1, 2].

Как показывает исследование вопросов международного сотрудничества при строительстве и эксплуатации исследовательских установок класса «мегасайенс», решения о строительстве и эксплуатации крупных научных инфраструктур в основном принимаются на уровне межгосударственных соглашений заинтересованных стран¹. Так, Конвенция и Устав Европейского центра синхротронного излучения (*The European Synchrotron Radiation Facility – ESRF*) были подписаны в 1988 г. министрами науки 11 европейских стран [3]. Соответственно вклады каждой страны были сформированы своеобразные «пакеты акций», определяющие время использования установки научными коллективами каждой участвующей страны.

Следует отметить, что не всегда научная инфраструктура класса «мегасайенс» создаётся совместными усилиями нескольких стран. Существуют проекты, дорогостоящая научная инфраструктура которых формируется усилиями одной страны. Например, уникальные научные установки проекта LIGO (*Laser Interferometer Gravitational-wave Observatory*) [4] созданы усилиями одной страны – США. Однако в ходе строительства, а затем и эксплуатации в рамках этого проекта по предложению американских учёных, занятых в проекте, была создана так называемая Научная коллаборация LIGO, в состав которой вошли исследователи из ряда стран, являющиеся признанными учёными в соответствующих областях науки. Модели формирования международных научных коллабораций могут быть раз-

личными, однако в большинстве случаев они складываются вне межгосударственных соглашений.

Представляют интерес особенности формирования независимых международных научных коллабораций, сложившихся в рамках реализации таких проектов класса «мегасайенс», как LIGO и ESRF.

Международная научная коллаборация проекта LIGO

Проект LIGO был начат в 1992 г. калифорнийским и массачусетским технологическими институтами при поддержке Национального научного фонда США. Главная научная задача проекта LIGO – экспериментальное подтверждение существования гравитационных волн космического происхождения, предсказанных в своё время А. Эйнштейном. Предполагалось, что гравитационные волны должны возникать при парных взаимодействиях нейтронных звёзд и чёрных дыр, при взрывах сверхновых звёзд, вблизи пульсаров и в остатках гравитационного излучения, порождённого Большим взрывом.

Институциональным субъектом, выполняющим проект LIGO, является «Лаборатория LIGO» – крупная научная инфраструктура, состоящая из четырёх удалённых друг от друга исследовательских площадок: Калифорнийского и Массачусетского технологических институтов, обсерваторий в Ливингстоне (штат Луизиана) и в Ханфорде (штат Вашингтон). Обсерватории в Ливингстоне и в Ханфорде удалены друг от друга на расстояние 3002 километра. Исходя из постулата, что скорость распространения гравитационных волн равна скорости света, расстояние между двумя обсерваториями даёт разницу в наблюдении одного и того же события в 10 миллисекунд.

Для обнаружения гравитационных волн в каждой обсерватории были построены идентичные установки, каждая из ко-

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта РФФИ (18-29-15006).

торых состоит из двух расположенных под прямым углом друг к другу четырёхкилометровых закрытых туннелей, внутри которых создан высокий вакуум. В каждой туннельной системе установлены одинаковые по своим характеристикам лазерные интерферометры, состоящие из двух резонаторов Фабри-Перо, которые образованы входным полупрозрачным и концевым глухим зеркалами, источника излучения (лазера), делителя сигнала и фотоприёмника.

Идея эксперимента по обнаружению гравитационных волн заключается в том, что проходящая гравитационная волна, удлиняя один резонатор, одновременно укорачивает второй, расположенный перпендикулярно. В результате этого на фотоприёмнике изменяется интерферометрическая картина и, соответственно, освещённость фотоприёмника, что вызывает изменение тока фотоприёмника, свидетельствуя о прохождении гравитационной волны. Аналогичный процесс происходит на второй установке, удаленной от первой на 3002 км. Расчётная разность по времени между двумя событиями подтверждает действие гравитационной волны.

Отметим, что по своей идее этот эксперимент достаточно понятен и технологически вполне реализуем. Однако в реальности создание двух абсолютно идентичных установок и проведение согласованных экспериментов на установках, отстоящих друг от друга на расстояние более 3000 км, а главное, выполнение сложных теоретических расчётов на основе полученных результатов эксперимента потребовали объединения усилий очень многих учёных-астрофизиков. Их совместная и скоординированная работа положила начало научной коллаборации LIGO, которая в настоящее время включает более

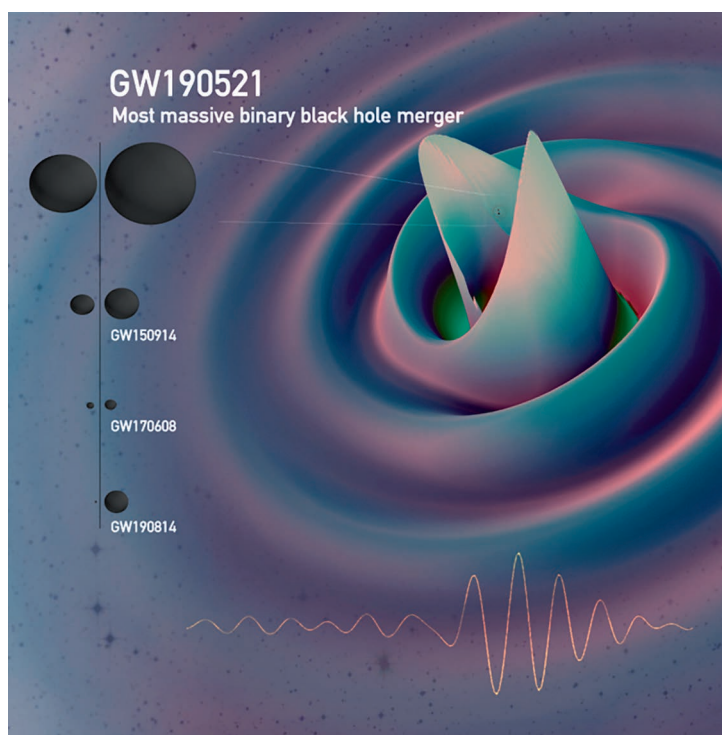

Рис. 1. Цифровая модель процесса слияния двух наиболее массивных чёрных дыр, соответствующая наблюдению GW190521 от 21 мая 2019 г. [7]

1300 учёных из 108 научных организаций 18 стран [5].

Впервые обсерватория LIGO обнаружила гравитационные волны, возникшие от слияния двух чёрных дыр, в сентябре 2015 г., спустя 23 года после начала эксперимента [6]. В мае 2019 г. интерферометры обсерватории LIGO обнаружили эквивалентные энергии 8 солнц гравитационные волны от слияния двух огромных чёрных дыр. Результат цифрового моделирования этого события, выполненного представителями Научной коллаборации LIGO, представлен на рис. 1.

Изначально проект LIGO планировался как чисто американский научный мегапроект, но ещё на стадии подготовки к проведению эксперимента по предложению американских учёных для участия в проекте были приглашены ведущие учёные из других стран [8]. В целях юридического оформления их участия в проекте в 1997 г. была создана организационная структура под названием «Научная коллаборация LIGO» (*LIGO Scientific*

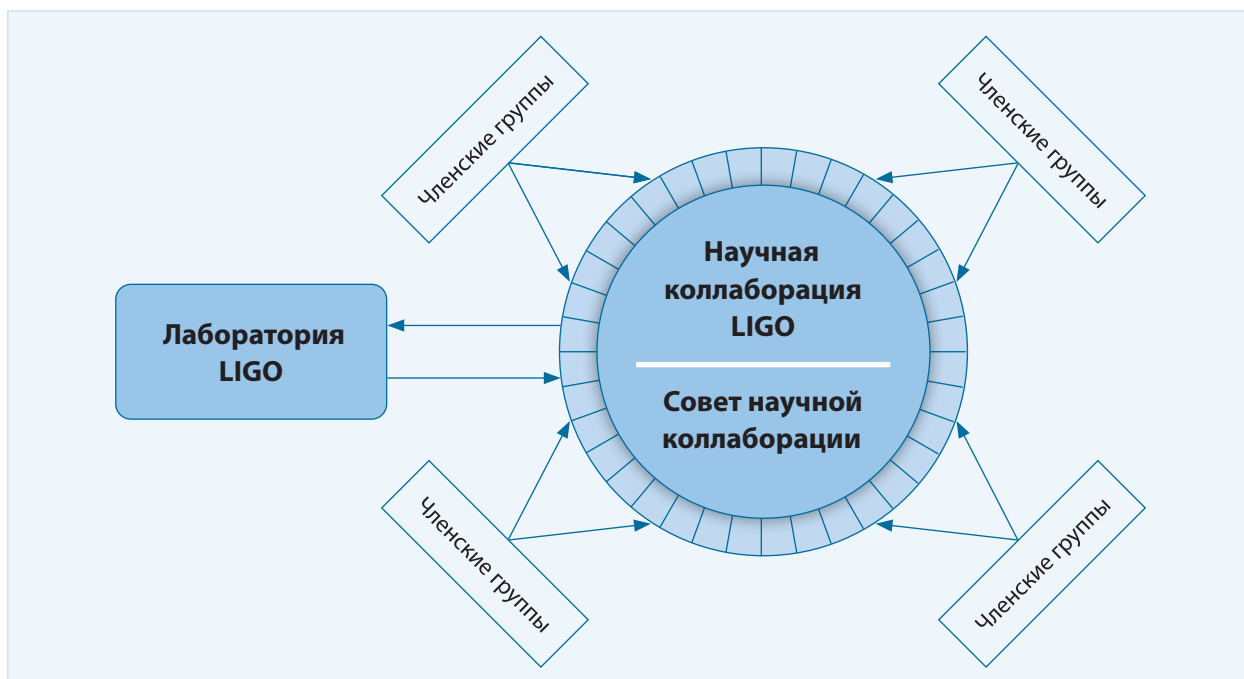

Рис. 2. Децентрализованная модель независимой международной научной коллаборации проекта LIGO (предложено авторами)

Collaboration – LSC), разработаны собственная Хартия («Хартия Научной коллаборации LIGO») и дополнительные правила по вопросам внутренней жизни коллектива учёных («Дополнительные правила Научной коллаборации LIGO») [9].

Согласно этим документам, LSC и Лаборатория LIGO совместно образуют проект LIGO. В рамках этого проекта Лаборатория LIGO действует в американской юрисдикции и несёт ответственность за функционирование обсерваторий LIGO, за разработку и создание перспективных систем фотоприёмников. А Научная коллаборация LIGO, действующая как международная научная организация, отвечает за координацию научных исследований, выполняемых с помощью детекторов LIGO, а также за обеспечение равного доступа к результатам экспериментов для членских групп и отдельных исследователей. Членские группы Научной коллаборации LIGO («группы LSC») могут формироваться в любых странах. Кроме того, в состав членских групп могут входить индивидуальные учёные, которые также могут получить статус «член

LSC». От Российской Федерации в проекте LIGO участвуют две группы исследователей: группа от кафедры физики колебаний физического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (10 человек) и группа от Института прикладной физики РАН из Нижнего Новгорода (7 человек) [10].

Главными условиями приёма в Научную коллаборацию LIGO являются зафиксированные научные результаты претендентов в области астрофизики. А также принятие группами и отдельными исследователями обязательств, связанных с этим проектом, которые оформляются меморандумом о взаимопонимании между Научной коллаборацией LIGO и вступающей группой. Как организационная структура Научная коллаборация LIGO управляется Советом коллаборации, состоящим из представителей всех членских групп и избираемого ими руководителя Научной коллаборации, который одновременно входит в состав высшего руководящего органа Лаборатории LIGO – Директората (вместе с Исполнительным директором Лаборатории LIGO).

Модель международной научной коллаборации учёных разных стран, сложившаяся в рамках проекта LIGO, фактически является особой формой международного научно-технического сотрудничества исследовательских групп и отдельных учёных из разных стран. Участие в ней научных групп и отдельных учёных регулируется лишь документами самой коллаборации, но не какими-либо официальными межправительственными соглашениями, равно как и национальными ведомственными актами США. В определённом смысле научную коллаборацию LIGO можно считать независимой международной научной коллаборацией.

Более того, научная коллаборация LIGO является независимой международной научной организацией также в том, что касается планирования и координации исследований, отвечая при этом за обеспечение равных научных возможностей для её членских групп и отдельных членов, за приём новых членских групп, за подписание меморандумов о взаимопонимании между LSC и вступающей группой.

При этом свои планы научной деятельности LSC координирует с Лабораторией LIGO, которая как базовая организация проекта отвечает за обеспечение функционирования научной и хозяйственной инфраструктуры проекта, за размещение заказов на разработку и изготовление детекторов и другого оборудования, а также за создание условий для иностранных учёных, приезжающих для работы в рамках проекта.

На рис. 2 представлена схематическая модель научной коллаборации LIGO, которую можно рассматривать как децентрализованную модель независимой международной научной коллаборации.

Ещё раз подчеркнём, что независимый характер Научной коллаборации LIGO реализуется в контексте научной деятельности: планирования, организации и проведения научных исследований, приёма членских групп и отдельных членов, реализации публикационной политики проекта и т.п.

Рис. 3. Европейский центр синхротронного излучения в Гренобле [11]

Международные научные коллаборации Европейского центра синхротронного излучения

Независимые международные научные коллаборации как особая форма международного научно-технического сотрудничества также существуют в рамках реализации ряда других международных проектов класса «мегасайенс», включая и те, что были созданы в соответствии с межправительственными соглашениями.

Одним из таких проектов является Европейский центр синхротронного излучения (*The European Synchrotron Radiation Facility – ESRF*), построенный в 1994 г. в Гренобле (Франция) и обладающий одним из самых мощных источников синхротронного излучения в мире. В настоящее время полноправными членами ESRF являются 13 стран, ещё 9 стран имеют статус ассоциированных членов [11].

Синхротронный источник комплекса состоит из линейного ускорителя с энергией 200 МэВ и частотой повторения импульсов до 10 Гц, бустера на энергию 6 ГэВ и накопительного кольца периметром 844,4 м. В составе ESRF создано более 40 экспериментальных станций, которые могут использоваться одновременно и независимо друг от друга (рис. 3).

В настоящее время подходит к завершению сооружение накопительного кольца нового типа, которое позволит в 100 раз увеличить мощность и когерентность синхротронного излучения установки ESRF.

Распределение так называемого пучкового времени, выделяемого странам-членам и ассоциированным странам для проведения национальных экспериментов, производится в соответствии с их долей акций (Россия имеет 6% акций)¹.

Источник синхротронного излучения ESRF широко используется для проведения научных исследований в самых раз-

личных областях современной науки, включая фундаментальные и прикладные исследования. Среди них:

- ♦ измерение объёмов и свойств, которые в обычных условиях трудно обнаружить и соответственно измерить;
- ♦ исследование атомных и молекулярных процессов, которые возможны лишь при высокоэнергетическом стимулировании;
- ♦ наблюдение очень быстрых процессов, например структурных изменений в биологических белках.

Помимо тех исследований, которые выполняют научные коллективы стран-участниц в счёт своих национальных квот в соответствии с их пакетами акций, на установке ESRF реализуются 11 научных экспериментов, которые проводят международные коллективы учёных в составе сложившихся международных научных коллабораций. Научный персонал ESRF проводит исследования на синхротроне по отдельной программе (*in-house research*). Кроме того, в дополнение к своей исследовательской деятельности коллектив ESRF выполняет контрактные исследования по заказу промышленных компаний.

Ряд перспективных исследований на установке ESRF реализуется международными научными коллаборациями. Модель создания международных коллабораций, работающих над такими проектами, несколько отличается от модели, по которой формируется международная коллаборация LIGO. Однако принципиальный момент остаётся прежним: международные коллаборации ESRF создаются на основе договорённостей между заинтересованными научными организациями, т.е. на добровольной основе.

На рис. 4 представлены направления использования пучкового времени ESRF, rea-

¹ Для повышения конкурентоспособности отечественных учёных Минобрнауки России в рамках федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса Российской Федерации 2014–2020» осуществляло поддержку исследований с участием российских и иностранных партнёров с использованием исследовательской инфраструктуры ESRF (всего в 2015–2017 гг. были проведены три целевых конкурса).

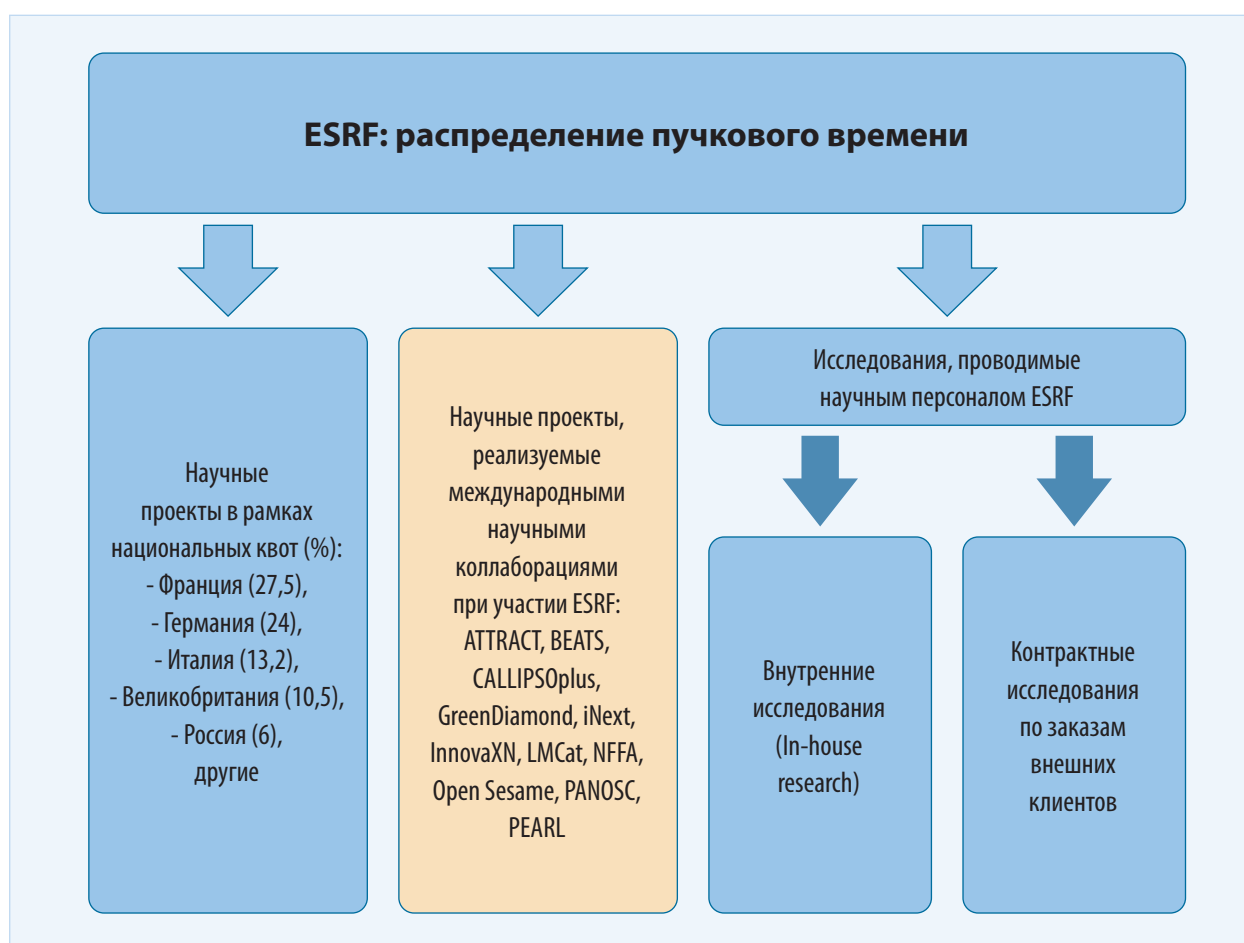

Рис. 4. Направления использования пучкового времени ESRF

лизуемые коллективами учёных стран-членов и ассоциированных членов, международными научными коллаборациями и научным персоналом ESRF.

С точки зрения организации исследований и правовых аспектов участия научных организаций в международных коллаборациях, отдельный интерес представляет так называемый эксперимент ATTRACT [12], по сути являющийся инициативной программой фундаментальных и прикладных исследований, которая направлена на создание научных заделов для следующего поколения технологий, реализуется при координации со стороны Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН) и поддерживается в рамках 8-й рамочной программы ЕС «Горизонт 2020» [13].

Для участия в эксперименте ATTRACT были отобраны 170 проектов, бюджет каж-

дого из которых составил порядка 100 тыс. евро, при общей сумме финансирования около 17 млн евро из средств 8-й рамочной программы ЕС «Горизонт 2020».

Управление реализацией эксперимента ATTRACT осуществляет консорциум европейских научных организаций, состоящий из таких организаций, как:

- ♦ Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН) (Швейцария);
- ♦ Университет Аальто (Финляндия);
- ♦ Бизнес-школа ESADE (Испания);
- ♦ Европейский центр синхротронного изучения (ESRF) (Франция);
- ♦ Организация Европейского рентгеновского лазера на свободных электронах (XFEL GmbH) (Германия);
- ♦ Европейская лаборатория молекулярной биологии (EMBL) (Германия);
- ♦ Европейская южная обсерватория (ESO) (Германия);

- ♦ Институт Лауэ–Ланжевена (Франция);
- ♦ Европейская ассоциация управления промышленными исследованиями (EIRMA) (Бельгия).

На основе результатов многочисленных форсайтных исследований, а также оценки стратегических направлений развития европейских технологических платформ в качестве ключевой синергетически значимой области исследований в рамках эксперимента ATTRACT были определены «технологии обнаружения и визуализации» (*detection and imaging technologies*).

Все проекты в рамках ATTRACT распределены по четырём направлениям исследований:

- ♦ системы получения и расчёта данных;
- ♦ электроника входа и выхода;
- ♦ сенсоры;
- ♦ программное обеспечение и интеграция.

На реализуемом в настоящее время этапе эксперимента в пилотном режиме намечено опробовать первую часть новой европейской парадигмы сотрудничества, в основе которой лежит принцип «Открытая наука, открытые инновации и открытость миру» («*Open Science, Open Innovation and Open to the World*») и которая, как ожидается, даст мощный импульс для трансформации результатов исследований в прорывных областях науки в продукты, процессы и услуги, востребованные современным обществом.

Основная цель текущего этапа эксперимента ATTRACT заключается в том, чтобы:

- 1) организовать сотрудничество национальных и общеевропейских исследовательских инфраструктур (университетов и НИИ) с промышленными предприятиями в форме коллабораций по реализации проектов;
- 2) реализовать работу научных коллабораций в рамках реального партнёрства;

- 3) обеспечить достижение результатов, обещающих в перспективе создание прорывных технологий.

В состав научных коллабораций, реализующих 170 прорывных проектов ATTRACT, входят крупные корпорации, научно-исследовательские организации, малые и средние предприятия, стартапы и университеты из 23 стран ЕС, а также из США, Японии, Норвегии, Беларуси, России, Ливана, Израиля и Швейцарии.

От Российской Федерации в программе ATTRACT участвует только одна организация: Институт химической физики им. Н.Н.Семёнова РАН участвует в проекте «Сверхчувствительная многоцелевая передовая радиационная технология»¹, целью которого является разработка прототипа высокочувствительной интегрированной системы для комплексного мониторинга опасных условий окружающей среды.

Следует отметить, что правила участия в рамочной программе ЕС по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020» ограничивают прямое финансирование для учёных из России. Однако финансирование российских организаций в составе европейских консорциумов напрямую из средств рамочной программы всё-таки возможно в тех случаях, когда оно предусмотрено конкурсной документацией или дополнительным соглашением с ЕС, а также когда европейская сторона считает участие российских учёных необходимым условием реализации проекта. В остальных случаях финансирование может быть реализовано из собственных средств организации или при поддержке Минобрнауки России в рамках федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса Российской Федерации 2014–2020».

¹ Ещё один российский участник экспериментов, реализуемых ESRE, — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, участвующий в эксперименте PEARL («Периодически изогнутые кристаллы для кристаллических ондуляторов»).

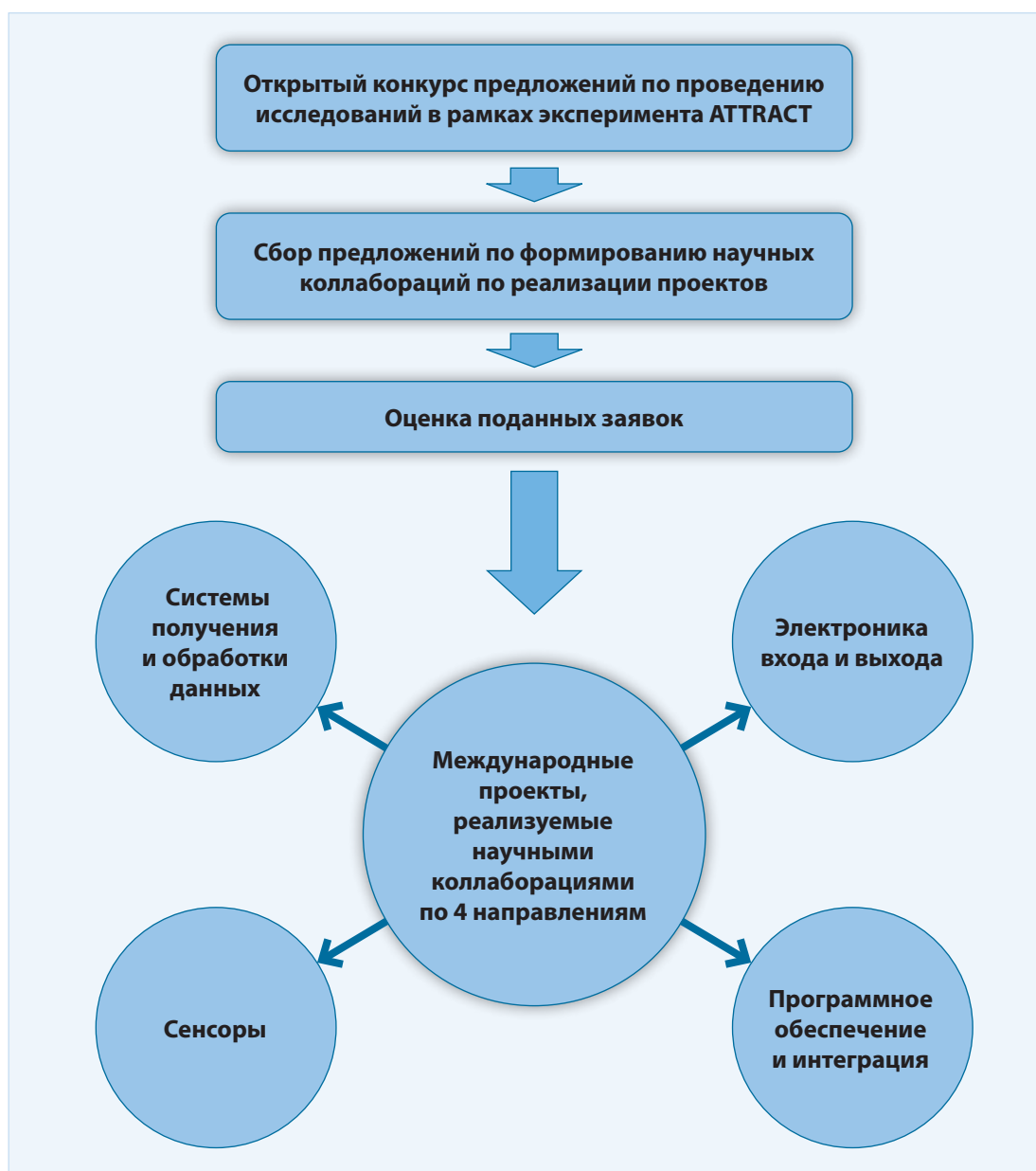

Рис. 5. Кластерная модель формирования научных коллабораций эксперимента ATTRACT (предложено авторами)

Формирование международных научных коллабораций, реализующих отдельные проекты ATTRACT, осуществляется в соответствии с заявками потенциальных участников проектов, поступающими в рамках открытого конкурса предложений, который объявляет консорциум головных организаций. Все заявки рассматриваются и оцениваются в соответствии с положениями руководства о правилах сбора, подачи и оценки предложений в рамках ATTRACT [14], ко-

торое разработано в соответствии с нормами и правилами формирования проектов в Рамочной программе ЕС «Горизонт 2020». При этом в данное руководство внесены дополнения, облегчающие участие организациям из третьих стран. В общем случае международные научные коллаборации в рамках ATTRACT, сформировавшиеся на добровольной основе из числа научных организаций, университетов и т.д., обычно включают от двух до пяти организаций из разных стран.

Модель, по которой сложились научные коллаборации эксперимента ATTRACT, можно рассматривать как типовую «кластерную модель формирования научных коллабораций», имеющих общий интерес в проведении исследований в рамках широкого научного направления.

Таким образом, в рамках эксперимента ATTRACT сложился своеобразный кластер из 170 международных научных коллабораций в составе научных организаций, университетов и компаний из разных стран, реализующих международные научные проекты в рамках четырёх подкластеров. При этом коллаборации, реализующие проекты, являются независимыми в части планирования и реализации своего проекта. Синергетический эффект всех проектов в перспективе должен привести к новым решениям в области технологий обнаружения и визуализации. Одним из мощных драйверов формирования международных научных коллабораций в рамках ATTRACT служит тот факт, что синхротрон ESRF является уникальным научным инструментом, позволяющим проводить прорывные исследования (*frontier research*) в различных областях естественных наук, от материаловедения до наук о жизни.

На рис. 5 представлена схематическая модель формирования коллабораций в рамках четырёх исследовательских направлений эксперимента ATTRACT. Подчеркнём, что процесс формирования международных научных коллабораций в рамках эксперимента ATTRACT носит добровольный характер и не обусловлен межстрановыми соглашениями. Данный факт позволяет считать, что эти проекты фактически формируются и развиваются в упомянутой выше особой форме научно-технического сотрудничества, а именно, в форме независимых международных научных коллабораций, несмотря на то, что общая тематика ATTRACT определена заранее консорциумом европейских организаций.

Новые вызовы для международных научных коллабораций в проектах класса «мегасайенс»

Современные научные исследования во многих областях науки требуют сложной высокотехнологичной аппаратуры, инновационных методов организации экспериментов и новых подходов к формированию научных коллективов. В том, что касается крупномасштабных долгосрочных проектов класса «мегасайенс», вопрос привлечения к их реализации учёных с мировым именем является, пожалуй, ключевым фактором успешности.

Вместе с тем такой тренд в реализации проектов класса «мегасайенс», как формирование международных научных коллабораций, иногда создаёт определённые вызовы и даже барьеры, которые бывает сложно преодолеть в рамках соглашений о международном научно-техническом сотрудничестве, заключённых по традиционной схеме [15].

Для обеспечения эффективной исследовательской работы научной коллаборации международного проекта класса «мегасайенс», особенно с точки зрения мобильности научного персонала, а также трансфера необходимого уникального научного оборудования, зачастую недостаточно простого меморандума о взаимопонимании, направляемого по электронной почте в адрес руководства проекта, равно как недостаточно и межправительственного соглашения, не включающего конкретных обязательств по содействию в реализации международного проекта. Так, при организации трансферов научного оборудования для облегчения таможенных процедур потребуются соглашения иного рода и дополнительные организационные механизмы. Одновременно министерства иностранных дел стран, на территории которых реализуются международные проекты, должны быть готовы обеспечить визовую поддержку, например ввести облегчённый вариант получения виз для приглашённых иностранных учёных.

В течение многих лет в Европе продолжается дискуссия о введении такого вида визы, как научная виза, но конкретное решение так никем и не было принято [16]. Существуют особые визы для студентов, для инвесторов, но для учёных таковых нет. Справедливости ради отметим, что в целях обеспечения эффективного выполнения Рамочной программы ЕС по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020» Европейский Союз сделал попытку обеспечить возможность транзитных поездок между странами Европы для исследователей, участвующих в проектах этой программы. В 2005 г. Европейский Парламент и Европейский Совет выпустили рекомендации для европейских стран ввести, начиная с 2008 г., так называемый пакет научных виз [17] для того, чтобы облегчить въезд и перемещения между странами Европы исследователей из третьих стран, участвующих в мероприятиях Рамочной программы; однако единого подхода к решению проблемы научных виз в странах ЕС до сих пор нет. В настоящее время учёные из третьих стран, желающие работать в ЕС, обязаны выполнить определённые условия. В частности, они должны сначала заключить так называ-

емое соглашение об оказании гостеприимства (*англ. hosting agreement*) с признанным частным или государственным научным институтом, получить визу для въезда в страну, а затем подать заявку о предоставлении резидентского разрешения для того, чтобы иметь право заниматься научными исследованиями.

Современная наука в своём развитии подошла к такому рубежу, когда прогресс дальнейшего научного познания по многим направлениям естественных наук требует объединения международных усилий по созданию уникальных исследовательских установок класса «мегасайенс», позволяющих обеспечить принципиально новые условия для проведения экспериментов. И если строительство и оснащение установок «мегасайенс» требуют от стран-участниц заключения международных соглашений, то при проведении исследований на таких установках всё более значительную роль играют исследования, организованные по принципу независимых международных научных коллабораций, особенно в области фундаментальных исследований, результаты которых становятся общим достоянием в соответствии с принципом «Открытая наука».

ЛИТЕРАТУРА

1. Hoddeson L., Kolb A.W., Westfall C. Fermilab: Physics, the Frontier, and Megascience. University of Chicago Press, 2008. – 497 pp. URL: <https://www.twirpx.com/file/850453/> (дата обращения: 11.01.2020).
2. Минобрнауки России объявляет сбор предложений по созданию проектов класса «мегасайенс». 29.03.2018. URL: <https://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/12534> (дата обращения: 11.01.2020).
3. Конвенция ESRF URL: <http://www.esrf.eu/fr/sites/intranet/home/tid/SC/network-unit/other-internal-documents/naming-convention.html> (дата обращения: 13.02.2021).
4. The LIGO scientific collaboration. URL: <https://www.ligo.org> (дата обращения: 13.01.2020).
5. The LIGO scientific collaboration URL: <https://www.ligo.org/about.php> (дата обращения: 21.04.2021).
6. Nadia Drake Found! Gravitational Waves, or a Wrinkle in Spacetime. National geographic. February 11, 2016. Mode of access: <https://www.nationalgeographic.com/news/2016/02/160211-gravitational-waves-found-spacetime-science/> (дата обращения: 13.03.2020).
7. The LIGO scientific collaboration URL: <https://www.ligo.org/detections/GW190521/files/PRL-GW190521-v1.png> (дата обращения: 10.05.2021).

8. Комаров С.М. Полная гравиволна // Химия и жизнь. 2017. № 11. С. 3.
9. Bylaws of the LIGO Scientific Collaboration LIGO M050172-11 September 2015. URL: https://dcc.ligo.org/public/0008/M011/050172/Bylaws_v11.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
10. LIGO scientific collaboration. Institutions and Members. URL: <https://sites.google.com/ligo.org/ligo-scientific-collaboration/home> (дата обращения: 13.01.2020).
11. The European Synchrotron Radiation Facility <https://esrf.fr/about> (дата обращения: 15.01.2020).
12. ATTRACT Consortium Partners. Электронный ресурс URL: <https://ATTRACT-eu.com/consortium/> (дата обращения: 11.02.2020).
13. HORIZON 2020. Breakthrough innovation programme for a pan-european detection and imaging ecosystem. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/777222> (дата обращения: 11.02.2020).
14. Deliverable title and number according to the Grant Agreement (D1.1. Report on Rules and regulations of the call and submission and evaluation). URL: <https://ec.europa.eu/research/participants/documents/downloadPublic?documentIds=080166e5c2053900&appId=PPGMS> (дата обращения: 13.02.2020).
15. Stefano Lami Challenges and new requirements for international mega-science collaborations. Science and Diplomacy. An online publication from the AAAS Center for Science Diplomacy. June 06, 2017. URL: <http://www.sciencediplomacy.org/article/2017/mega-science-collaborations> (дата обращения: 16.02.2020).
16. Leshner A.I. Immigration Reform // Issues in Science and Technology. 31. № 2 (Winter 2015). URL: <http://issues.org/31-2/forum-11/> (дата обращения: 20.02.2020).
17. European Parliament and Council, "Recommendation of the European Parliament and of the Council of 28 September 2005 to Facilitate the Issue by the Member States of Uniform Short-Stay Visas for Researchers from Third Countries Travelling within the Community for the Purpose of Carrying Out Scientific Research", 2005/761/EC, EUR-Lex, URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32005H0761> (дата обращения: 21.02.2020).

ENGLISH

International Academic Collaborations within "Big Science" Projects

Vladimir Nikolaevich Kiselyov – Candidate of Science (Economics), Deputy Director of the Center of System Analysis and Advanced Development in Education and Science at the Peoples' Friendship University of Russia, head of the project – "Studies of the Legal Aspects of Formation and Implementation of 'Megascience' Projects Abroad and Development of Models of Legal Protection of the Rights and Legal Interests of Russian Academics and Scientific Organizations Involved in 'Megascience' Projects Abroad" (18-29-15006).

E-mail: vnkiselev@rambler.ru

Irina Rudolfovna Kuklina – Executive Director of the Analytical Center for International Scientific, Technological, and Educational Programs, RAS expert, executor of the same project.

E-mail: kuklina@mniop.ru

The paper covers the approaches, legal aspects and some specifics of establishing international scientific collaboration in modern 'Megascience' projects. The authors suggest two models of establishing independent international scientific collaboration, being, in fact, a particular form of international scientific and technological cooperation within 'Megascience' projects.

Keywords: big science, megascience, independent collaboration, international scientific and technological cooperation, international collaboration model

REFERENCES

1. Hoddeson L., Kolb A.W., Westfall C. Fermilab: Physics, the Frontier, and Megascience. University of Chicago Press, 2008. – 497 pp. URL: <https://www.twirpx.com/file/850453/> (data obrashcheniya: 11.01.2020).
2. Minobrnauki Rossii ob"yavlyayet sbor predlozhenii po sozdaniyu proektov klassa «mega-saiens». 29.03.2018. URL: <https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/12534> (data obrashcheniya: 11.01.2020).
3. Konventsiya ESRF URL: <http://www.esrf.eu/fr/sites/intranet/home/tid/SC/network-unit/other-internal-documents/naming-convention.html> (data obrashcheniya: 13.02.2021).
4. The LIGO scientific collaboration. URL: <https://www.ligo.org> (data obrashcheniya: 13.01.2020).
5. The LIGO scientific collaboration URL: <https://www.ligo.org/about.php> (data obrashcheniya: 21.04.2021).
6. Nadia Drake Found! Gravitational Waves, or a Wrinkle in Spacetime. National geographic. February 11, 2016. Mode of access: <https://www.nationalgeographic.com/news/2016/02/160211-gravitational-waves-found-spacetime-science/> (data obrashcheniya: 13.03.2020).
7. The LIGO scientific collaboration URL: <https://www.ligo.org/detections/GW190521/files/PRL-GW190521-v1.png> (data obrashcheniya: 10.05.2021).
8. Komarov S.M. Polnaya gravivolna // Khimiya i zhizn'. 2017. № 11. S. 3 (in Russian).
9. Bylaws of the LIGO Scientific Collaboration LIGO M050172-11 September 2015. URL: https://dcc.ligo.org/public/0008/M050172/011/Bylaws_v11.pdf. (data obrashcheniya: 15.01.2020).
10. LIGO scientific collaboration. Institutions and Members. URL: <https://sites.google.com/ligo.org/ligo-scientific-collaboration/home> (data obrashcheniya: 13.01.2020).
11. The European Synchrotron Radiation Facility <https://esrf.fr/about> (data obrashcheniya: 15.01.2020).
12. ATTRACT Consortium Partners. Elektronnyi resurs URL: <https://ATTRACT-eu.com/consortium/> (data obrashcheniya: 11.02.2020).
13. HORIZON 2020. Breakthrough innovation programme for a pan-european detection and imaging ecosystem. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/777222> (data obrashcheniya: 11.02.2020).
14. Deliverable title and number according to the Grant Agreement (D1.1. Report on Rules and regulations of the call and submission and evaluation). URL: <https://ec.europa.eu/research/participants/documents/downloadPublic?documentIds=080166e5c2053900&appId=PPGMS> (data obrashcheniya: 13.02.2020).
15. Stefano Lami Challenges and new requirements for international mega-science collaborations. Science and Diplomacy. An online publication from the AAAS Center for Science Diplomacy. June 06, 2017. URL: <http://www.sciencediplomacy.org/article/2017/mega-science-collaborations> (data obrashcheniya: 16.02.2020).
16. Leshner A.I. Immigration Reform // Issues in Science and Technology. 31. № 2 (Winter 2015). URL: <http://issues.org/31-2/forum-11/> (data obrashcheniya: 20.02.2020).
17. European Parliament and Council, "Recommendation of the European Parliament and of the Council of 28 September 2005 to Facilitate the Issue by the Member States of Uniform Short-Stay Visas for Researchers from Third Countries Travelling within the Community for the Purpose of Carrying Out Scientific Research", 2005/761/EC, EUR-Lex, URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32005H0761> (data obrashcheniya: 21.02.2020).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 316.1

Код ГРНТИ 04.15.07

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-50-64

**Н.П. НАРБУТ,
И.В. ТРОЦУК***

Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации

Проект был призван уточнить концептуальное и операциональное определения счастья, на которые следует опираться в эмпирических социологических исследованиях, и систематизировать методические подходы к социологическому анализу счастья, обозначив их познавательные возможности и ограничения. В концептуальном плане проект показал, что накопленные на сегодняшний день разработки можно объединить в два условных направления дальнейших поисков: «объективистский» эконометрический подход (индексы счастья на основе социально-экономических показателей) и «субъективистский» социально-психологический подход (самооценки в терминах счастья, выявляемые в ходе опросов общественного мнения). В методическом плане проект систематизировал применяемые для эмпирического изучения счастья индикаторы и методики, что позволяет использовать разные опросные инструменты в мониторинговых исследованиях, призванных выявлять обыденные трактовки счастья и адекватно «измерять» его уровень.

Ключевые слова: счастье, концептуальное определение, эмпирические индикаторы, методики измерения, объективистский и субъективистский подходы

* **Нарбут Николай Петрович** — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель проекта «Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации» (18-011-00993а).

E-mail: narbut.n@mail.ru

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, исполнитель того же проекта.

E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Популяризация поисков счастья

XX век в истории социально-гуманитарного знания ознаменовался тремя общепризнанными «поворотами»; лингвистическим, нарративным и визуальным (см., напр.: [1–3]). Каждый поворот концептуально обогатил предметное поле социальных наук и серьёзно усложнил работу социологов, потому что лингвистические, нарративные и визуальные аспекты действительности легко описывать и обсуждать, но крайне сложно эмпирически исследовать. Тем не менее три поворота «легализованы» в социологии с точки зрения своего «статуса» и последствий, чего нельзя сказать об «эмоциональном повороте» (см., напр.: [4–6]). Он не только усложнил «оптику» и «риторику» социальных наук, обусловил невероятную популярность нейронаук и методов визуализации как инструментов изучения эмоционального фундамента социальных действий, отношений и норм (см., напр.: [7, с. 343–363]), но также возродил прежние споры о соотношении социологии и (социальной) психологии и породил попытки объяснить аффективным компонентом социокультурные реалии, поскольку «все общества имеют свои эмоциональные стандарты..., изменения в них многое говорят и о других социальных изменениях» [8, с. 15].

Несмотря на поразительную популярность аффективного аспекта социальной жизни, он часто игнорируется там, где мог бы выступать убедительным объяснением очевидных нестыковок статистических и социологических данных (в качестве «эмоционального стандарта» своего времени), помогая социологам отвечать на критические выпады средств массовой информации, суть которых сводится к тому, что социологи задают некор-

ректные (наводящие) вопросы, проводят неправильные замеры общественного мнения и публикуют недостоверные данные о степени счастливости людей. Речь идёт не только о многочисленных попытках построить рейтинги стран по уровню счастья, где, как правило, лидируют скандинавские страны: в рейтинге 2018 г. первое место заняла Финляндия, а россияне оказались на 59-м месте [9, с. 22]; в рейтинге 2019 г. Финляндия сохранила лидерство, а Россия опустилась на 68-ю позицию (т.е. россияне как бы стали на 9 пунктов несчастнее)¹. Международные рейтинги зачастую противоречат национальным опросам, что вызывает общественное негодование просто потому, что люди не обязаны разбираться в методических особенностях составления рейтингов и опросников, а исследователи не считают необходимым людей просвещать (и вряд ли это необходимо) (см., напр.: [10–12]). Например, в международном рейтинге счастья за 2018 г. Украина оказалась в последней двадцатке (в 2019 г. вошла в последнюю тридцатку, оказавшись на 133-м месте из 156), а по данным украинских социологов счастливыми себя назвали 63% жителей страны и только 17% — несчастными².

Аналогичные расхождения прослеживаются по многим странам, включая Россию. В международном рейтинге 2018 г. мы заняли 59-ю позицию, серьёзно отстав от лидеров (Финляндии, Норвегии, Дании, Исландии, Швейцарии, Нидерландов, Канады, Новой Зеландии, Швеции и Австралии), но, согласно общероссийским опросам, 83% россиян считали себя в целом счастливыми людьми³, хотя их реальные доходы были намного ниже тех, что заявлялись как необходимые для счастья. Конечно, средняя заработная пла-

¹ World Happiness Report 2019. <https://worldhappiness.report/ed/2019> (дата обращения: 01.04.2020).

² Сахно Ю. Самооцінка відчуття щастя, травень 2018 року. <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=775&page=1> (дата обращения: 13.12.2018).

³ Названы причины достижения россиянами рекордного уровня счастья. https://lenta.ru/news/2018/05/03/supersuper/?utm_source=lenta&utm_medium=social (дата обращения: 15.11.2018).

та серьёзно различается по сферам занятости, уровню квалификации и регионам трудоустройства (и в принципе не показательна), но всё же данные на середину 2018 г. — около 42 тыс. рублей¹ (в Москве — 89 тыс.²) — значительно меньше заявленных как необходимых для счастья 159 тыс. рублей в месяц³.

Получается, что международные рейтинги не всегда понятным образом сочетают статистические и опросные данные; национальные опросы опираются только на самооценки, крайне редко сопоставляя их с объективными показателями социального благополучия, и ситуацию усугубляет то, что обретение счастья превратилось сегодня в личную заботу и даже ответственность (в духе пессимистических прогнозов З.Баумана [13]): множество статей, книг и самоучителей научно-популярного и психолого-мотивационного характера дают рекомендации, как обрести счастье, «выйдя из зоны комфорта», изменив «неправильную» организацию своей жизни или научившись её иначе интерпретировать (яркий пример — самый популярный курс в истории Йельского университета «Психология и хорошая жизнь», основанный на «позитивной психологии» и помогающий менять поведенческие паттерны, чтобы преодолеть «эпидемию несчастья»⁴). Кроме того, накоплением массива разнообразных количественных данных о счастливости людей (удовлетворённости жизнью) в реальной и виртуальной среде активно занялись торговые компании, преследуя очевидную маркетинговую цель — стимулировать «состояние счастливости», что-

бы повысить продажи (например, американская компания «Walmart» ввела систему мониторинга настроения клиентов⁵).

Таким образом, счастье (и без того неоднозначное понятие с исторически подвижным содержанием) в последние десятилетия стало выступать ещё и метафорой, и синонимом множества иных понятий, обозначая и цель, и средство, и конечное состояние, и критерий оценки изменчивых настроений. Такое многообразие интерпретаций и контекстов практического использования требует от социологов, оказавшихся под шквалом критики опросных технологий вообще и оценок уровня счастья в частности, чётко обозначить своё предметное поле в изучении счастья, уточнив его концептуальное (содержательное наполнение и эмпирические индикаторы) и операциональное определения (возможности и ограничения методик измерения). Попробуем кратко обозначить результаты нашего проекта по двум указанным направлениям исследовательских поисков, сделав акцент на втором.

Счастье — это «когда тебя понимают» или нечто большее?

Человечество на протяжении тысячелетий спорит о том, что такое счастье, что для него нужно и что важнее — удача (отсюда интерес к гаданиям, гороскопам и пр.), внутреннее состояние (отсюда попытки научиться быть счастливым), большие деньги и прочие материальные блага (хотя «богатые тоже плачут»), высшие добродетели (весьма «труднодоступные», особенно социальное служение),

¹ Средняя зарплата в России в 2018 году. <https://spmag.ru/articles/srednyaya-zarplata-v-rossii-2018> (дата обращения: 01.01.2020).

² Средняя зарплата в России по регионам в 2018 году. http://fincan.ru/articles/16_srednyaya-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2018-godu (дата обращения: 01.01.2020).

³ Россияне назвали цену счастья. <https://lenta.ru/news/2018/04/23/moneymoney> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴ Sternbergh A. Read this story and get happier. The most popular course at Yale teaches how to be happy. We took it for you. <https://www.thecut.com/2018/05/how-to-be-happy.html> (дата обращения: 15.01.2019).

⁵ Prigg M. Walmart developing smart camera that can spot unhappy and frustrated shoppers and alert staff. <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-4715500/Walmart-developing-smart-camera-spot-unhappy-shoppers.html> (дата обращения: 24.12.2018).

чувственные наслаждения или некое сочетание всего перечисленного [14, с. 80]. Каждый «компонент» счастья представляет собой сложный социально детерминированный комплекс объективных и субъективных «элементов» (социологи пытаются отобразить их в системе эмпирических индикаторов), однако современное общество явно предпочитает субъективистскую трактовку счастья: считается, что обладание материальными и социальными благами не сделает человека счастливым, если он не удовлетворён жизнью, заполненной атрибутами жизненного успеха.

Серьёзной проблемой для социологов является и то, что обыденные стереотипизации счастья не всегда согласуются с междисциплинарными его трактовками, а они, в свою очередь, также не отличаются единообразием. Скажем, философские определения счастья подчёркивают его аксиологическое содержание как «высшего руководительного начала или идеала» [15, с. 25], психологические — его позитивное эмоциональное содержание как удовлетворённости и осмысленности жизни, принятия себя и окружающего мира, а также «полного отчёта в том, что такое счастье» [16, с. 9]. Позитивная психология (см., напр.: [17]) сместила определение счастья в его субъективную плоскость, популяризовав понятие «качество жизни». Оно учитывает объективные экономические показатели и/или внешние детерминанты (семья и близкие, доходы, состояние здоровья, занятость и профессия, образование, хобби и досуг, возраст, пол, религиозная принадлежность, социальные сети и др.) в оценке субъективного благополучия, но всё же требует «измерять» счастье (и рядоположенные понятия типа удовлетворённости жизнью), прежде всего, через когнитивные и аффективные показатели (самооценка, эмоции, самоидентификация и т.д.). Крупные международные проекты стремятся в той или иной мере сочетать социально-экономические показатели с самооценками

благополучия, рассчитывая сводные индексы счастья для ранжирования целых стран, однако, судя по тому, насколько эти рейтинги расходятся с результатами национальных опросов, они явно отдают предпочтение объективным индикаторам счастья.

Иными словами, как и множество других понятий социальных и гуманитарных наук, счастье превратилось в «зонтичный термин», подразумевающий множество критериев оценки самых разных аспектов социальной действительности (см. также: [18–20]). Сочетание и акцентирование тех или иных критериев и аспектов зависит от того, в каком «статусе» выступают «оценивающие»: как непосредственные участники повседневности (в шютцевском смысле) мы стремимся прожить счастливую жизнь в обществе, которое предоставляет (или нет) нам соответствующие возможности и навязывает определённые трактовки и инструменты обретения счастья; как представители иных жизненных миров (науки, политики, управления и пр.) мы дистанцируемся от обыденных стереотипизаций счастья, чтобы разрабатывать его общезначимые эмпирические индикаторы и выносить компетентные суждения о его уровне в фундаментальных и прикладных целях.

Возможно ли объективное измерение счастья?

Видимо, нет: даже в «экономике счастья» вместе с объективными эконометрическими показателями (ВВП на душу населения, уровень бедности, безработицы и образования, жилищные условия и т.д.) обязательно учитываются и субъективные показатели счастья (удовлетворённость жизнью, степень одиночества, физическое и психическое здоровье, уровень стресса и т.д.) [21], причём признаётся, что они могут противоречить друг другу (рост доходов не влечёт за собой автоматический рост субъективного благополучия [22, 23]).

Несмотря на то, что в качестве факторов благосостояния давно признаны «общая безопасность» и «счастье» [24, с. 296], они зачастую игнорируются в экономическом анализе, поскольку его основная задача — объективная количественная оценка средств существования (масштабы безработицы, бедности, голода и т.п.) безотносительно их субъективной достаточности для достойной жизни или успешности. Нередко обращение к понятию счастья критикуется приверженцами сугубо эконометрического подхода к оценке социального благосостояния на том основании, что «одна и та же подборка индивидуальных благ может совмещаться с совершенно разными общими социальными картинами, с разными социальными устройствами, возможностями, свободами» [24, с. 362]. Поэтому мы постоянно наблюдаем парадокс: «большинство людей хотят иметь более высокий доход и борются за это, но по мере того как западные общества делают богаче, люди в них не становятся счастливее» [25, с. 15]. Таким образом, объективистский эконометрический подход справедливо утверждает сложность и неоднозначность взаимосвязи дохода (внешних детерминант благополучия) и счастья (субъективной самооценки) и зачастую отказывается от попыток эмпирической оценки второго.

Тем не менее в изучении счастья социологи используют наработки экономической науки — различные индексы счастья [26]: «индекс лучшей жизни»¹, «индекс качества жизни»², «глобальный ба-

рометр надежды и отчаяния»³, «индекс человеческого развития»⁴, «валовое национальное счастье»⁵, «уровень счастья»⁶, «всемирный индекс счастья»⁷ и др. Однако, во-первых, индексные методики имеют целый ряд принципиальных с социологической точки зрения недостатков (игнорируют социокультурные различия, не основаны на единых правилах отбора и оценки индикаторов, тем более на регулярной основе [27, с. 153] и т.д.). Во-вторых, социологи вряд ли могут претендовать на эконометрическую точность «замеров» (в силу очевидных методических ограничений). В-третьих, социологи должны сосредоточиться не на критике индексов как измерительного инструмента, а на возможности их применения в принципе, поставив под сомнение «объективное измерение» счастья посредством экономических показателей и стандартизированных формализованных опросов уже хотя бы потому, что «измерение счастья» не является измерением в техническом или математическом смысле — мы лишь пытаемся отобразить в системе цифр те сложные социальные феномены, которые вероятнее всего можем подвергнуть лишь типологизации (подробнее см.: [28, 29]).

Социально-психологический подход — более надёжная альтернатива?

Социально-психологический подход считается субъективистским в том смысле, что предполагает обращение к человеку с вопросами о его собственной оценке своей «счастливости» [30] с помощью по-

¹ Better Life Index. <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/11111111111> (дата обращения: 16.11.2018).

² Well-Being Index. https://news.gallup.com/topic/well_being_index.aspx (дата обращения: 16.11.2018).

³ Россия в центре мирового оптимизма. <https://romir.ru/studies/rossiya-v-centre-mira-optimizm-azii-i-pessimizm-evropu> (дата обращения: 10.11.2018).

⁴ Human Development Report. <http://hdr.undp.org/en> (дата обращения: 16.11.2018).

⁵ Centre for Bhutan Studies and Gross National Happiness. <http://www.grossnationalhappiness.com/nine-domains> (дата обращения: 09.11.2018).

⁶ World Happiness Report. <http://worldhappiness.report> (дата обращения: 09.11.2018).

⁷ Happy Planet Index 2016. https://static1.squarespace.com/static/5735c421e321402778ee0ce9/t/578dec7837c58157b929b3d6/1468918904805/Methods+paper_2016.pdf (дата обращения: 19.11.2018).

рядковых шкал, которые частично используются и в индексах, однако в данном случае выступают как самостоятельный измерительный инструмент. Субъективистский подход не отказывается от индексов, но трактует их иначе: например, на «карте счастья», создаваемой по результатам международных опросов [31], индекс счастья рассчитывается как отношение числа причисляющих себя к «очень счастливым» к количеству «совершенно несчастных»; российский индекс счастья рассчитывается по результатам ответов на вопрос «В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом: вы счастливы или нет?»¹ и т.д.

На сегодняшний день общепризнаны несколько методик субъективистского измерения счастья: шкалы удовлетворённости жизнью [32]; шкалы «субъективного счастья» [33], или общего эмоционального состояния; оксфордский опросник счастья (см., напр.: [16]) и прочие методики, акцентирующие важность эмоционального компонента самооценки. Большинство из них были разработаны на Западе в 1970-е гг. и не для социологических целей, но и сегодня в опросах используются схожие форматы самооценки респондентов в терминах счастья: «Чувствуете ли вы себя счастливым человеком?», «Что делает вас счастливым?» и «Что не даёт вам быть счастливым?»²; «Насколько счастливым или несчастным человеком вы себя ощущаете в связи с событиями в вашей личной жизни?»³; «Довольны ли вы своим материальным положением?», «Чувствуете вы себя счастливым в вашем городе?»⁴ и др.).

Предлагаемая субъективистским подходом социально-психологическая альтернатива бесстрастному эконометрическому измерению счастья не лишена недостатков. Во-первых, эмоциональная со-

ставляющая самооценки неизбежно детерминирована и, в свою очередь, влияет на когнитивные оценки успешности вследствие давления социальных стандартов «нормы». Во-вторых, общая самооценка в терминах счастья и субъективные ощущения могут быть принципиально различны (человек может считать себя объективно счастливым, но не чувствовать себя при этом счастливым), а предлагаемые для снятия этого противоречия дневниковый метод [34] и «метод выборки переживаний» [35, 36] слишком трудоёмки и вряд ли подходят для широкомасштабных проектов. В-третьих, опросные методики используют как взаимозаменяемые близкие, но не идентичные понятия счастья, субъективного благополучия и удовлетворённости жизнью, которые имеют разные коннотации для респондентов и разные трактовки в научном дискурсе [37]. В-четвёртых, в силу своего субъективного характера опросные методики крайне подвержены ситуативным смещениям (настроение респондента, полученная в момент опроса информация и т.д.), особенно учитывая, что человек не всегда может «считать» требуемый от него «модус» оценки (реальная ситуация, идеальные представления, возможное или желательное состояние и т.д.).

Варианты преодоления методических противоречий

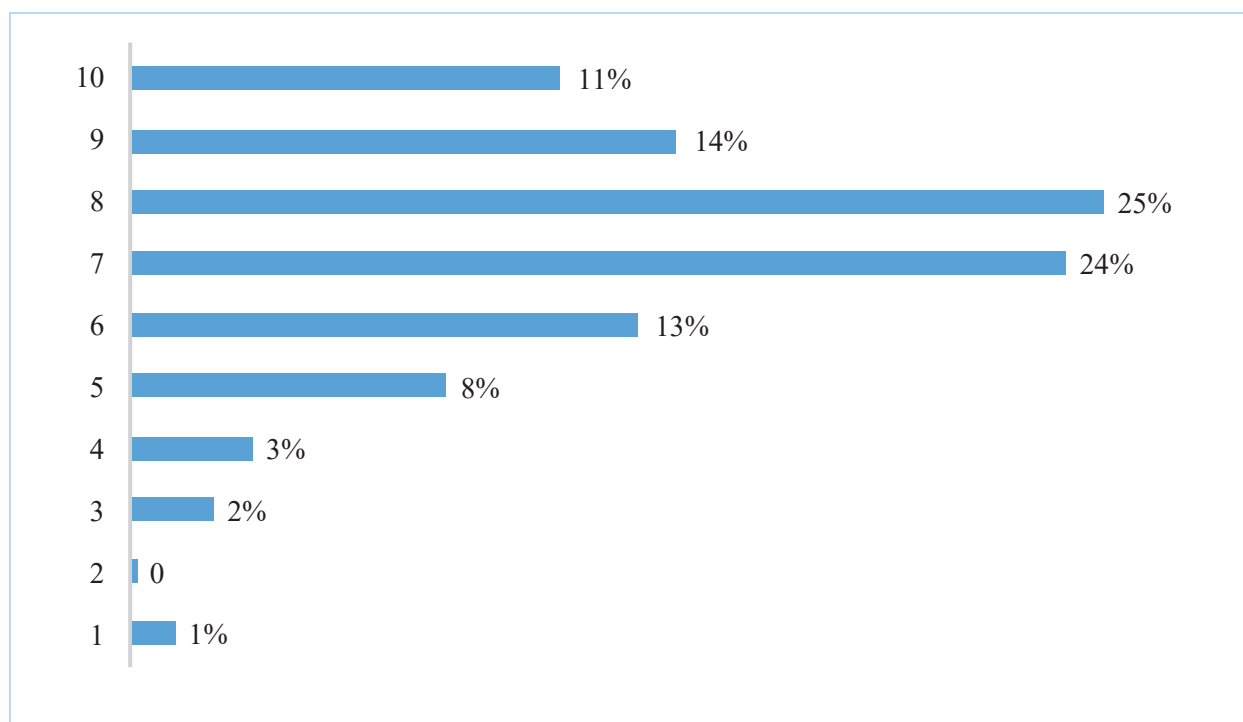
Как можно преодолеть очевидные ограничения опросных методик изучения счастья — смешение синонимичных понятий (удовлетворённость, благополучие, счастье и пр., хотя только последнее имеет не менее 15 определений [27, с. 153]), номинального и порядкового уровней измерения, когнитивного и эмоционального компонентов самооценки, ситуативного

¹ Счастье в России: мониторинг. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9075> (дата обращения: 28.12.2018).

² Счастье. <http://www.levada.ru/2018/09/14/schaste> (дата обращения: 01.11.2018).

³ Россияне счастливее, чем земляне в целом. <https://romir.ru/studies/rossiyane-schastlivee-chem-zemlyane-v-celelom> (дата обращения: 11.11.2018).

⁴ Индекс счастья городов России. <http://www.gosrf.ru/news/5927> (дата обращения: 01.11.2018).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «По десятибалльной шкале, где 1 – отсутствие счастья, а 10 – полное счастье, на сколько ты бы оценил(а) свой уровень счастья?»

и темпорального контекстов и т.д.? Возможны разные варианты ответа: одни исследователи предлагают устранять феномен «социальной желательности», применяя проективные методики (что не устраняет давления социальных стандартов); другие настаивают на замене вербальных формулировок рисунками (но визуальные шкалы не менее социокультурно коннотированны); третьи предпочитают опираться на достижения цифровизации, дополняя опросы игровыми форматами и/или автоматизированными методиками считывания эмоций; четвёртые предлагают заменить опросы контент-анализом и проводить мониторинги сообщений средств массовой информации и социальных сетей и т.д.

Все перечисленные решения слишком трудоёмки (или труднодоступны), поэтому достаточно чётко расставить методические акценты, тем более что сопоставление результатов применения методик, основанных на принципах субъективистского и объективистского подходов, уже давно показало их согласованность при грамот-

ной интерпретации [38]). Во-первых, следует признать, что разграничение объективного и субъективного измерений счастья имеет условный характер, поскольку в каждом, пусть и в разном соотношении, сочетаются объективные и субъективные показатели. Тем не менее для социологии приоритетное значение имеют самооценки в терминах счастья, поэтому статистические и социально-экономические показатели должны выступать обязательным контекстом интерпретации опросных данных.

Во-вторых, придётся смириться с тем, что для российских респондентов «социальной нормой» являются высокие оценки своей счастливости, что объясняется и давлением феномена социальной желательности, и устойчивой системой ценностей, где наличие семьи и здоровье (своё и близких) — главные жизненные приоритеты (см., напр.: [39; 40]). Подтверждают это и результаты опроса, проведённого кафедрой социологии РУДН на выборке в 350 студентов бакалавриата, репрезентирующих три профиля обучения (техни-

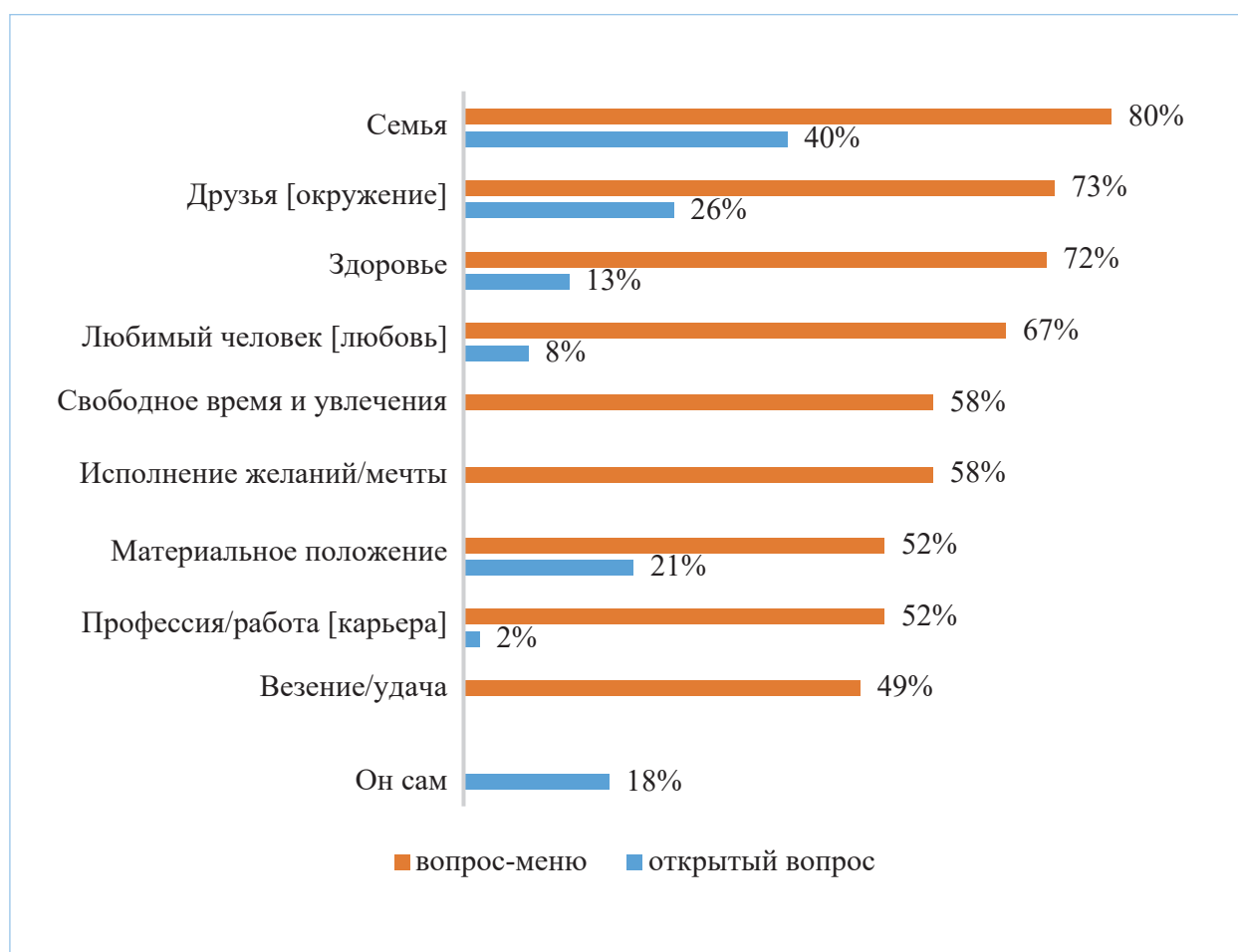

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Согласен(а) ли ты лично со следующими представлениями о счастье?» (набор дихотомических шкал, представлены доли согласных)

ческие специальности, социально-гуманитарные и естественно-научные). Абсолютное большинство (90%) назвали себя счастливыми людьми, и данный показатель не зависит от уровня дохода (за исключением самой необеспеченной группы, где доля счастливых составила 77%). Высока

не только доля счастливых, но и «уровень» счастья: на десятибалльной шкале половина ответов сосредоточилась в градациях «7» (24%) и «8» (25%), ещё четверть – в градациях «9» и «10» (рис. 1).

В-третьих, предлагаемые рядом исследователей проективные методики

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что в наибольшей степени определяет сегодня, чувствует человек себя счастливым или, наоборот, несчастным?» (вопрос-меню, приведены только варианты, набравшие более 49%) и ответов на открытый вопрос «Что всегда делает человека счастливым?» (в квадратных скобках указаны варианты, отличающиеся от формулировок вопроса-меню)

не снимают ограничений опросов общественного мнения. В нашей анкете мы использовали как традиционные шкалы, так и метод неоконченных предложений («Счастливым человек — тот, кто...», «Несчастным человек — тот, кто...», «Счастливым человек всегда...», «Несчастным человек никогда...» и др.), чтобы уточнить обыденные трактовки счастья. Однако предложенные респондентами окончания фраз оказались столь поразительно стандартными, что нет смысла использовать этот трудоёмкий подход ни на стадии разработки инструментария, ни на стадии проверки и интерпретации результатов опроса. Валидные и надёжные данные обеспечивает набор дихотомических шкал, отражающих по-

вседневные представления о счастье, с которыми респондент должен согласиться или нет. Результаты показали отказ молодёжи от крайних трактовок счастья — как мифологемы или как некоего конкретного состояния — в пользу признания его многоаспектного характера (важны и любовь, и хорошее настроение, и принципиальное решение быть счастливым, и любимое дело, и близкие люди, и умение находить радость в том, что имеешь) (рис. 2).

Для подтверждения приверженности даже молодого поколения социальным «стандартам» можно использовать в анкете одновременно закрытые и открытые вопросы, разделяя их так, чтобы избежать смещающего взаимовлияния. Так,

в вопросе-меню про факторы, в наибольшей степени определяющие счастье, студенты назвали в первую очередь семью (80%), друзей (73%) и близкого человека (67%), здоровье (72%), а в открытом вопросе, на который ответил каждый второй, распределение оказалось несколько иным при сохранении общих тенденций: лидируют вновь семья (40%) и близкое окружение (26%), но значимо также материальное положение (21%) и собственные усилия (18%) (рис. 3).

Безусловно, ответы на закрытый и открытый вопросы нельзя сравнивать, но они свидетельствуют о том, что даже в рамках одного опроса разные методические решения дают различные данные, и, видя варианты ответов, респонденты склонны выбирать сразу несколько наиболее социально-стандартных (по сути, воспроизводя расхожее мнение, что «жив-здоров и семья в порядке — значит, счастлив, а что ещё нужно?!»). В представлениях молодёжи переплетены две трактовки счастья: стереотипно-абстрактная (социальные «нормативы» неприоритетности достатка и приоритетности семьи) и личностно-конкретная (при проекции на себя лично признаётся важность обо-

их компонентов «счастливости»). Отсюда следует необходимость контекстуализировать опросные данные объективными социально-экономическими показателями, а также результатами опросов по иной тематике (о ценностных ориентациях, ожиданиях и страхах в разных сферах жизни, представлениях о жизненном успехе и пр.).

Социологический дискурс использует обыденные понятия, полагая, что их неоднозначная концептуализация компенсируется очевидностью для респондентов (см., напр.: [41, 42]). Однако эта уверенность ошибочна, если речь идёт о счастье — чрезмерно социально нормированном и коннотированном понятии. Оптимальная стратегия социологического исследования счастья — сочетание элементов количественного и качественного подходов, причём необходим не только пилотаж опросного инструментария и не только контекстуализация полученных данных объективными социально-экономическими показателями, но также использование (индивидуальных и групповых) когнитивных интервью для уточнения, как именно респонденты интерпретируют вопросы и варианты ответов [43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Троцук И. «Маргинальность» текстового анализа, или проблемы социологического чтения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 177–200.
2. Троцук И. В. О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 12–21.
3. Троцук И.В. Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов «чтения» слабоструктурированных данных. М.: РУДН, 2014.
4. Троцук И.В. Концептуальные и эмпирические находки и пробелы истории эмоций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2. С. 345–360.
5. Гребнева В.Е., Панкова А.В. «Меланхолия как счастье от пребывания в печали», и другие исторически изменчивые одеяния социальных чувств // Там же. № 3. С. 567–580.
6. Троцук И.В., Гребнева В.Е. Человеческое достоинство и способы его утраты, или несколько рецептов, как стать счастливым // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3. С. 563–581.
7. Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: НЛО, 2018.
8. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: НЛО, 2016.

9. Helliwell J., Layard R., Sachs J. (Eds.) World Happiness Report 2018. New York: Sustainable Development Solutions Network. <https://worldhappiness.report/ed/2018> (дата обращения: 13.12.2018).
10. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Причины социологического интереса к «измерению» счастья и его эмпирические форматы // П.О.И.С.К. 2019. № 2. С. 50–56.
11. Троцук И.В. Рейтинги счастья: причины популярности и методические проблемы // Материалы IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», 20–21 марта 2019 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 364–368.
12. Trotsuk I.V. What do sociologists really “measure” when speaking of happiness? // Sociology in XXI Century: Challenges and Perspectives. Belgrade-Niš: Serbian Sociological Association, University of Niš, 2019. P. 191–201.
13. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.
14. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / Пер. с польск. Л.В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1981.
15. Розанов В.В. Цель человеческой жизни. М.: Грааль, 2001.
16. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
17. Селигман М.Э.П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
18. Троцук И.В., Королёва К.И. Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1. С. 107–114.
19. Троцук И.В., Королёва К.И. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 57–62.
20. Trotsuk I.V. Three approaches to the sociological study of the social well-being // Serbian Sociological Review. 2019. Vol. LIII. No. 1. P. 80–99.
21. Намлинская О.О. «Экономика счастья»: особенности определения и перспективы развития в условиях модернизации // Региональные проблемы преобразований экономики, 2014. № 4. С. 6–14.
22. Easterlin R. Will raising the income of all increase the happiness of all? // Journal of Economic Behavior and Organization. 1995. Vol. 27. P. 35–47.
23. Easterlin R. Income and happiness: Towards a unified theory // Economic Journal. 2001. Vol. III. P. 465–484.
24. Сен А. Идея справедливости / Пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Софронова, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
25. Лэйард Р. Счастье. Уроки новой науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
26. Журавлёв А.Л., Юревич А.В. Счастье как научная категория // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 8. С. 715–723.
27. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 141–162.
28. Троцук И.В. Методические и содержательные особенности социологического изучения феномена счастья опросными методами // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 1. С. 147–156.
29. Троцук И.В., Гребнева В.Е. Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. С. 7–35.

30. Родионова Л.А. Методологические аспекты измерения и моделирования уровня счастья // Экономика. Управление. Право. 2012. № 1. С. 25–30.
31. Чепурных М.Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор). <http://www.teoria-practica.ru/-9-2012/sociology/chepurnykh.pdf> (дата обращения: 26.12.2018).
32. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН, РОС, 2008.
33. Fordyce M. The Happiness Measure: A sixty second index of emotional well-being and mental health. https://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/hap_bib/freetexts/fordyce_mw_1983.pdf (дата обращения: 23.12.2018).
34. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014.
35. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина Нон-фикшн, 2011.
36. Левит Л.З. Исследование основных понятий позитивной психологии с помощью методов выборки переживаний (ESM) // Современная зарубежная психология. 2013. № 3. С. 19–44.
37. Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворённость жизнью и уровень счастья: взгляд социолога / Под науч. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016.
38. Andrews F.M., Withey S.B. Social Indicators of Well-Being: Americans Perceptions of Life Quality. New York: Plenum, 1976.
39. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М.: РУДН, 2017.
40. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодёжи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 131–155.
41. Троцук И.В., Панкова А.В. Социологический анализ феноменов свободы и счастья: апробация методического подхода // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 58–64.
42. Троцук И.В., Субботина М.В. Социологическая трактовка понятий со сложной коннотацией: взаимосвязь героизма и счастья // Там же. 2019. № 12. С. 131–136.
43. Garcia A.A. Cognitive interviews to test and refine questionnaire // Public Health Nursing. 2011. Vol. 28. № 5. P. 444–450.

ENGLISH

Happiness as an Interdisciplinary Construct: Options for Sociological Conceptualization and Operationalization

Nikolai Petrovich Narbut – Doctor of Science (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), head of the project – “Happiness as an Interdisciplinary Construct: Options for Sociological Conceptualization and Operationalization” (18-011-00993a).
E-mail: narbut.n@mail.ru

Irina Vladimirovna Trotsuk – Doctor of Science (Sociology), Professor at the Department of Sociology at RUDN, executor of the same project.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

The project seeks to clarify the conceptual and operational definitions of happiness to be referred to in empirical sociological studies, and to systematize methodological approaches to the sociological analysis of happiness, outlining the cognitive potential and limitations of these approaches. Conceptually, the project indicates that the achievements to date can be grouped

into two conventional areas of further studies: the objectivistic econometric approach (happiness indices based on social and economic indices) and the subjectivistic social and psychological approach (self-assessments in terms of happiness derived from public surveys). In terms of methods, the authors of the project organized the indicators and methods used in the empirical study of happiness, allowing the use of diverse survey tools in the observational studies aimed at identifying commonplace perception of happiness and adequately “measuring” its level.

Keywords: happiness, conceptual definition, empirical indicators, measurement methods, objectivistic and subjectivistic approaches

REFERENCES

1. Trotsuk I. «Marginal'nost'» tekstovogo analiza, ili problemy sotsiologicheskogo chteniya // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2014. T. 13. № 2. S. 177–200 (in Russian).
2. Trotsuk I.V. O metateoretizirovaniy v oblasti analiza tekstovykh dannykh // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 9. S. 12–21 (in Russian).
3. Trotsuk I.V. Tekstovyi analiz v sotsiologii: problemy i obeshchaniya raznykh tipov «chteniya» slabostrukturirovannykh dannykh. M.: RUDN, 2014 (in Russian).
4. Trotsuk I.V. Kontseptual'nye i empiricheskie nakhodki i probely istorii emotsii // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2018. T. 18. № 2. S. 345–360 (in Russian).
5. Grebneva V.E., Pankova A.V. «Melankholiya kak schast'e ot prebyvaniya v pechali», i drugie istoricheski izmenchivye odevaniya sotsial'nykh chuvstv // Tam zhe. № 3. S. 567–580 (in Russian).
6. Trotsuk I.V., Grebneva V.E. Chelovecheskoe dostoinstvo i sposoby ego utraty, ili neskol'ko retseptov, kak stat' schastlivym // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2019. T. 19. № 3. S. 563–581 (in Russian).
7. Plamper Ya. Istoriya emotsii / Per. s angl. K. Levinsona. M.: NLO, 2018 (in Russian).
8. Zorin A.L. Poyavlenie geroya: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka. M.: NLO, 2016 (in Russian).
9. Helliwell J., Layard R., Sachs J. (Eds.) World Happiness Report 2018. New York: Sustainable Development Solutions Network. <https://worldhappiness.report/ed/2018> (data obrashcheniya: 13.12.2018).
10. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Prichiny sotsiologicheskogo interesa k «izmereniyu» schast'ya i ego empiricheskie formaty // P.O.I.S.K. 2019. № 2. S. 50–56 (in Russian).
11. Trotsuk I.V. Reitingi schast'ya: prichiny populyarnosti i metodicheskie problemy // Materialy IX mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii «Sotsial'naya inzheneriya: kak sotsiologiya menyaet mir», 20–21 marta 2019 g. / Otv. red. A.V. Kuleshova. M.: VTSIOM, 2019. S. 364–368 (in Russian).
12. Trotsuk I.V. What do sociologists really “measure” when speaking of happiness? // Sociology in XXI Century: Challenges and Perspectives. Belgrade-Niš: Serbian Sociological Association, University of Niš, 2019. P. 191–201.
13. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / Per. s angl. pod red. V.L. Inozemtseva. M.: Logos, 2005 (in Russian).
14. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka / Per. s pol'sk. L.V. Konovalovoi. M.: Progress, 1981 (in Russian).
15. Rozanov V.V. Tsel' chelovecheskoi zhizni. M.: Graal', 2001 (in Russian).

16. Argail M. Psikhologiya schast'ya. SPb.: Piter, 2003 (in Russian).
17. Seligman M.E.P. Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyi vzglyad na schast'e i smysl zhizni. M.: Sofiya, 2006 (in Russian).
18. Trotsuk I.V., Korolyova K.I. Neochevidnye ogranicheniya sotsiologicheskoi otsenki blagopoluchiya: rezul'taty metodicheskogo eksperimenta // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2020. T. 19. № 1. S. 107–114 (in Russian).
19. Trotsuk I.V., Korolyova K.I. Sub"ektivnoe blagopoluchie – kachestvo zhizni ili schast'e? // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 9. S. 57–62 (in Russian).
20. Trotsuk I.V. Three approaches to the sociological study of the social well-being // Serbian Sociological Review. 2019. Vol. LIII. No. 1. P. 80–99 (in Russian).
21. Naminskaya O.O. «Ekonomika schast'ya»: osobennosti opredeleniya i perspektivy razvitiya v usloviyakh modernizatsii // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki, 2014. № 4. S. 6–14 (in Russian).
22. Easterlin R. Will raising the income of all increase the happiness of all? // Journal of Economic Behavior and Organization. 1995. Vol. 27. R. 35–47.
23. Easterlin R. Income and happiness: Towards a unified theory // Economic Journal. 2001. Vol. III. R. 465–484.
24. Sen A. Ideya spravedlivosti / Per. s angl. D. Kravchikina; nauch. red. V. Sofronova, A. Smirnova. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2016 (in Russian).
25. Leiard R. Schast'e. Uroki novoi nauki. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2012 (in Russian).
26. Zhuravlyov A.L., Yurevich A.V. Schast'e kak nauchnaya kategoriya // Vestnik RAN. 2014. T. 84. № 8. S. 715–723 (in Russian).
27. Shmatova Yu.E., Morev M.V. Izmerenie urovnya schast'ya: literaturnyi obzor rossiiskikh i zarubezhnykh issledovaniy // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2015. № 3. S. 141–162 (in Russian).
28. Trotsuk I.V. Metodicheskie i sodержatel'nye osobennosti sotsiologicheskogo izucheniya fenomena schast'ya oprosnymi metodami // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2019. T. 18. № 1. S. 147–156 (in Russian).
29. Trotsuk I.V., Grebneva V.E. Vozmozhnosti i ogranicheniya osnovnykh metodicheskikh podkhodov k izucheniyu schast'ya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya. 2019. T. 25. № 3. S. 7–35 (in Russian).
30. Rodionova L.A. Metodologicheskie aspekty izmereniya i modelirovaniya urovnya schast'ya // Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2012. № 1. S. 25–30 (in Russian).
31. Chepurnykh M.N. Indeksy schast'ya: opyt Zapada (sotsiologicheskii obzor). <http://www.teoria-practica.ru/-9-2012/sociology/chepurnykh.pdf> (data obrashcheniya: 26.12.2018) (in Russian).
32. Osin E.N., Leont'ev D.A. Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspress-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya // Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa. M.: IS RAN, ROS, 2008 (in Russian).
33. Fordyce M. The Happiness Measure: A sixty second index of emotional well-being and mental health. https://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/hap_bib/freetexts/fordyce_mw_1983.pdf (data obrashcheniya: 23.12.2018).
34. Kaneman D. Dumai medlenno... reshai bystro. M.: AST, 2014 (in Russian).
35. Chiksentmikhaii M. Potok: Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya. M.: Al'pina Non-fikshn, 2011 (in Russian).
36. Levit L.Z. Issledovanie osnovnykh ponyatii pozitivnoi psikhologii s pomoshch'yu metodov vyborki perezhivaniya (ESM) // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2013. № 3. S. 19–44 (in Russian).
37. Smoleva E.O., Morev M.V. Udovletvoryonnost' zhizn'yu i uroven' schast'ya: vzglyad sotsiologa / Pod nauch. red. A.A. Shabunovoi. Vologda: ISERT RAN, 2016 (in Russian).

38. Andrews F.M., Withey S.B. Social Indicators of Well-Being: Americans Perceptions of Life Quality. New York: Plenum, 1976 (in Russian).
39. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Tsennostnye orientatsii i sotsial'noe samochuvstvie studenchestva (rezul'taty issledovatel'skogo proekta). M.: RUDN, 2017 (in Russian).
40. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsial'noe samochuvstvie molodyozhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitel'nyi analiz tsennostnykh orientatsii (Chast' 1) // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2018. T. 18. № 1. S. 131–155 (in Russian).
41. Trotsuk I.V., Pankova A.V. Sotsiologicheskii analiz fenomenov svobody i schast'ya: aproba-tsiya metodicheskogo podkhoda // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchest-vennye nauki. 2018. № 11. S. 58–64 (in Russian).
42. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Sotsiologicheskaya traktovka ponyatii so slozhnoi konnotatsiei: vzaimosvyaz' geroizma i schast'ya // Tam zhe. 2019. № 12. S. 131–136 (in Russian).
43. Garcia A.A. Cognitive interviews to test and refine questionnaire // Public Health Nursing. 2011. Vol. 28. № 5. P. 444–450 (in Russian).

Индекс УДК 32.019.52

Код ГРНТИ 11.15.86

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-65-74

Е.Б. ШЕСТОПАЛ*

Образы «других стран» в современной картине мира российских граждан¹

Статья посвящена анализу образов других стран в сознании российских граждан. Рассматривается восприятие российскими гражданами стран-соседей, стратегических партнёров — Индии и Китая, отдельных стран Европы и Евросоюза, США, Турции и Таиланда.

При всём отличии образов этих стран для них характерны некоторые общие черты. Во-первых, их отличает когнитивная бедность, отражающая низкий уровень нашей информированности. Как показало исследование, сегодня наши граждане знают о мире намного меньше, чем раньше, а спектр их интересов уже. Вслед за западными СМИ российские СМИ и Интернет фокусируют внимание на узком круге «важных» стран, оставляя за пределами нашего внимания большую часть мира. Во-вторых, за три десятилетия свободного перемещения по миру миллионов наших граждан их картина мира хотя и стала более адекватной, но не обрела ни систематичности, ни когнитивной чёткости и явности. Видимо, одного личного опыта недостаточно, чтобы сформировать такую картину зарубежного мира, которая включала бы не только знания, но и сформированную с учётом наших национальных интересов систему ценностей. В-третьих, в отношении восприятия других стран наше общество не однородно. Есть возрастные и социальные группы, которые в большей степени сохранили идеализированные представления о мире, сформированные в первые постсоветские годы. Речь идёт о тех, чья политическая социализация пришлась как раз на конец 1980-х — начало 1990-х, а также об интеллигенции.

Ключевые слова: внешнеполитическое восприятие, образ другой страны, идентичность, постсоветские страны, Европа, США, Индия, Китай, Турция, Таиланд

* **Шестопа́л Елена Борисовна** — доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ» (18-011-01138).
E-mail: shestop0505@rambler.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Введение

Три десятилетия после распада СССР, породившие кризис российской идентичности, поставили на повестку дня два ключевых вопроса: кто такие «мы» и кто такие «они»?

Чтобы ответить на первый, надо понять, какими мы видим себя сами: европейцами или азиатами, цивилизованным народом или варварами, великой страной или «региональной державой»?

Для ответа на второй вопрос требуется понять, кто такие «они»? Иные, чем мы, или похожие на нас, чужие или свои, враги или друзья, соперники или союзники? Мы уже анализировали образ *своей* собственной страны [1, 2]. В этой статье мы обратимся к образам *других* стран в сознании российского общества¹.

Исследователи фиксируют глубокие изменения всей картины мира российских граждан [3–6]. Наша политическая оптика меняется как с точки зрения смыслов и ценностей [7], которые составляют стержень идентичности, так и в части самой оптики.

В конце советского периода и в первые постсоветские годы картина мира наших соотечественников отличалась весьма идеализированным восприятием других стран. Во многом это было своеобразной реакцией на прежнюю закрытость страны. Расставшись с эпохой «железного занавеса», они наивно верили, что мир стал иным: дружелюбным и готовым к сотрудничеству.

В 2000-е – 2010-е и особенно после 2014 г. наступило некоторое разочарование в отношении прежде всего западных стран. Столкнувшись с бесконечными санкциями и угрозами, мы вспомнили, что у России есть только два союзника: армия и флот.

К *настоящему моменту* большинство населения стало намного более трезво оценивать усложняющийся контекст взаи-

модействия нашей страны с зарубежными «партнёрами», которые всё чаще выступают в отношениях с нами в роли конкурентов, а то и открытых врагов. Изучение актуальных образов зарубежных стран позволяет описать психологические и политические закономерности их восприятия.

Теоретические основания исследования

Изучая восприятие других стран, мы не могли пройти мимо работ *политических географов*, которые в центр своих исследований ставят пространственное измерение образа страны. Этот подход позволяет увидеть в нём взаимосвязанные символы, знаки, представления, которые описывают окружающее нас пространство [8].

Теория политической идентичности позволила посмотреть на образ страны, существующий в сознании её граждан, как на некий «набор параметров для самоотождествления». Содержательное наполнение этих «элементов» формирует «внутренний» образ страны. Как верно заметила И.С.Семеновна «...отношение к “иному” и соотнесение себя с другими национально-государственными общностями всегда было и остаётся одной из основ утверждения собственной национальной идентичности» [3, с. 3].

Важную роль для исследования образа другой страны играет *теория международных отношений*. Она развивается в направлении анализа связей между знаниями о государстве, переживаемыми эмоциями и стратегиями поведения. В частности, М.Коттам и Р.Коттам показали, что определённые *эмоции* тесно связаны с конкретными образами государств [9, с. 305]. Р.Херрманн и М.П.Фишеркерлер разработали сценарии, которые позволяют выстроить взаимодействие с другими государствами, исходя

¹ Полностью исследование будет представлено в подготовленной монографии «“ОНИ” и “МЫ”: Образы России и мира в сознании российских граждан», которая выйдет в издательстве РОССПЭН.

из созданных образов («Враг», «Варвар», «Колония», «Союзник») [10]. Учитывая предложенную этими исследователями типологию, мы выделили те категории стран, которые сформировались в сознании именно российских граждан: «Сосед», «Стратегический партнёр», «Враг», «Забывтый союзник», «Туристическая Мекка».

Все описанные выше теории мы использовали в нашей концептуальной модели, фундаментом которой стал политико-психологический подход. Ему посвящён целый ряд работ, вышедших в последние годы [11, с. 41]. Мы исходили из того, что наряду с *рациональными* компонентами существующий у респондентов образ другой страны имеет *неосознаваемые* составляющие. Кроме того, мы учитывали такие параметры образа, как *привлекательность, сила и активность*.

Характеристика исследования

Исследование позволило нам выявить актуальное представление опрошенных о том, как «Мы» видим «Их», какова степень нашей с этими странами общности и отличий. Мы ставили перед собой задачу описать ту картину мира, которая сложилась в сознании российских граждан.

Методология. Отдельные части эмпирического исследования проводились в разные годы, начиная с 2014 по 2020 г. Методология исследования включала фокусированные полустандартизированные *интервью* с использованием *метода «неоконченных предложений»*, а также *проективный тест «рисунок России»*, *картографический метод* и *семантический дифференциал*. Неосознаваемые аспекты образа страны фиксировались посредством как выявления метафор в ответах, так и посредством анализа символов и сюжетов в рисунках. Для интерпретации полученных данных использовались *качественные методы* с элементами *количественных*, в частности — методы кодирования и шкалирования ответов на открытые вопросы.

Выборка. В исследовании участвовали респонденты из Москвы, Брянской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Томской и Челябинской областей, республик Башкортостан, Дагестан, Крым и Тыва. Выборка в целом превысила 3000 опрошенных, но на каждом этапе число респондентов определялось исходя из задач и стандартов качественного исследования. Не будучи репрезентативной для России в целом, выборка была сбалансирована по полу, возрасту и образованию.

Результаты исследования и их обсуждение

В полученных нами данных интересно, прежде всего, как опрошенные выделяют те или иные зарубежные страны, способ их категоризации. Так, отвечая на открытые вопросы о зарубежных странах, они смогли вспомнить довольно узкий их набор. Среди них появлялись «страны-соседи», «стратегические партнёры», «забытые союзники», «враги» и «страны-курорты». Сами эти категории отличаются по степени эмоциональной близости по шкале «свой—чужой», по степени привлекательности, по критериям силы и другим параметрам.

Соседи по постсоветскому пространству

Наши соседи — бывшие республики СССР — в проекте были представлены двумя славянскими странами (Украина и Беларусь), тремя закавказскими республиками (Армения, Грузия, Азербайджан) и тремя странами Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан).

Именно эти страны обозначены в нашей внешнеполитической стратегии как ключевые направления российской внешней политики [13]. Но опрошенные граждане не воспринимают отношения с этими странами как центральные. Если на рациональном уровне они ещё говорят об их важности, то на неосознаваемом уровне они полагают, что США, Европа или Китай намного для нас важнее, чем соседи.

Отношение ко всем этим странам можно называть амбивалентным: от прежней «дружбы народов» мы уже ушли, а к более формальным отношениям с «заграницей» так пока и не пришли.

На восприятие той или иной страны-соседа большое влияние оказывает личный опыт респондента. Так, например, взаимодействие с трудовыми мигрантами заметно увеличило число позитивных упоминаний жителей Кыргызстана, Таджикистана, Беларуси и Украины.

Белорусов чаще воспринимают как «своих», «таких же, как мы», как «братьев». Несколько реже, но в ту же категорию «своих» попадают украинцы.

Ответы респондентов показали глубокое влияние на образы стран-соседей коммуникативного фактора, который придаёт им преимущественно политическую окраску и формирует стереотипные ответы. При этом информированность наших респондентов о странах-соседях оказалась чрезвычайно низкой по сравнению с европейскими странами или США. Эти страны слабо присутствуют в нашем информационном пространстве. А в тех случаях, когда они там есть (как, например, с Украиной), это вызывает резко негативную реакцию на подачу данной темы в СМИ.

Российское общество за прошедшую четверть века начало вырабатывать новую «оптику» в отношении ближайших соседей. Какие-то образы ещё сохраняют влияние прежних советских стереотипов, но они более заметны у старших поколений граждан, чем у молодых.

Евросоюз – «ненадёжный и слабеющий»

Начиная с петровских времён наша национальная самооценка всегда формировалась в сравнении с Европой, которая играла роль своего рода эталона.

Но начиная с 2014 г. оценки ЕС со стороны российских респондентов стали ухудшаться. В такой ситуации близость культурных традиций, уважение к европейскому наследию были отодвинуты

ощущением ненадёжности ЕС как партнёра, даже его «предательством» под давлением США.

Образ ЕС сегодня отличается амбивалентностью и рассогласованностью. По параметру *силы* более половины опрошенных считают ЕС сильным союзом на рациональном уровне, тогда как на бессознательном уровне образ воспринимается скорее как слабый («старушка Европа»), а точнее говоря, постепенно слабеющий под воздействием США.

В содержательном плане ЕС видится не столько как политический, сколько как экономический союз, при этом респонденты отмечают не промышленность или сельское хозяйство, а его финансовые институты. В нём практически отсутствует военная мощь.

В вопросе о том, кем Россия и ЕС являются друг для друга, большинство опрошенных определяют ЕС как партнёра. Однако в этом партнёрстве многие респонденты разочарованы и называют его ненадёжным. Примерно четверть видит в нём врага, и только незначительное число рассматривает его как друга. Как ни странно, более позитивным оказалось отношение к ЕС у тех, кто там ни разу не бывал. Иначе говоря, позитивные стереотипы, почерпнутые из наших же СМИ, оказались весьма устойчивыми.

Та часть исследования, в которой мы изучали образ ЕС, показал, что для нас Европа – это не столько ЕС, сколько отдельные страны континента. (рис. 1).

Самыми чёткими и богатыми оказались представления о Великобритании и Германии, которые видятся нашим респондентам как страны сильные и влиятельные. Даже Франция, не говоря уже о других государствах Европы, в большей степени воспринимается скорее как направление туристических маршрутов, нежели как участник международных отношений.

Эмоциональный знак образов большинства стран Европы положительный. Наиболее «дружественной» опрошенным

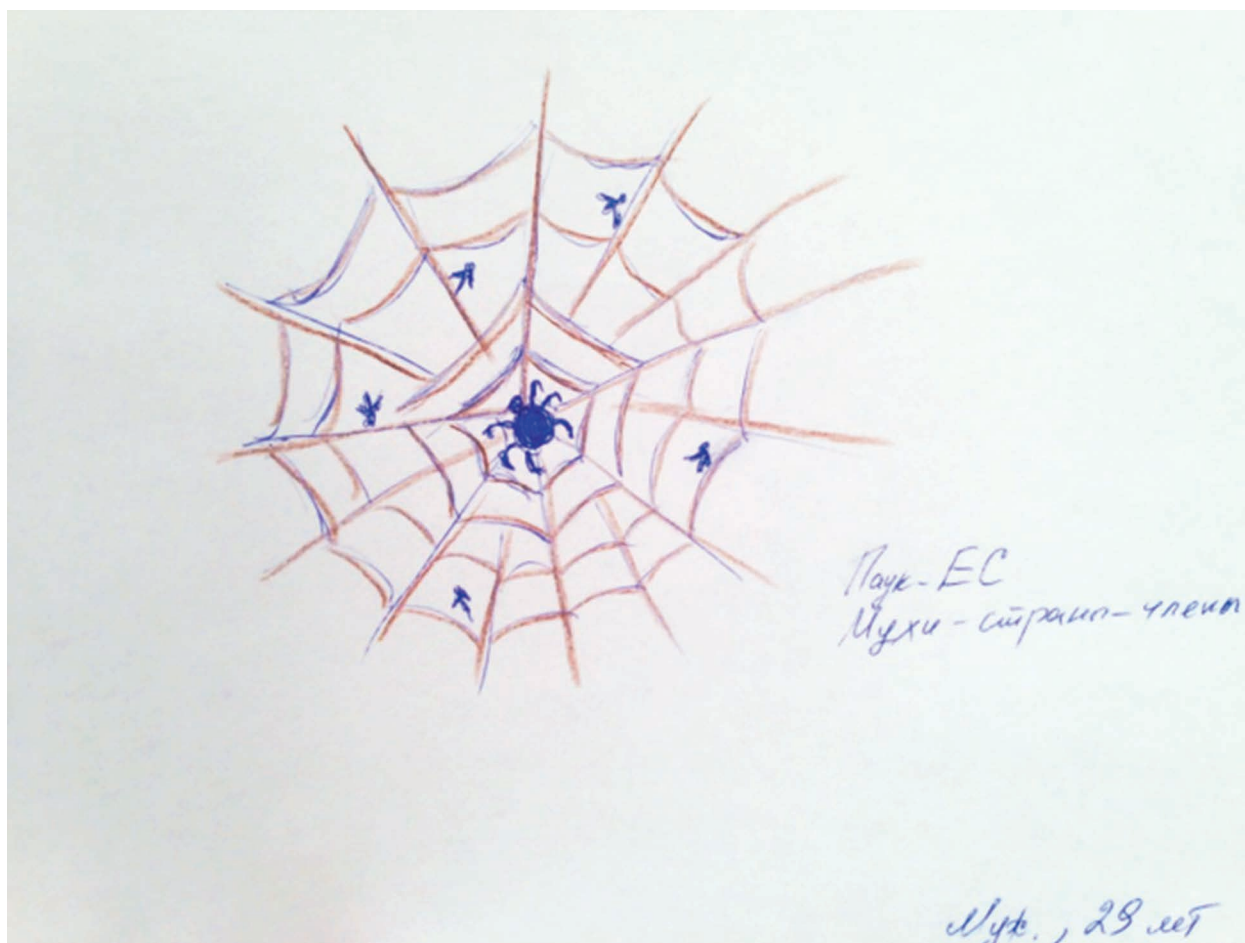

Рис. 1. «Паук — ЕС, а мухи страны-члены»

кажется Испания, а «враждебными» — Великобритания и Эстония.

Стратегические партнёры: Китай и Индия

Хотя нам крайне редко встречались страны, которые опрошенные относят к числу «друзей России», категория «стратегических партнёров» используется респондентами достаточно чётко применительно к Китаю и Индии.

В то же время есть принципиальная разница в их восприятии. К Индии как государству у россиян выработалось дружеское отношение, но народ кажется им далёким, непонятым. Представления об Индии и индийцах предельно стереотипизированы.

Признавая Китай геополитическим и торговым партнёром, россияне, тем не менее, опасаются возможного воору-

жённого столкновения или китайской экспансии на востоке нашей страны. Около 40% респондентов ассоциируют Поднебесную с Великой Китайской стеной, китайским чаем, драконами, иероглифами и пандами.

«Другом» Китай считают 20% респондентов, «врагом» — всего 4%. Более половины, а точнее 54%, видят Китай в качестве «соседа», подавляющее большинство (68%) называют его «партнёром», а 16% — «конкурентом» (рис. 2).

США: образ «врага»

У образа США в сознании российских граждан есть ряд отличительных особенностей:

- ♦ Этот образ характеризуется когнитивной сложностью, чёткостью и сформированностью, что отличает его от образов всех других зарубежных стран.

Образ США крайне непривлекателен, при этом он сформирован и ярок. Число тех, кто видит в образе США положительные стороны, не превышает 16% (рис. 3).

Столь же ярко в нём выражены сила и активность.

♦ Политическая составляющая образа США представлена очень выпукло. И американское государство, и власть, и лидеры, и миссия страны на международной арене воспринимаются исключительно негативно. Образ США — это «враг» в чистом виде.

На восприятие США повлиял ряд факторов. Во-первых, это изменение вектора нашей внешней политики на отстаивание своих национальных интересов. Во-вторых, изменение самого российского общества. Социализация нынешнего молодого поколения отличает их от их родителей, бабушек и дедушек. Эти три возрастные когорты имеют разные политические картины мира, в которых и образ США отличен. При этом у младшего и старшего поколений он более нега-

тивный, чем у средней возрастной группы, в которой идеализированные представления об отношении США к России встречаются куда чаще.

Туристическая Мекка: образы Турции и Таиланда

В отношении Турции значимыми для восприятия факторами стали исторические пересечения, относительная территориальная близость, личный опыт посещения многими россиянами данной страны. При этом в образе Турции есть немало противоречий. Например, турки описываются как доброжелательные и услужливые, но в то же время как неискренние. Политика Турции часто оставляет у опрошенных негативное впечатление, но это не мешает им ездить туда на отдых даже в моменты резкого обострения отношений.

Индустрия гостеприимства и в целом «мягкая сила» в политике Турции и Таиланда оказывают существенное воздействие на их восприятие российскими

Рис. 2. Характер взаимоотношений Китая и России в представлениях россиян

гражданами. У большинства положительное восприятие закрепилось на эмоциональном уровне, несмотря на то, что на рациональном уровне граждане вполне понимают опасности, которые могут ожидать там россиян.

Заключение

Наше исследование позволяет отметить некие общие характеристики в картине зарубежного мира, сложившейся у наших граждан к настоящему моменту.

1. Первое, что обращает внимание при знакомстве с представлениями российских граждан о мире за границами РФ, — это их **когнитивная бедность**, отражающая низкий уровень информированности. Это тем более поразительно, что у людей старшего поколения, не имевших возможности выезжать за рубеж, знания о мире на порядок богаче, чем у их более молодых сограждан. Этот феномен связан с образованием и системой информирования. Мы обнаружили весьма слабый след школьных знаний у людей, которые учились в постсоветский период. И наоборот, представители старших возрастных групп демонстрируют более глубокие остаточные знания.

2. Образы других стран показали, что на процесс восприятия существенно влияют **коммуникативные факторы**. Именно текущая информация, распространяемая СМИ здесь и сейчас, а не фундаментальные представления, заложенные в сознание с детства, формируют сегодня образы стран. Поразительно, но с появлением новых форм и каналов коммуникации, с ускорением её доставки образы других стран не только не стали более живыми, яркими, выпуклыми, но наоборот: в наши дни люди знают о мире намного меньше, а спектр их интересов уже.

Сегодня можно констатировать, что СМИ и у нас, и в других странах весьма искажённо подают картину реального мира. И речь не только о пресловутых

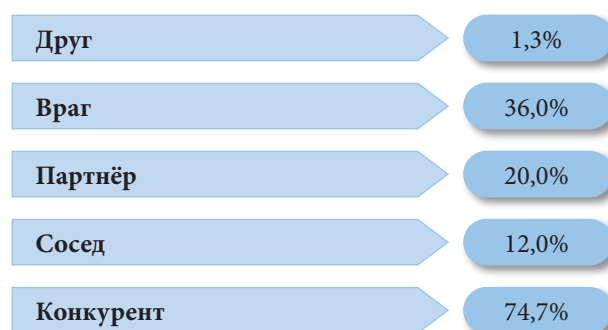

Рис. 3. Характеристика США по отношению к России

«фейк ньюз». Пропаганда, которую так долго ругали в XX в., в нынешнем вернулась в новом обличье и правит бал, манипулируя сознанием рядовых граждан с помощью новейших технологий брендинга политиков, власти и стран.

Так, мы столкнулись с таким, на первый взгляд, безобидным явлением: вслед за западными СМИ российские газеты и журналы, ТВ и Интернет фокусируют внимание граждан на узком круге «важных» стран, оставляя за пределами нашего внимания большую часть мира, которая ими откровенно игнорируется. Не удивительно, что наши граждане практически ничего не знают ни о близких странах-соседах, ни тем более о далёких африканских или азиатских странах.

3. Ещё одной чертой нашего восприятия других стран является удивительно узкий диапазон тем, которые интересуют людей за рубежом. За исключением только США границы наших представлений о других странах заданы прежде всего неполитическими сюжетами и интересами. Если зарубежный мир в советские годы был интересен нам как место, где бурлит политическая жизнь, сталкиваются интересы разных партий и движений, где есть народные традиции и высокая культура, а в 1990–2000-е мы знали, что за рубеж можно поехать работать или чему-то учиться, торговать или просто что-то покупать, то сейчас наши респонденты рассматривают другие страны исключительно как место отдыха и путешествий.

Единственным исключением является интерес к футболу и футболистам как представителям своих стран. Такая узость зрения о других странах, народах и государствах говорит о нарастающей духовной бедности, которая никогда не была характерна для русской культуры. И это вызывает глубокую озабоченность.

4. Начиная наше исследование, мы предполагали, что на образы других стран может оказать влияние собственный опыт посещения той или иной страны и знакомство с её выходцами. Эта гипотеза получила лишь частичное подтверждение. Она оказалась верна применительно к странам-соседям. А вот в отношении стран Европы мы столкнулись с прямо противоположным явлением. Их образ был более позитивным у тех, кто ориентировался на сообщения СМИ. Те же, кто в Европе бывал, видят её не в столь радужном свете. За три десятилетия свободного перемещения по миру миллионов наших граждан их картина мира хотя и стала более адекватной, но не обрела ни систематичности, ни когнитивной чёткости. Видимо, одного личного опыта недостаточно, чтобы сформировать такую картину зарубежного мира, которая включала бы не только знания, но и сформированную с учётом наших национальных интересов систему ценностей. А это невозможно без грамотной информационной политики государства и фундаментального образования.
5. После недолгой оттепели в отношениях с Западом в перестройку и первые

постсоветские годы, породившей навязную веру в то, что «Запад нам поможет», наши граждане сегодня стали значительно более реалистично воспринимать другие страны, особенно те, что противостояли нам в годы холодной войны. Однако в этом отношении наше население неоднородно. Есть возрастные и социальные группы, которые в большей степени сохранили идеализированные представления о мире в целом и о «цивилизованном» Западе в особенности. Речь идёт о тех, чья политическая социализация пришлась как раз на конец 1980-х – начало 1990-х, а также в среде интеллигенции.

6. Как и другие политические образы, образы зарубежных стран отражают реальность. При этом наш проект показал, что это отражение может быть реалистичным и не очень, точным и нечётким. Так, образы наших соседей, партнёров и врагов в настоящее время приобрели чуть большую ясность, чем в 1990-е, но всё ещё находятся под влиянием значительного числа мифов и штампов. Прояснению нашей политической оптики не способствует та картина мира, которую предлагают обществу наши система образования и международная журналистика, рисующие довольно примитивно и однобоко как собственно зарубежный мир, так и место России в нём. Такая картина мира не способствует мобилизации и консолидации нашего общества в случае возникновения международных кризисов, например, нынешнего кризиса в связи с пандемией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестопа́л Е.Б., Смутькина Н.В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2018. № 2. С. 51–68.
2. Шестопа́л Е.Б., Смутькина Н.В., Морозикова И.В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 74–94.
3. Семененко И.С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей. М.: Новый хронограф, 2013. Вып. 12: Ежегодник. С. 111–131.

4. Тишков В.А. Российский народ. Истоки и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 6.
5. Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 26–36.
6. Ильинская С.Г. Метаморфозы российской идентичности в контексте постсоветского развития. М.: ИФ РАН, 2016. С. 8.
7. Селезнёва А.В., Палитай И.С. Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 123–135.
8. Колосов В.А. Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник ДВГСГА. Серия 1: Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 72–91.
9. Cottam M.L., Cottam R.W. Nationalism and Politics: The Political Behavior of Nation States. London: Boulder, 2001.
10. Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men // Psychological Review. 1948. № 55. Pp. 189–208.
11. Herrmann R.K., Fischerkeller M.P. Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the Cold War // International Organization. 1995. Vol. 49. № 3. Pp. 415–450.
12. Джгамадзе К.Б. Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 3. № 3 (63). С. 40–44.
13. Шестопап Е.Б. (отв. ред.) Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018). М.: Весь мир, 2019.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>.

ENGLISH

Images of “Other Countries” in Today’s Worldview of Russian Citizens

Elena Borisovna Shestopal – PhD, professor, head of the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University, head of the project “The Image of the Country in the Russian Society: A Political and Psychological Analysis” (18-011-01138).
E-mail: shestop0505@rambler.ru

This paper analyses the images of other countries as seen by Russian citizens. The author contemplates how the Russians perceive neighbouring countries, the strategic partners (India and China), certain European states and the European Union as a whole, as well as the United States, Turkey, and Thailand.

Notwithstanding the differences in the images of these countries perceived by the Russians, they share certain similarities. First of all, those images feature some poor awareness, reflecting how ill-informed we are. The study shows that nowadays our fellow citizens know less about the world than before, and their spectrum of interests is narrower. Following the Western media, the Russian media and Internet focus on a limited number of “important” countries, ignoring the majority of the global states. Second, three decades of travel freedom influenced the worldview of millions of the Russians. Their perception of the world grew more coherent and adequate; however, it still lacks consistency and cognitive clearness. Evidently, personal experience is not sufficient to form such a vision of the global world that includes both awareness and a system of values shaped in consideration of the national interests.

And third, the Russian society is not homogeneous in its perception of foreign nations. There are senior people and social groups that have largely retained idealized concepts of the world formed in the early post-Soviet period. Namely, those, who were politically socialized in late 1980s and early 1990s, as well as the intellectual elite.

Keywords: foreign policy perception, image of another country, identity, post-Soviet states, Europe, the USA, India, China, Turkey, Thailand

REFERENCES

1. Shestopal E.B., Smul'kina N.V. Kakoi vidyat svoyu stranu segodnya rossiiskie grazhdane? // *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. 2018. № 2. S. 51–68 (in Russian).
2. Shestopal E.B., Smul'kina N.V., Morozikova I.V. Sravnitel'nyi analiz obrazov svoei strany u zhitel'ei rossiiskikh regionov // *Sravnitel'naya politika*. 2019. T. 10. № 3. S. 74–94 (in Russian).
3. Semenenko I.S. Sotsiokul'turnaya modernizatsiya i konflikt identichnostei. M.: Novyi khronograf, 2013. Vyp. 12: Ezhegodnik. S. 111–131 (in Russian).
4. Tishkov V.A. Rossiiskii narod. Istoki i smysl natsional'nogo samosoznaniya. M.: Nauka, 2013. S. 6 (in Russian).
5. Drobizheva L.M. Obshcherossiiskaya identichnost' i uroven' mezhnatsional'nogo soglasiya kak otrazhenie vektora konsolidatsionnykh protsessov // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. № 1 (393). S. 26–36 (in Russian).
6. Il'inskaya S.G. Metamorfozy rossiiskoi identichnosti v kontekste postsovetskogo razvitiya. M.: IF RAN, 2016. S. 8 (in Russian).
7. Seleznyova A.V., Palitai I.S. Vospriyatie svoei strany rossiiskoi molodezh'yu: tsennostno-simvolicheskii i politiko-kul'turnyi aspekty // *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. 2019. T. 10. № 2. S. 123–135 (in Russian).
8. Kolosov V.A. Geograficheskie obrazy i geopoliticheskie predstavleniya: puti formirovaniya i podkhody k izucheniyu // *Vestnik DVGSGA. Seriya 1: Gumanitarnye nauki*. 2008. № 1. S. 72–91 (in Russian).
9. Cottam M.L., Cottam R.W. *Nationalism and Politics: The Political Behavior of Nation States*. London: Boulder, 2001.
10. Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men // *Psychological Review*. 1948. № 55. Pp. 189–208.
11. Herrmann R.K., Fischerkeller M.P. Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the Cold War // *International Organization*. 1995. Vol. 49. № 3. Pp. 415–450.
12. Dzhgamadze K.B. Teoretiko-metodologicheskie osobennosti izucheniya obraza strany v massovom soznanii // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. T. 3. № 3 (63). S. 40–44 (in Russian).
13. Shestopal E.B. (otv. red.) *Vlast' i lidery v vospriyatii rossiiskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudenii (1993–2018)*. M.: Ves' mir, 2019 (in Russian).
14. Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (in Russian).

Индекс УДК 340.13

Код ГРНТИ 10.07.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-75-86

А.А. ПЕТРОВ*

Алгоритмизация преодоления сложных коллизий норм права

В статье описывается концептуальная модель алгоритма преодоления сложных коллизий норм права (нормативных конфликтов), возникающих в ситуациях совпадения коллизий. Базируясь на функциональной трактовке коллизий правовых норм, автор описывает трёхуровневую таксономию нормоконфликтов на основе прескриптивного критерия: на первом уровне коллизии норм права разделяются на объективно преодолимые и объективно непреодолимые (абсолютные); на втором уровне объективно преодолимые коллизии норм права разделяются на межправовые («пространственные») и внутриправовые; последние, в свою очередь, подразделяются на иерархические, содержательные и темпоральные. При этом совпадение коллизий норм возможно только между внутриправовыми коллизиями норм.

Демонстрируется связь универсального и конкретно-исторического аспектов в определении критериев выбора применимой нормы при коллизиях норм права различных типов, отмечается, что в условиях иерархически организованного современного правопорядка существует иерархия коллизионных максим: на первом месте находится максима *lex superior*, на втором — *lex specialis*, на последнем — *lex posterior*. Изложена модель научно обоснованного алгоритма преодоления коллизий норм права в ситуации их совпадения с учётом наличия различных возможных стратегий преодоления сложных коллизий.

Ключевые слова: сложная коллизия норм права, совпадение коллизий, стратегии преодоления коллизий, коллизионные нормы, общие принципы права, *lex superior*, *lex specialis*, *lex posterior*

Коллизии правовых норм: вводные замечания

Зачастую юристы сталкиваются с ситуациями, когда две или более норм права предлагают одновременно несовместимые решения для одного и того же родового случая. Такие рассогласованно-

сти в позитивном праве называют коллизиями (конфликтами) норм.

В доктрине всё многообразие взглядов на сущность коллизии правовых норм может быть сведено к двум принципиально разным подходам: логическому и функциональному. В рамках первого

* **Петров Александр Александрович** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, руководитель проекта «Алгоритм преодоления коллизий правовых норм в случае их совпадения» (18-011-00583).
E-mail: sfu-pravo@yandex.ru, aapetrov@sfu-kras.ru

подхода сущностным признаком коллизии норм является нарушение формально-логического принципа непротиворечия либо его аналога. Второй подход исходит из представления о коллизии норм как об их функциональной несовместимости норм в системе права. Преимущество функционального подхода по сравнению с логическим заключается в более точном и богатом отражении правовой реальности за счёт отказа от редуцирования коллизий лишь к противоречиям норм, либо нормативных высказываний, либо утверждений о соблюдении норм [1].

Например, в рамках логического подхода нельзя назвать противоречивыми две следующие нормы российского права:

- (1) Ковры, ковровые дорожки и другие покрытия полов на объектах защиты с массовым пребыванием людей и на путях эвакуации должны надёжно крепиться к полу (п. 39 Правил противопожарного режима в РФ, утверждённых Постановлением Правительства РФ от 25.04.2012 № 390).
- (2) Ковры [в дошкольной образовательной организации – АП.] ежедневно пылесосят и чистят влажной щёткой или выбивают на специально отведённых для этого площадках хозяйственной зоны, затем чистят влажной щёткой (п. 17.4 СанПиН 2.4.1.3049-13, утверждённых постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 15.05.2013 № 26).

Две эти нормы логически друг другу не противоречат, но так как прикреплённость ковра к полу с целью минимизации пожарного риска как акт реализации нормы (1) очевидно создаст сложности в его ежедневной чистке (под ковром) и выбивании с позиций императива (2), указанные нормы являются функционально рассогласованными и влекут их адресатов в разных направлениях, поскольку надёжное крепление к полу ковра как следствие выполнения нормы (1) явно будет препятствовать возможности чистить под ковром или выбивать его,

как того требует норма (2). Интересно заметить, что в одном из судебных решений рассогласованность противопожарных и санитарных требований по вопросу, закреплять всё же ковры в детских садах или нет, была оценена судом в качестве обстоятельства, влекущего малозначительность совершённого административного правонарушения (Решение Приморского краевого суда от 14.08.2014 по делу № 7-21-679/2014).

Кроме того, только в рамках функционального подхода может быть объяснён ряд корреляций, связанных с установлением содержания конфликта норм:

- (1) аксиологически нейтральное отношение к коллизиям норм права влечёт расширение объёма данного понятия, и наоборот, при отрицании ценности коллизий ряд феноменов исключается из объёма указанного понятия, а для их адекватного отражения в научный оборот вводятся понятия-симулякры (типичный пример – так называемая конкуренция норм) [2];
- (2) тип правового регулирования в рамках конкретного фрагмента системы права может влиять на определение наличия либо отсутствия коллизии норм права [3];
- (3) жёсткие и неизменные критерии выбора применимой нормы в случае коллизии норм сочетаются с широкой дискрецией правоприменителя при решении вопроса об идентификации коллизии норм права, что обеспечивает достаточную гибкость при преодолении коллизий норм права и возможность использования правоприменителем различных стратегий при возникновении коллизионной ситуации [4, р. 450–452, 469].

Квалифицированный юрист должен уметь выбрать то правило, которое нужно применить в случае коллизии норм права. Для этого юридической доктриной и практикой вырабатываются объективные основания для выбора той или иной нормы. Разработкой решения та-

ких межправовых коллизий занимается целая отрасль юриспруденции — коллизионное право в узком смысле слова. Но коллизии норм могут возникать и внутри одного правопорядка. Как быть тогда? Наука и практика выработали три основных принципа выбора применимой нормы (эти правила называют коллизионными максимами, или общими принципами преодоления коллизий):

— *позднее принятая норма сильнее принятой раньше (lex posterior derogat priori);*

— *специальная норма отменяет действие общей (lex specialis derogat legi generali);*

— *вышестоящая в иерархии норма сильнее нижестоящей (lex superior derogat legi inferior).*

Указанные коллизионные максимы могут конкретизироваться в позитивном праве посредством коллизионных норм. Так, часть 3 статьи 17 действующего Уголовного кодекса РФ, согласно которой если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, то совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает лишь по специальной норме, уточняет максимум *lex specialis*. А применительно к международным договорам максима *lex posterior* конкретизирована в статье 30 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Отдельные коллизионные максимы иногда могут быть рассогласованными с конкретными коллизионными нормами. Так, в позитивном праве Республики Армения отрицается принцип *lex posterior*. В этом государстве формально не отменённый предшествующий закон сильнее позднего принятого [5, с. 29–30, 45–49]. При этом само по себе отрицание единичной коллизионной максимы не приводит к коллапсу правовой системы, поскольку её неприменение компенсируется возможностью обращения к другим коллизионным максимами, а также наличием неустраняемой дискреции правоприменителя, сталкивающегося с колли-

зионной ситуацией и множественностью стратегий преодоления коллизий норм права. Вместе с тем отрицание нескольких коллизионных принципов потенциально может стать причиной коллапса в правоприменении. Однако такого рода примеры автору неизвестны.

Конфликтовать друг с другом могут и сами правила выбора той или иной нормы. Такого рода нормативные конфликты возникают тогда, когда одна и та же коллизионная ситуация может быть одновременно квалифицирована как коллизия норм нескольких типов. Это называется совпадением коллизий [6, с. 90–95], или сложной коллизией норм права.

В ситуации совпадения коллизий обнаруживается существенный рост правовой неопределённости: во-первых, из-за конфликта норм неясна модель правомерного поведения; во-вторых, существуют различные коллизионные максимы, которые могут быть применены в данном случае. В вопросе сложных коллизий обоснованным представляется мнение Н.А. Власенко о недостаточной изученности данного вопроса юридической наукой [7, с. 16], что в некоторой степени это может быть объяснено как отсутствием научно разработанной типологии коллизий правовых норм, опираясь на которую можно было бы попытаться ранжировать коллизионные критерии, так и недостаточной теоретической проработкой вопроса о соотношении различных коллизионных принципов между собой.

Генезис и развитие критериев преодоления коллизий норм права

Следует заметить, что юридический критерий, лежащий в основе выделения объективно преодолимых коллизий норм, является плодом развития юриспруденции, а во многом кажущиеся современным юристам аксиоматичными правила разрешения нормоконфликтов корректнее рассматривать как конвенциональные в том плане, что их наличие связано с более общими идеями теоре-

тической юриспруденции Модерна. Так, максима *lex superior* отражает идею государственного суверенитета и организационной иерархии властей; в максиме *lex specialis*, с одной стороны, проявляется идея распределяющей справедливости («особому — особое»), а с другой — римский управленческий принцип широкой автономии, предоставляемой отдельным сообществам в рамках единого правового пространства *Res publica Romana*. В то же время принцип *lex posterior* в своём предельном основании связан, с одной стороны, с идеей прогресса и развития ума людей, а с другой — с представлением о законе как выражении общей воли суверенной государственной власти.

При этом указанные коллизионные максимы обладают собственной историей, что объясняется как несхожестью лежащих в их основании идей, так и конкретно-историческими факторами, с которыми связано их возникновение. Интересно заметить, что в римском праве обращение к приоритету нового закона над старым и специальной нормы над общей скорее были приёмами судебной аргументации в пользу того или иного решения конкретного дела, а не универсальными правовыми максимами. Ни римскому, ни средневековому праву не был известен такой общий принцип преодоления коллизий норм права, как *lex superior*, который, скорее всего, генетически связан с развитием идеи приоритета нового закона над старым применительно к условиям сложно структурированного централизованного правопорядка в рамках западной правовой традиции Нового времени [8].

Подчеркнём, что предлагаемая ниже таксономия нормативных конфликтов применима к национальным правовым системам Модерна, признающим ценности общественного прогресса и государственного суверенитета, включая верховенство исходящего от государства позитивного права в системе иных социальных регуляторов.

Таксономия нормативных конфликтов

При построении классификационной модели нормативных конфликтов следует выделить две группы критериев деления коллизий норм права на виды: дескриптивные (с точки зрения концептуального описания существа коллизии) и прескриптивные (на основании юридического критерия, детерминирующего выбор одной из конфликтующих норм).

В рамках прескриптивного ракурса на первом уровне таксономии все коллизии могут быть разделены на объективно преодолимые (критерий выбора той или иной нормы детерминирован правовой системой) и объективно непреодолимые (абсолютный неразрешимый нормоконфликт, при котором поиск решения коллизионной проблемы будет основываться на неюридических критериях).

Среди объективно непреодолимых коллизий необходимо выделить:

- (1) абсолютные коллизии норм (совпадение всех объективных параметров коллидирующих норм);
- (2) коллизии норм при наличии пробелов в распознавании объективных параметров коллидирующих норм (пространственные пределы действия, время, степень общности/специальности нормы, её ранг);
- (3) коллизии норм по типу АВ/АС в нормативных системах, построенных с нарушением принципа *res inter alios acta* [9, p. 14–15].

Что касается объективно преодолимых коллизий, то их следует разделить на внутрисистемные и межсистемные («пространственные»). Первые существуют в рамках одной правовой системы; вторые — между нормами нескольких правовых порядков (систем) и предполагают первичный выбор какой-либо правовой системы, претендующей на регулирование определённого родового случая. При этом внутри одного правопорядка таким образом

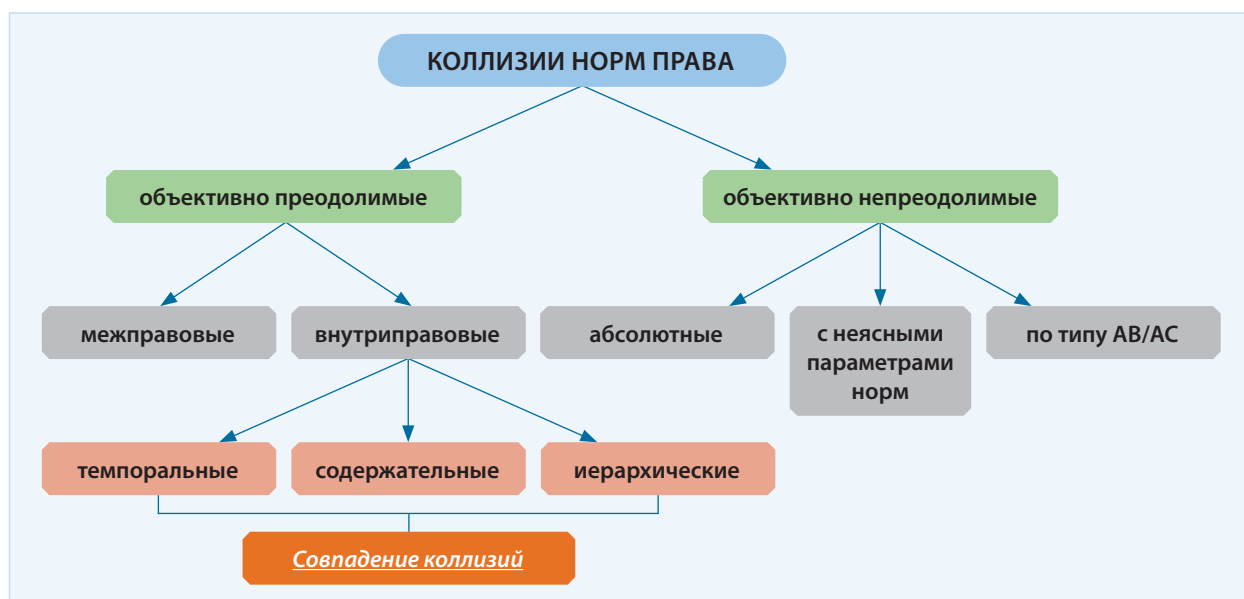

Рис. 1. Прескриптивная таксономия коллизий норм права

понимаемые «пространственные» коллизии существовать не могут.

Вопрос о совпадении коллизий может возникать только применительно к объективно преодолимым внутриправовым коллизиям, поскольку в случае «наложения» «пространственного» критерия на любые иные именно он является преваляющим.

В доктрине предлагается множество критериев преодоления внутриправовых коллизий. Ряд из них со всей очевидностью можно рассматривать как самостоятельные параметры преодоления любой объективно преодолимой внутриправовой коллизии. Это максимы *lex superior*, *lex specialis*, *lex posterior*. Выдвигаемые же учёными иные критерии либо могут быть редуцированы к вышеназванным (например, компетенционный – к иерархическому) [10] или к их совокупности (к примеру, гуманистический) [11, р. 2071–2074], либо являются внутренне противоречивыми (например, критерий специальной предназначенности акта для регулирования определённой сферы (так называемой отраслевой)). Схематично прескриптивная таксономия коллизий норм права приведена на рис. 1.

Сравнительное исследование «веса» иерархического, содержательного и темпорального критериев

Для определения «формулы веса» каждого из критериев преодоления коллизий и их последующего сравнения между собой необходимо обратиться к попарному сопоставлению указанных параметров.

Lex posterior vs lex specialis

Хотя исторически критерии специальности и хронологии длительное время рассматривались как равнозначные, а приоритет одного над другим очень часто не имел никакого основания, кроме политико-правового [8], всё же в современных правовых порядках можно с уверенностью констатировать превосходство содержательного критерия над темпоральным при соблюдении условия о разумной давности принятия более ранней специальной нормы. Здесь же уместно будет вспомнить, что приоритет *lex posterior* над *lex specialis* обосновывался в доктрине (средневековой и Нового времени) идеями прогресса и консолидации политической нации, выраженными в общих законах, установленных суверенной властью, но со временем указанная функция перешла от темпораль-

ного критерия к иерархическому, что значительно снизило «вес» хронологического параметра.

Значимый аргумент в пользу *lex specialis* коренится в различной природе темпоральной и содержательной коллизий правовых норм. В современных правовых порядках максима *lex posterior* применяется для преодоления конкретных антиномий в позитивном праве, вызванных, как правило, низким уровнем правотворческой культуры законодателя, который по небрежности, забывчивости, простодушию и т.п. не отменяет ранее принятые по тому же вопросу нормы. Природа содержательной коллизии норм иная: в современных условиях её создание, по сути, представляет собой особое средство законодательной технологии, поскольку специальная норма более точно и детально регулирует общественные отношения. Кроме того, с позиций фундаментального требования правовой определённости законодатель, создавая новую общую норму, должен явно и недвусмысленно выразить свою волю относительно изъятий из действий этой нормы, отменив явным образом ранее принятые по тому же вопросу специальные правила.

Lex posterior vs lex superior

Сопоставление иерархического и темпорального критериев интересно в том плане, что исторически максима *lex posterior* является в некотором роде предшественником максимы *lex superior*. В этом контексте вплоть до XIX в. основным вопросом преодоления сложных коллизий был вопрос о первенстве новой общей нормы над старой специальной. Лишь становление централизованных правовых порядков суверенных государств, претендующих на монополию на принуждение в обществе и на главенство позитивного права в системе социальных норм, ознаменовало победу *lex posterior* (в старом, расширенном смысле) над *lex specialis* с последующим обо-

срлением максимы *lex superior*, которое было объективно связано с тем, что в сложноорганизованном государстве, претендующем на действенную регуляцию общественных отношений, с необходимостью происходит дифференциация уровней правового регулирования, в целом сопоставимая с установленной иерархией властей [8]. Таким образом, в современных правовых порядках максима *lex superior* обладает безусловным приоритетом по сравнению с *lex posterior*.

Lex specialis vs lex superior

Логика современного правового регулирования предполагает, что критерий иерархии при совпадении коллизий вытесняет критерий специальности: при столкновении общих и специальных норм, изложенных в актах, которые имеют разную юридическую силу, безусловное предпочтение должно отдаваться норме с высшей юридической силой [12, с. 69–70]. Такое соотношение *lex superior* и *lex specialis* обусловлено характерной для большинства современных развитых правовых порядков иерархичностью строения системы источников права, во многом отражающей идею единства и разделения государственной власти.

Вместе с тем, решая вопрос о соотношении иерархического и содержательного параметров преодоления коллизий, нельзя забывать о сложных случаях репликации иерархии норм и оценивать, насколько была допустима перекалфикация конфликта общей и специальной нормы в иерархический, например, в ситуациях предметной иерархии нормативных правовых актов (далее – НПА) [13, с. 58–95; 14–16].

Итоговое ранжирование коллизионных максим

Таким образом, в условиях иерархически организованного современного правового порядка существует иерархия коллизионных максим: на первом месте нахо-

дится максима *lex superior*, на втором — *lex specialis*, на последнем — *lex posterior*. Однако в правопорядках, в которых иерархическое начало выражено не столь явно (например, международное публичное право), указанная иерархия коллизионных максим не прослеживается с такой степенью ясности.

Указанные закономерности правового регулирования могут быть положены в основу текста статьи закона о НПА, содержание которой предлагается изложить следующим образом:

- (1) В случае коллизии норм права, содержащихся в НПА различной юридической силы независимо от времени их принятия, применению подлежит норма права, содержащаяся в НПА большей юридической силой, за исключением случаев, когда в НПА большей юридической силы предусмотрено приоритетное применение специальных норм, содержащихся в НПА меньшей юридической силы.
- (2) В случае коллизии общих и специальных норм права, содержащихся в одном НПА либо в нескольких НПА равной юридической силы независимо от времени их принятия, применению подлежит специальная норма права.
- (3) В случае коллизии принятых в разное время норм права, содержащихся в НПА одинаковой юридической силы, не соотносимых между собой как общая и специальная, подлежит применению позднее принятая норма права.
- (4) В случае коллизии ранее принятой специальной нормы права и позднее принятой общей нормы права, содержащихся в НПА одинаковой юридической силы, подлежит применению ранее принятая специальная норма права.

При этом смысловое пересечение установлений (2) и (4) проводится осознанно, поскольку обе указанные формулировки направлены на конкретизацию (но под разными ракурсами) идеи приоритета старой специальной нормы над новой общей.

Стратегии преодоления сложных коллизий норм права

Для решения сложной коллизии норм права могут быть использованы различные стратегии преодоления коллизий норм права, в частности:

- (А) стратегия игнорирования коллизионного вопроса;
- (В) стратегия «примирения» конфликтующих норм путём их толкования;
- (С) стратегия принятия решения на основе выбора одной нормы (и игнорирования другой) [17].

Последняя стратегия наиболее эффективна в двух следующих случаях:

- ♦ у правоприменителя, сталкивающегося с совпадением коллизий, отсутствуют или минимальны дискреционные полномочия;
- ♦ у правоприменителя, обладающего дискреционными полномочиями при принятии решения, отсутствует ярко выраженное ценностно-негативное отношение к результатам решения коллизионной ситуации в случае совпадения коллизий.

Во всех других ситуациях значение стратегий А и В увеличивается в силу возрастания правовой неопределённости, связанной с конфликтом коллизионных норм и (или) общих принципов преодоления коллизий норм права. При этом в целом стратегия А представляется менее эффективной по сравнению с В.

Модель алгоритма преодоления сложных коллизий правовых норм

Изложенное позволяет сформулировать модель алгоритма деятельности правоприменителя, сталкивающегося со сложными коллизиями норм права, в рамках которой довольно чётко выделяются два этапа.

На первом этапе происходит опознание правоприменителем ситуации совпадения коллизий (рис. 2).

На втором этапе развития коллизионной ситуации правоприменитель, установив признаки сложной коллизии норм права (совпадения коллизий), должен

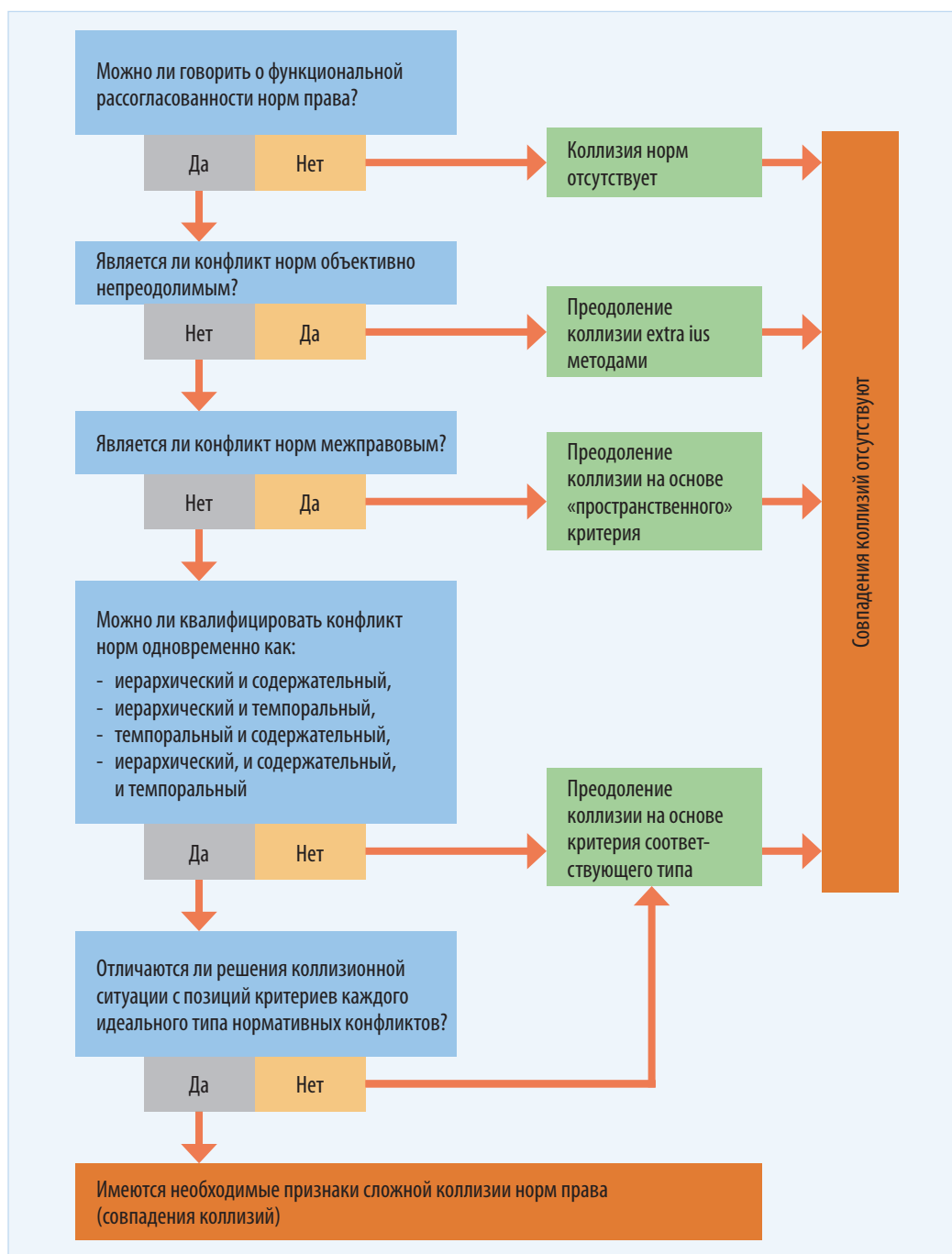

Рис. 2. Опознание правоприменителем ситуации совпадения коллизий (наличия сложной коллизии норм права)

определился с наиболее оптимальной стратегией разрешения коллизионной ситуации (рис. 3).

Следует заметить, что сопоставление типов коллизии и соответствующих правил её преодоления между собой в рамках предлагаемой модели алгоритма осуществляется на основе иерархии коллизионных критериев: (1) *lex superior*, (2) *lex*

specialis, (3) *lex posterior*. Так, при квалификации коллизии как иерархической следует преодолевать её на основе иерархического критерия и при необходимости связанных с ним (конкретизирующих его) коллизионных норм. При этом следует проверять, не предусматриваются ли *ad hoc* основания неприменения максимы *lex superior* на основании изъ-

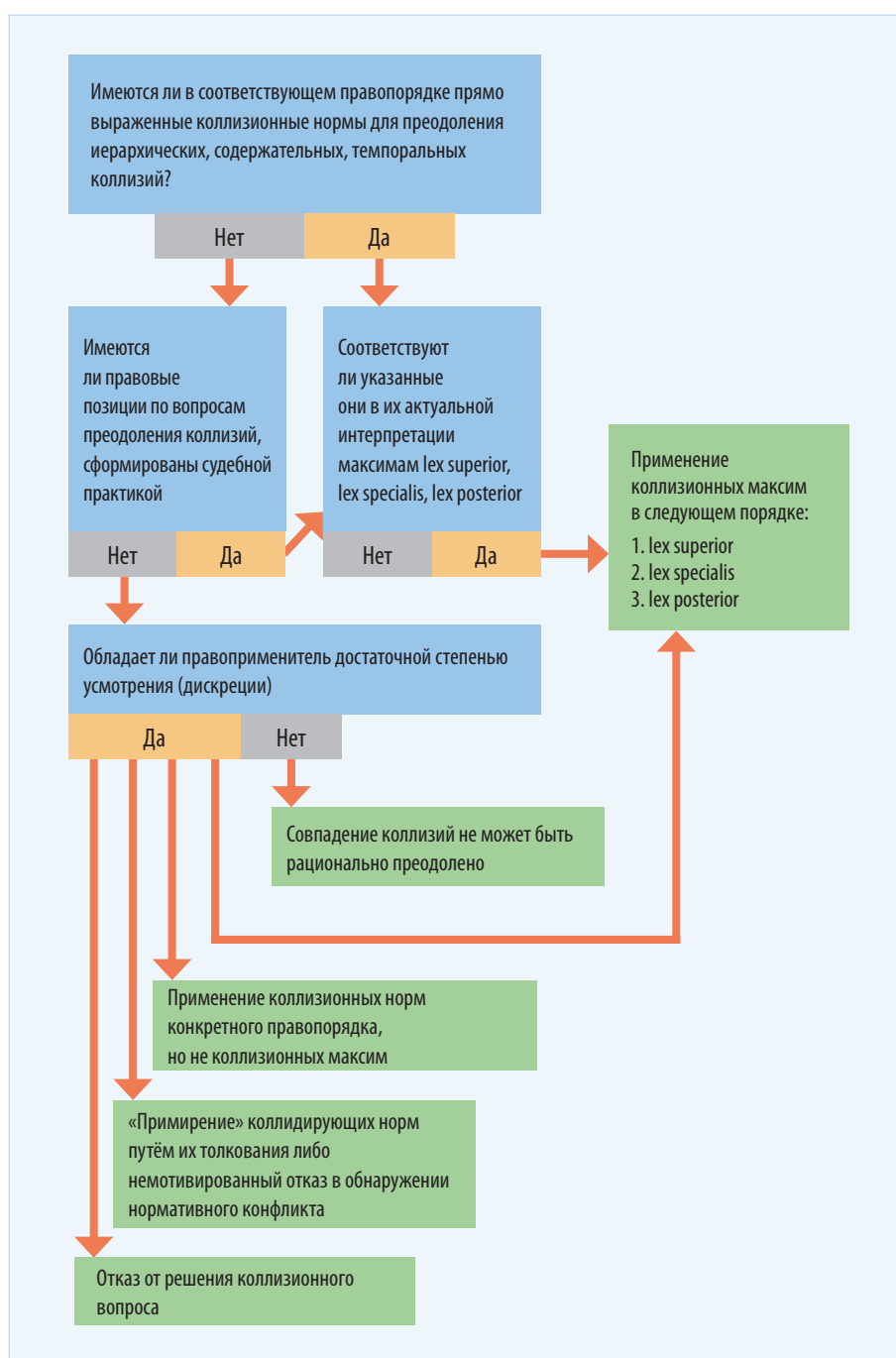

Рис. 3. Выбор стратегии преодоления сложной коллизии норм права и разрешения коллизионной ситуации

ятий из её действия в пользу критерия *lex specialis* и (или) *lex posterior* на основе прямого волеизъявления законодателя. При невозможности квалификации коллизии как иерархической её следует преодолевать на основе содержательно-критерия и при необходимости связанных с ним (конкретизирующих его) коллизионных норм. При этом следует

проверять, не предусматриваются ли *ad hoc* основания неприменения максимы *lex specialis* на основании изъятий из её действия в пользу хронологического критерия на основе прямого волеизъявления законодателя.

Предложенная модель алгоритма преодоления сложных коллизий норм права, с одной стороны, позволяет реконстру-

ировать процесс обнаружения сложной коллизии правовых норм, а с другой — описывает и упорядочивает параметры, влияющие на поведение правоприменителей, сталкивающихся с совпадением коллизий. Продолжение исследования проб-

лематики совпадения коллизий предполагает содержательное наполнение и конкретизацию разработанной модели, в том числе с учётом новых эмпирических данных, полученных на основе анализа правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hill Н.Н. A functional taxonomy of normative conflict // Law and Philosophy. 1987. Vol. 6. № 2. P. 227–247.
2. Петров А.А. Понимание коллизий в праве: связь концептуального и аксиологического аспектов // Вестник Томского государственного университета: Право. 2019. № 31 (1). С. 33–41.
3. Петров А.А. Влияние типа правового регулирования на существование коллизии норм права // Там же. № 1. С. 37–43.
4. Gonzalez С.Е. The Logic of Legal Conflict: The Perplexing Combination of Formalism and Anti-Formalism in Adjudication of Conflicting Legal Norms // Oregon Law Review. 2001. Vol. 80. №. 2. P. 454–585.
5. Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция. М.: Юрлитинформ, 2019.
6. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1984.
7. Власенко Н.А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–18.
8. Halpérin J.-L. Lex posterior derogat priori, lex specialis derogat generali Jalons pour une histoire des conflits de normes centrée sur ces deux solutions concurrentes // Legal History Review. 2012. № 3–4 (80). P. 353–397.
9. Jeutner V. Irresolvable norm conflicts in international law: the concept of a legal dilemma. Oxford: Oxford University Press, 2017.
10. Петров А.А. Иерархические коллизии и коллизии компетенции: вопросы соотношения // Евразийский юридический журнал. 2018. № 11 (126). С. 64–65.
11. Petrov А.А. Lex posterior and lex specialis legal maxims in Russian criminal law // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Т. 12. № 11. P. 2058–2078.
12. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование: Учебно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2016.
13. Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / Отв. ред. Р.О. Халфина. М.: Наука, 1987.
14. Петров А.А., Шафиров В.М. Предметная иерархия нормативных правовых актов. М.: Проспект, 2014.
15. Курбатов А.Я. Разрешение коллизий с участием норм Гражданского кодекса Российской Федерации: старые и новые проблемы // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 36–44.
16. Петров А.А. Вопросы преодоления коллизий норм кодексов, устанавливающих собственный приоритет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 4–23.
17. Петров А.А. Стратегии преодоления коллизий в праве: понятие, виды, эффективность // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 262–264.

ENGLISH

Algorithms to Address Complex Collisions of Law

Aleksandr Aleksandrovich Petrov – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Law School of the Siberian Federal University, head of the project “Algorithms to Address Collisions of Law in Case of Their Coincidence” (18-011-00583).

E-mail: sfu-pravo@yandex.ru, aapetrov@sfu-kras.ru

The paper describes the conceptual algorithm model to address complex collisions of law (conflicts of law) that arise due to coincidence of collisions. Based on the functional interpretation of the conflicts of law, the author describes a three-level taxonomy of such conflicts in terms of the prescriptive criterion: at the first level, the conflicts of law are divided into objectively solvable and objectively unsolvable (absolute) ones. At the second level, the objectively solvable conflicts of law are subdivided into inter-legal (spatial) and intra-legal ones. The latter, in their turn, are subdivided into hierarchical, conceptual and temporal conflicts of law. However, the coincidence of law conflicts may only occur between intra-legal collisions.

The author demonstrates the interrelation between the universal and specific historical aspects to determine the criteria for selecting the applicable law in case of various conflicts of law. It is noted that in the context of the modern hierarchically organized legal system there is a hierarchy of collision maxims: first – *lex superior*, second – *lex specialis*, and third – *lex posterior*. The paper provides a model of the scientifically grounded algorithm for addressing conflicts of law in a situation of their coincidence, taking into account various strategies.

Keywords: complex collisions of law, coincidence of legal collisions, strategies to address collisions, conflicts of law, general principles of law, *lex superior*, *lex specialis*, *lex posterior*

REFERENCES

1. Hill H.H. A functional taxonomy of normative conflict // *Law and Philosophy*. 1987. Vol. 6. № 2. P. 227–247.
2. Petrov A.A. Ponimanie kollizii v prave: svyaz' kontseptual'nogo i aksiologicheskogo aspektov // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Pravo*. 2019. № 31 (1). S. 33–41 (in Russian).
3. Petrov A.A. Vliyanie tipa pravovogo regulirovaniya na sushchestvovanie kollizii norm prava // *Tam zhe*. № 1. S. 37–43 (in Russian).
4. Gonzalez C.E. The Logic of Legal Conflict: The Perplexing Combination of Formalism and Anti-Formalism in Adjudication of Conflicting Legal Norms // *Oregon Law Review*. 2001. Vol. 80. №. 2. P. 454–585.
5. Gambaryan A.S., Dallakyan L.G. *Kollizionnye normy i ikh konkurentsia*. M.: Yurlitinform, 2019 (in Russian).
6. Vlasenko N.A. *Kollizionnye normy v sovetskom prave*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta. 1984 (in Russian).
7. Vlasenko N.A. *Kollizionnoe pravo Rossii: sostoyanie i perspektivy* // *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2017. № 6. S. 5–18 (in Russian).
8. Halpérin J.-L. *Lex posterior derogat priori, lex specialis derogat generali* Jalons pour une histoire des conflits de normes centrée sur ces deux solutions concurrentes // *Legal History Review*. 2012. № 3–4 (80). P. 353–397.

9. Jeutner V. Irresolvable norm conflicts in international law: the concept of a legal dilemma. Oxford: Oxford University Press, 2017.
10. Petrov A.A. Ierarkhicheskie kollizii i kollizii kompetentsii: voprosy sootnosheniya // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2018. № 11 (126). S. 64–65 (in Russian).
11. Petrov A.A. Lex posterior and lex specialis legal maxims in Russian criminal law // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. T. 12. № 11. P. 2058–2078.
12. Vasev I.N. Kollizionnoe pravovoe regulirovanie: Uchebno-prakticheskoe posobie. M.: Yurlit-inform, 2016 (in Russian).
13. Polenina S.V., Sil'chenko N.V. Nauchnye osnovy tipologii normativno-pravovykh aktov v SSSR / Otv. red. R.O. Khalfina. M.: Nauka, 1987 (in Russian).
14. Petrov A.A., Shafirov V.M. Predmetnaya ierarkhiya normativnykh pravovykh aktov. M.: Prospekt, 2014 (in Russian).
15. Kurbatov A.Ya. Razreshenie kollizii s uchastiem norm Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: starye i novye problemy // Zhurnal rossiiskogo prava. 2018. № 10. S. 36–44 (in Russian).
16. Petrov A.A. Voprosy preodoleniya kollizii norm kodeksov, ustanavlivayushchikh sobstvennyi prioritet // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2019. T. 10. № 1. S. 4–23 (in Russian).
17. Petrov A.A. Strategii preodoleniya kollizii v prave: ponyatie, vidy, effektivnost' // Yuridicheskaya tekhnika. 2017. № 11. S. 262–264 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 070

Код ГРНТИ 19.41.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-87-103

Н.В. ЖИЛЯКОВА, В.А. ЕСИПОВА, В.В. ШЕВЦОВ, М.В. МОГИЛАТОВА*

Цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)

В статье рассматриваются особенности цензурного надзора за журналистикой Томской губернии в XIX – начале XX в., выявленные в результате изучения цензурных дел, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Томской области (ГАТО). Обоснована актуальность исследования, представлен краткий обзор работ предшественников и источников, раскрыты этапы проведения исследования. Сделаны основные выводы по проведённому исследованию.

К особенностям цензуры журналистики Томской губернии, которая выступает в данном исследовании как модель системы провинциальной периодической печати, можно отнести, во-первых, её «отставание» от столичных цензурных процессов. Чиновники, осуществлявшие цензурный надзор в провинции, не обладали высокой квалификацией, поэтому были или неоправданно строги, или излишне либераль-

* **Жилякова Наталия Вениаминовна** — доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ), руководитель проекта «“Секретно. Конфиденциально”»: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)» (19-012-00352а).

E-mail: gretama@yandex.ru

Есипова Валерия Анатольевна — доктор исторических наук, заведующая сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки НИ ТГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: esipova_val@mail.ru

Шевцов Вячеслав Вениаминович — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук НИ ТГУ, руководитель магистерской программы «Сибирские исследования», исполнитель того же проекта.

E-mail: totleben@yandex.ru

Могилатова Мария Викторовна — аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета НИ ТГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: newspaper_2401@mail.ru

ны. Архивные дела полны свидетельств о постоянных разбирательствах редакторов с цензорами, жалоб на организации цензуры, которые рассматривало Главное управление по делам печати. Положение улучшилось с введением в Томске должности отдельного цензора: благодаря его деятельности упорядочилась работа с редакциями, в отчётах появились ценные данные о тиражах, о сотрудниках томских изданий.

Во-вторых, в цензурных делах, касающихся журналистики Томской губернии, отразилась идея томского областничества, пронизывающая духовное пространство дореволюционной Сибири. Это делает исследование архивных дел важным этапом для восстановления полной картины развития сибирского общества и журналистики.

Ключевые слова: цензура, периодическая печать, Сибирь, журналистика, архивы, Главное управление по делам печати

Цензура как форма контроля государства за содержанием и распространением информации, а также система учреждений, осуществлявших этот контроль, возникла в России практически в тот же момент, когда появилась печатная пресса. Первым цензором и редактором исследователи считают царя-реформатора Петра I, принимавшего участие в подготовке номеров первой российской печатной газеты «Ведомости» [1, с. 26]. С этого времени цензура стала неотъемлемой частью русской журналистики, но частью «тайной», скрываемой от внимания современников и исследователей. Не только читатели, но нередко и сами сотрудники, издатели и редакторы не знали о конфиденциальной переписке, которая сопровождала процессы создания, существования и прекращения издания, в котором они работали. Отдельные сюжеты и повороты в истории газет и журналов кажутся нелогичными и труднообъяснимыми без посвящения в скрытые от посторонних глаз наблюдения, мнения и решения цензурного ведомства и властных структур, осуществлявших надзор за печатью. Многие из того, что в итоге оказывалось доступным для читателей, проходило через многочисленные согласования и правки, поэтому первоначальный авторский замысел или редакторская концепция той или иной публикации часто иска-

жались, а чтобы понять, о чём идёт речь, приходилось читать «между строк».

Изучение цензурной истории журналистики позволяет воссоздать полную картину становления и развития системы периодических изданий дореволюционной России. Это особенно важно для заполнения «лакун» в истории провинциальной печати, системное исследование которой только начинается.

Методология и источники

Методология настоящего исследования основана на трудах российских историков журналистики Б.И. Есина, Г.В. Жиркова, Л.П. Громовой, Н.Г. Патрушевой, Е.И. Орловой, О.И. Лепилкиной [1–6] и может быть обозначена как комплексное историческое медиаисследование, включающее анализ архивных дел, сопоставление известных и новых фактов из истории журналистики, историческую реконструкцию, историко-типологический метод. Подходы к изучению материала частично были апробированы в рамках выполнения авторами диссертационных исследований и многолетних работ по изучению дореволюционной печати России и Сибири [7–10]. Исследование содержательной части газет и журналов при таком подходе сочетается с историко-типологическим методом, позволяющим изучать процесс формирования системы журналистики

Томской губернии на протяжении исследуемого периода, а также с методом комплексного изучения дореволюционного органа печати, основанным на исследовании структуры издания, руководящего и авторского состава, издательских особенностей, композиционно-графической модели. Так, в результате фронтального изучения номеров «Томского листка» обнаружился первый случай использования второго цвета в газете — в связи с основанием Томского технологического института имени Николая II в Томске (1896 г.) (рис. 1).

Источниками служат дела различных фондов Государственного архива Томской области (например, ГАТО. Ф. 3 – Томское губернское управление) и фонда Главного управления по делам печати Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 776). Они позволяют последовательно восстановить все этапы существования органа периодики, начиная от разрешения на его издание и заканчивая закрытием.

Наибольший интерес в этом отношении представляют объёмные дела, содержащие сведения о крупнейших газетах Томской губернии и Западной Сибири – «Томских губернских ведомостях»¹, «Сибирской газете» (рис. 2)², «Сибирском вестнике»³ и «Сибирской жизни»⁴. С их помощью можно подробно осветить историю существования этих органов, их роль в жизни города и губернии (по губернаторским и цензорским отчётам), вопросы взаимодействия цензурных ведомств и сибирских редакций, причины возникновения и способы разрешения конфликтных ситуаций между ними.

Обнаружены в РГИА и дела на 2–3 страницах, на которые до этого мало кто

обращал внимание, поскольку в них содержатся лишь ходатайства об открытии издания и отказы в этих просьбах. Как оказалось, таких несостоявшихся газет и журналов было множество. Например, «Пересмешник» и «Таёжная тропинка» в Новониколаевске⁵, «Молодые победы» в Барнауле⁶ могли стать первыми сатирическими, детскими, художественными изданиями в этих городах. Этот факт важен не только для расширения знаний о типологических поисках и экспериментах провинциальных издателей, он служит для дополнения общей картины развития общественной жизни и литературного процесса в Томской губернии [11].

При нахождении в архивных делах листов с цензурными правками было необходимо их сравнение с итоговым печатным вариантом, что определило обращение к корпусу текстов, опубликованных в «Томских губернских ведомостях», «Сибирской газете», «Сибирском вестнике», «Сибирской жизни» и в других изданиях. Это обращение к органам печати необходимо и в контекстуальном смысле для понимания тематики и специфики томской и другой сибирской периодики. Всего было просмотрено около 100 наименований газет и журналов, издававшихся с 1857 по 1917 г.

«Цензорский карандаш» в действии

Благодаря архивным делам возможно изучение цензурных правок текстов газетных статей, это представляет особую ценность, так как позволяет увидеть, что именно вычеркивали цензоры.

Так, например, в Государственном архиве Томской области сохранились подшивки «Томских губернских ведомостей» (рис. 3) за 1907 и 1908 гг. с подписями ре-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 37. 1882 г. 8 л.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 1964, 1965, 1887, 1889 и др.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. 1880 г. 271 л.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 3740. 337 л.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. 1885 г. Ч. I. 495 л. Ч. II. 319 л.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 3740. 337 л.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 1894 г. Ч. 1. 254 л.; Ч. 2. 209 л.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. 152 л.

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 28. 1910 г. 2 л.; Оп. 21. Ч. II. Д. 23. 1913 г. 2 л.

⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 4. 1910 г. 3 л.

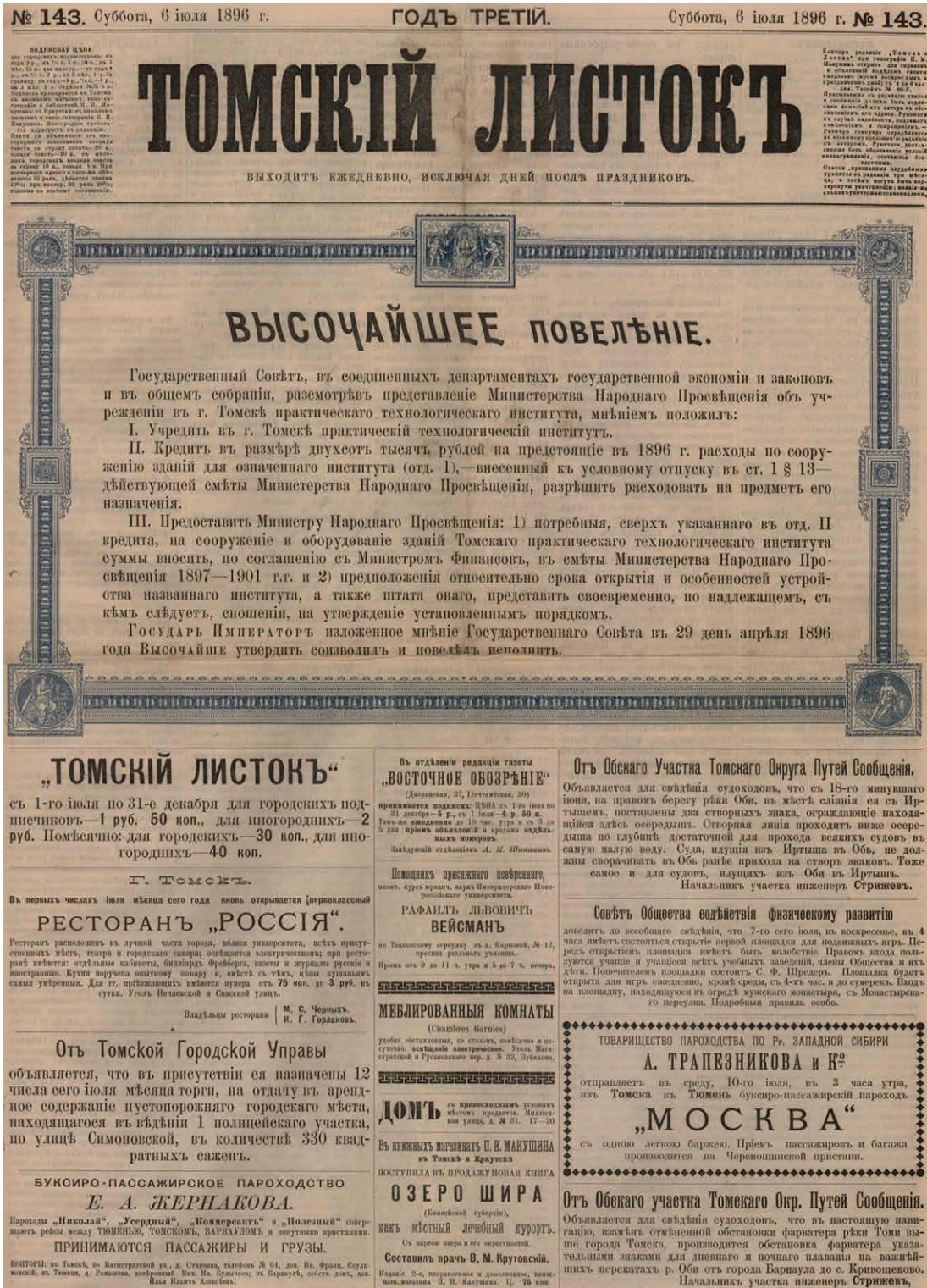

Рис. 1. Первая полоса «Томского листка» с использованием синей рамки — первый случай применения второго цвета в томской газете. 1896 г.

доктора-цензора В.Э.Мейера о допуске выпуска газеты и его правками (чернилами и синим карандашом) публикаций неофициальной части. Правки вносились на предоставляемом ему на просмотр

и подпись подготовленном типографском оттиске (номера 1907 г. были напечатаны на более плотной, чем у основного тиража, бумаге, на которой было легче оставлять пометы перьевой ручкой или

Рис. 2. Редакция «Сибирской газеты» в 1887 г. В центре — К.М. Станюкович

острым карандашом). Такой макет подготавливал начальник газетного стола, канцелярский служащий Н.Г. Гусельников, занимавший эту должность на протяжении 31 года, с № 11 от 13 марта 1886 г. до выхода последнего номера «Томских губернских ведомостей» — № 10 от 5 марта 1917 г.

При работе со статьями политического содержания В.Э. Мейер руководствовался не только правительственными и проправительственными направлениями в политической жизни страны, но и местными губернскими условиями. Вносимые им смысловые правки были призваны смягчить чрезмерно высокий градус и эмоциональный характер критики либеральных и революционных общественно-по-

литических сил со стороны правой печати, исключить упоминание ряда конкретных лиц и обвинений в их адрес, в целом ввести освещение общероссийских и местных событий в более спокойное (более информационное, чем публицистическое) русло.

Например, сглаживались ставшие привычными в период существования первых двух Дум антиеврейские инвективы. В.Э. Мейер сделал следующие правки в статье «Агония еврейского социализма»:

«Сколько кровавых переворотов совершилось уже в одной Европе ранее, чем христиане поняли, что их стравляют евреи только ради удовлетворения своей ненасытной жадности! <...> Ранее других очнулись от этого жидовского

Рис. 3. «Томские губернские ведомости». 1907 г. Титульный лист

внушения рабочие наиболее просвещённых стран – Англии, Америки и Германии <...> На последнем съезде в Штутгарте выяснилось, что рабочие и Австралии, и Японии точно так же относятся к жидовскому социализму Маркса <...> А когда предатель своей родины, француз Эрва, заявил, что в случае нападения на Францию он поднимет бунт

и встретит неприятеля с красными флагами, – ему пришлось услышать свистки и шиканье. Только наши дуболомы, которые идут на помочах евреев и своими мозгами не научились еще шевелить, были сторонниками предателя <...> Итак, национализм победил жидовский [заменено на еврейский] международный социализм <...> Уже и теперь

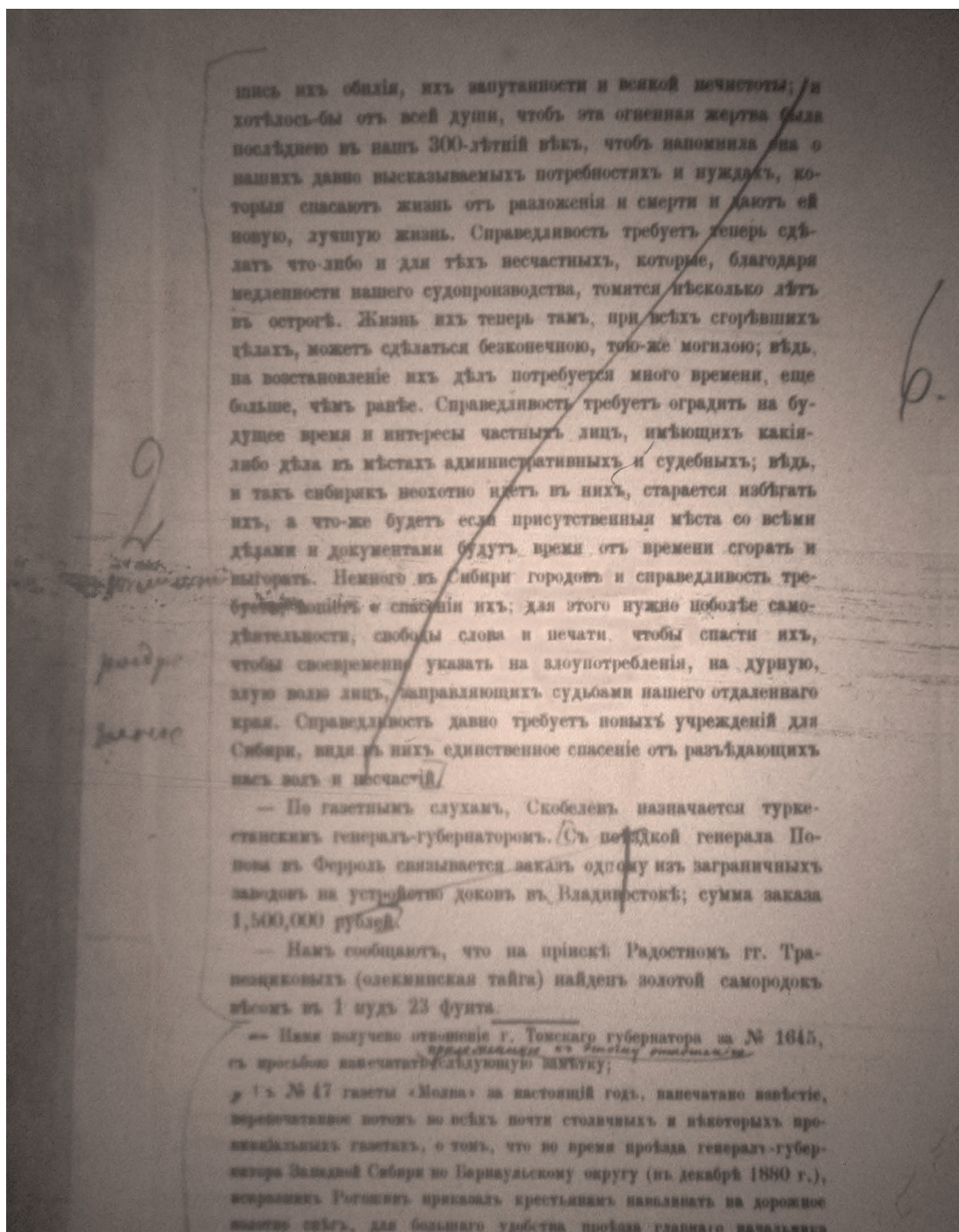

Рис. 4. Страница «Сибирской газеты» с цензурными правками (1881. № 11)

вполне выяснилось, что наши социал-демократы, особенно наиболее тупые [заменено на «неразвитые»] между ними — большевики, потеряли всякий авторитет в среде рабочих»¹ [12].

В архивных делах сохранились макеты и других газет с цензурскими правками:

«Сибирской газеты», «Сибирской жизни», «Сибирского вестника» и др. В частности, в РГИА находится № 11 «Сибирской газеты» за 1881 год с правками (рис. 4) и с пробелами на месте правок, запрещенный цензором М.А.Гиляровым и вызвавший конфликт такого масштаба, что

¹ ГАТО. Газетный фонд. Томские губернские ведомости. 1907. № 79. 17 окт.

потребовалось вмешательство Главного управления по делам печати.

Один из сотрудников издания описывал вмешательство цензора следующим образом:

«Гилярову не понравился циркуляр нового министра внутренних дел графа Игнатьева; из телеграфного изложения этого циркуляра были вычеркнуты слова о том, что “правительство предоставит надлежащие свободы” общественным силам участвовать в искоренении крамолы; что “права дворянства, земства и городских сословий останутся неприкосновенными” и что “крестьяне получают возможное облегчение от тягостей, улучшение их общественного устройства и хозяйственного быта”. Далее из официального отчёта о судебном заседании по делу 1 марта, перепечатанного из “Правительственного вестника”, в показании подсудимого Желябова Гиляровым были вымараны слова: “Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был оставить эту деятельность по той причине, на которую указал подсудимый Кибальчич”. Описание казни осужденных, взятое из газеты “Порядок”, также было урезано. Выкинута, затем, целая статья об “инспекции народных училищ”, предлагавшая усилить влияние сельских обществ и училищных советов на народную школу за счет влияния казенных наблюдателей за народными училищами. Не ограничившись запрещением этой невиннейшей статьи, цензор написал на полях: “незавидный мечтатель”. В том же роде была масса и других помарок, с замечаниями на полях: “пустяки”, “вздор”, “ой ли?”, “темна вода”, “излишнее раздражение» и пр.» [13, с. 50–51].

В архивном деле отложились телеграммы из Томска и Петербурга, жалобы издателя и редактора на действия цензора, газетные номера с правками и над-

писями на полях и с пробелами на месте цензурных правок, объяснительная записка цензора, письма Главного управления по делам печати с объяснением его позиции и другие материалы¹, показывающие, что к конфликту привело разное понимание своих прав и обязанностей газетой и цензором [14].

Цензорский корпус сибирской периодики

Обращение к архивным делам позволяет восстановить цензорский корпус сибирской периодики, начиная с журналистики Томской губернии: несмотря на то, что на сегодняшний день в целом очерчен издательский, редакторский и авторский корпус региональных газет и журналов, сведения о так называемом цензорском корпусе, т.е. обо всех людях, осуществлявших цензуру изданий, до сих пор находятся в разрозненном состоянии. Так, обращение к цензорскому корпусу «Сибирской газеты» выявило, что за 8 лет её существования (с 1881 по 1888) газета находилась под надзором шестерых человек. Её цензуру осуществляли:

1881–1882: А.И. Дмитриев-Мамонов, вице-губернатор; В.И. Мерцалов, губернатор; М.А. Гиляров, управляющий Томской казённой палатой (рис. 5);

1883–1888: Н.Н. Петухов, председатель Томского губернского правления; А.Р. Николаев, советник Томского губернского правления;

1882–1888: цензор Главного управления по делам печати Д.С. Менагиос.

Все эти люди по-разному относились к своим обязанностям. М.А. Гиляров, по его собственному признанию, старался прессу «ущемить», губернаторы — склонить на свою сторону, вице-губернаторы относились к своим обязанностям довольно спокойно и не особенно вмешивались в издательский процесс. Благодаря тому, что цензоры не очень хорошо знали круг своих обязанностей, для «Си-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп.12. 1880 г. Д. 71. Л. 11–30.

бирской газеты» стала возможной собственной издательская деятельность: они не знали, что некоторые оттиски статей и материалов «Сибирской газеты» должны были проходить отдельную цензуру как книжные издания, и спокойно разрешали их публикацию. Так был издан фельетон Волховского «Ночь на новый год», рассказ В.Г.Короленко и целый ряд других брошюр книжного типа.

В целом местная цензура, с точки зрения Главного управления по делам печати, плохо справлялась со своими обязанностями в силу низкой компетентности чиновников-цензоров. Нарекания на пропуски в печать «вредных» статей усилились в начале XX в.: в архивном деле «Сибирской жизни» хранятся многочисленные листы с замечаниями чиновника Главного управления по делам печати С.Уманца, который прочитывал уже выпущенные номера газет. Именно поэтому высшее цензурное ведомство предприняло определённые усилия для того, чтобы ввести должность особого цензора. Как писал начальник Главного управления по делам печати, «неправильные действия цензующего местные издания, объясняемые его ошибочным взглядом на задачи цензуры, вынудили меня ускорить командирование в город Томск особого чиновника с правами цензора»¹. Таким чиновником стал А.Н.Пятов (рис. 6), выпускник юридического факультета Московского университета, цензор Главного управления по делам печати. Обязанности отдельного цензора в Томске он исполнял до 1904 г., после этого был откомандирован в Московский цензурный комитет. Вместо него с 1905 г. отдельным томским цензором был назначен П.Т.Виноградов (рис. 7) — статский советник, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета; в 1912–1914 гг. он был инспектором по делам печати в Томске.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 1894 г. Ч. 1. Л. 111.

Рис. 5. Михаил Алексеевич Гиляров. Портрет, 1890-е годы. Из коллекции Томского областного краеведческого музея

Многочисленные конфликты местных цензоров и редакций томских газет, отложившиеся в виде документов в архивных делах, позволяют оценить степень вмешательства цензуры в содержательную часть периодической печати, а также выяснить, какими соображениями руководствовались сами цензоры, осуществляя свою деятельность. Для исследователей же ежегодные отчёты томских отдельных цензоров стали источником сведений о тиражах изданий, их характеристиках.

Узнавать имена, расшифровывать псевдонимы

Благодаря ведению цензурных дел современные исследователи могут восстановить не только историю появления замысла и первоначальную программу из-

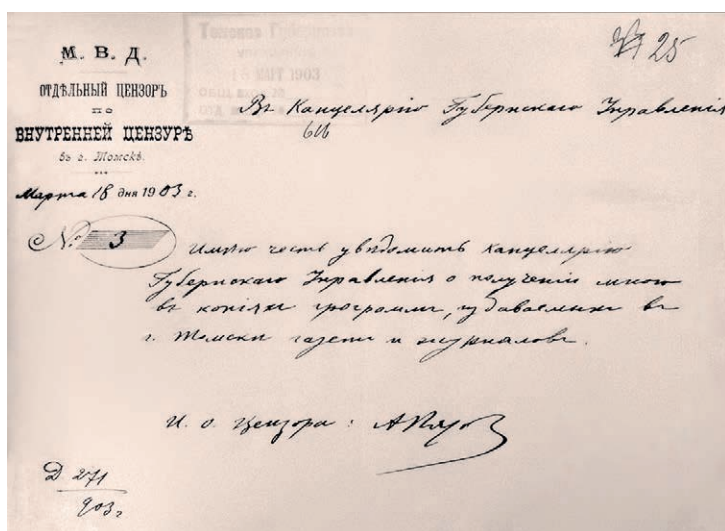

Рис. 6. Подпись А.Н. Пятова. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 577. Л. 25

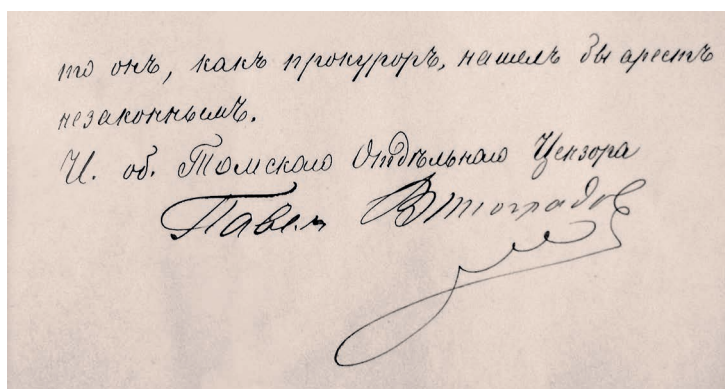

Рис. 7. Подпись П.Т. Виноградова. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 458. Л. 79

дания, но и узнать фамилии, имена и отчества предполагаемых издателей, редакторов, а в отдельных случаях – и авторов издания.

В качестве примера приведём дело «По изданию в городе Томске газеты «Томский вечерний листок»»¹. В нём содержится один лист – заявление об основании новой газеты в Томске:

«Уведомляю Главное управление по делам печати, что по свидетельству, выданному 17 сего марта № 1738, проживающему в Томске сыну чиновника Михаилу Степанову Попову, разрешено, под ответственным его, Попова, редак-

тированием, издание в г. Томске еженедельной общественно-литературной газеты под названием «Томский вечерний листок», по следующей программе: 1) Хроника местной жизни; 2) Фельетон: рассказы, стихотворения; 3) Маленький злободневный фельетон; 4) Судебная хроника; 5) Театр; 6) Библиографический листок; 7) Справочник и 8) Объявления. Номера газеты будут иллюстрироваться рисунками и карикатурами и выходить по понедельникам (между 3–4 часами пополудни). Годовая цена газеты – для городских подписчиков, без доставки, 4 р., на ½ года – 2 р. 50 коп, для иногородних подписчиков, с пересылкой 5 р. и на ½ года 3 рубля. Печататься газета будет в типографии П.И.Макушина в городе Томске»².

«Томский вечерний листок» оказался очень недолговечным изданием: после выпуска трёх номеров его издатель, М.С.Попов, преобразовал газету «по личным соображениям» в «летучий сатирический листок» «Ёрш» (рис. 8)³. Благодаря цензурным делам мы имеем возможность узнать, какой была полная программа газеты (она не была целиком реализована в сохранившихся номерах), получить сведения о социальном статусе издателя, узнать его имя и отчество, а также выяснить причины прекращения «Томского вечернего листка»: он был преобразован в другой орган печати.

Ценный документ также хранится в делах РГИА и ГАТО, посвящённых «Сибирской жизни» (рис. 9): это список сотрудников газеты и их характеристика под названием «Справка» (под грифом «се-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1906 г. Д. 145.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1906 г. Д. 145. 1 л.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 188, 194.

Рис. 8. Томский сатирический журнал «Ёрш» (заголовочный комплекс). 1906 г.

кретно»)¹. Список и справка были составлены в 1913 г. томским полицмейстером М. Шереметом, так как редакция не стала сообщать «подробные сведения о звании, имени, отчестве и месте жительства сотрудников», под предлогом того, что согласно действующим цензурным правилам «местной администрации сообщается лишь имя, отчество, фамилия и местожительство издателя и ответственного редактора»².

Однако губернатору и полиции хотелось большего — знать обо всех, кто сотрудничал с этой газетой. В списке М. Шеремет перечислил 59 сотрудников редакции, указав их местожительство и дав им характеристику в «Справке». Благодаря этим сведениям раскрыты некоторые псевдонимы участников «Сибирской жизни», например, такие:

«Илимский Дм. — псевдоним, в действительности Забиранников, Матвей Прокофьевич, ссыльнопоселенец Коченгской

волости Киренского уезда Иркутский губернии, происходит из крестьян Харьковской губернии, Изюмского уезда и волости. Осуждён в 1908 году Харьковской судебной палатой по 102 ст. уголовного уложения в ссылку на поселение, за принадлежность к партии социалистов-революционеров. Адрес Забиранникова являлся передаточным для партийных сношений ликвидированной в 1912 году «Сибирской автономной группы» партии социалистов-революционеров»³.

«Митрич — псевдоним, в действительности Каплин Тимофей Васильевич, Управлению известен некий Каплин, имя и отчество коего невыяснены, который, проживая в г. Омске в 1910–11 годах, входил в состав Омской группы партии социалистов-революционеров и организовывал сбор денег в пользу ссыльных Архангельской губернии. Относятся ли изложенные сведения к Тимофею Васильевичу Каплину — выяс-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1894. Д. 26. Характеристика сотрудников газеты. Ч. II, л. 160–169; ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Список сотрудников газеты «Сибирская жизнь» (на 1913 год). Л. 151–152.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 150.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 155.

Рис. 9. Ведущая газета Сибири «Сибирская жизнь» издавалась в Томске в 1894–1919 гг.

нить пока возможности не представилось»¹ и т.д.

Характеристики сотрудников «Сибирской жизни» различались по объёму: самые развёрнутые были даны ведущим и

журналистам Александру Николаевичу Шишицыну, Григорию Николаевичу Потанину, Евгению Евгеньевичу Колосову и ряду других. Но не менее ценными были сведения о малоизвестных авторах,

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 157.

Рис. 10. Журнал «Бич» (1906): номер, сохранившийся в Научной библиотеке ТГУ

таких как, например, выпускник Томского Императорского университета Пётр Михайлович Мультиановский, лаборант Томского технологического института Дмитрий Викторович Алексеев и др.

Детективные сюжеты

Поскольку исследование цензурных сюжетов прямо сопряжено с поиском малоисследованных либо не выявленных до сегодняшнего дня изданий, необходимо добавить, что эта работа нередко приобретала детективные оттенки. В большей степени это коснулось изданий двух типов: сатирических журналов Томска периода Первой русской

революции 1905–1907 гг. и журналов томских семинаристов. Дело в том, что многих из них нет в томских архивах и библиотеках: частично они сохранились только в столицах, не оцифрованы, и добраться до них довольно сложно. Так, например, в процессе изучения томской сатиры выяснилось, что один из журналов — «Бич» (1906) — был издан в количестве трёх номеров, однако в Научной библиотеке Томского государственного университета сохранился лишь один номер — № 2 (рис. 10). Обращение к ресурсам Интернета помогло выяснить, что все три номера есть в Российской национальной библиотеке

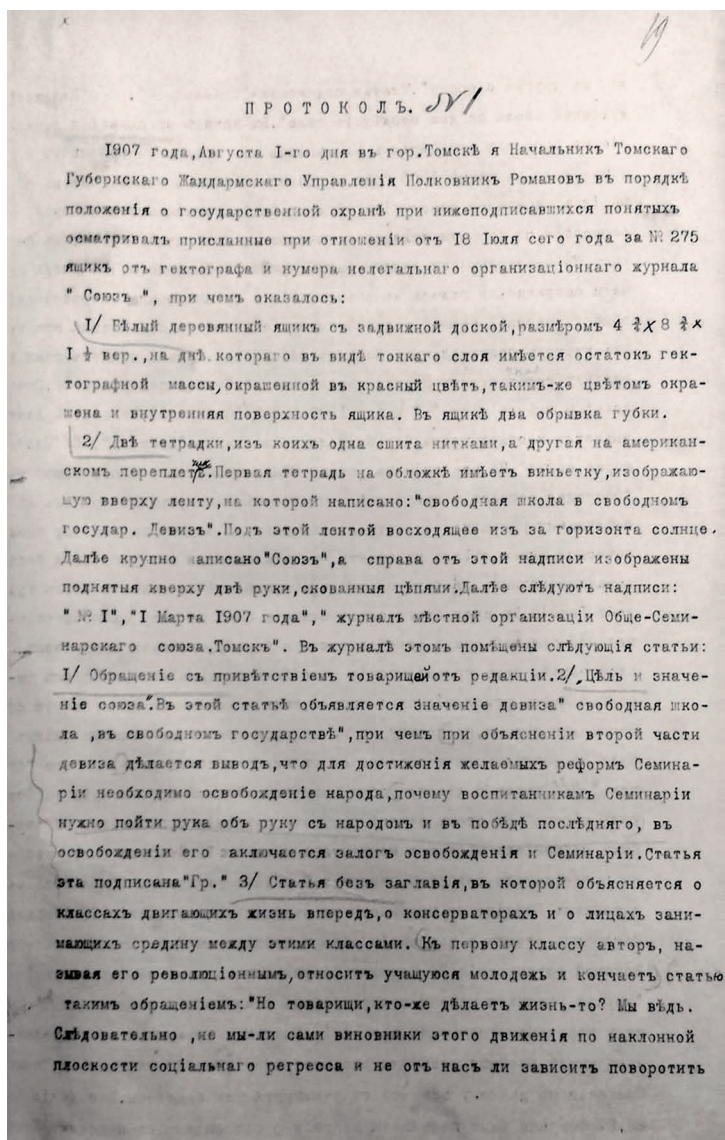

Рис. 11. Протокол осмотра гектографа и двух номеров журнала «Союз», выполненный 8 июля 1907 г. начальником Томского жандармского управления полковником С.А. Романовым. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 19

ке (Санкт-Петербург). Однако коллеги, к которым мы обратились с просьбой оцифровать журнал, сообщили, что эта подшивка утрачена.

К счастью, все три номера были в итоге обнаружены в отделе редких книг Российской государственной библиотеки (Москва), и в процессе командировки удалось познакомиться с выпусками этого журнала методом *de visu*.

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 11.

² ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181.

Ещё один детективный сюжет закрутился вокруг журналов томских семинаристов: было известно, что в 1906 г. они издавали рукописный журнал «Робкие голоса», расследование по делу которого привело к временному закрытию семинарии¹ [15, с. 221]. Кроме этого, в 1907 г. в томской семинарии действовал отдел все-российского общесеминарского союза, выпускавший гектографированный журнал «Союз» [15, с. 228]. Благодаря обращению к архивному делу² о преследовании семинаристов стало возможным восстановить историю «Союза» (рис. 11) [16]. К сожалению, поиски оригиналов этих журналов пока не дали результатов, как и поиск журнала «Ученическая заря»: он описан только по косвенным данным [17].

Поисковая работа в архивах позволила составить собственный «путеводитель по фондам» [18] с указанием дел, относящихся к осуществлённым и неосуществлённым газетным и журнальным проектам Томской губернии: теперь возможно сравнение этих дел, хранящихся в РГИА и ГАТО, без дополнительных «детективных» усилий.

Итак, проведённая работа привела к объединению данных по из-

даниям, их цензурной истории и реконструкции полной истории журналистики Томской губернии с учётом выявленных фактов её «секретной», цензурной части.

Подход, заключающийся в соединении истории «легальной» и истории «секретной» журналистики, которая содержалась в архивах, стал возможен, поскольку в целом история периодической печати Томска уже написана. Не так подро-

но проработана история дореволюционной печати в Ново-Николаевске, Барнауле, Бийске, хотя и здесь собраны данные, позволяющие «присоединять» к ним цензурные сведения. Также изучение цензуры, относящейся к журналистике Томской губернии, возможно благодаря накоплению значительного количества сведений о работе цензурного ведомства по всей России, что является большим подспорьем при сопоставлении процес-

сов, относящихся к журналистике других российских регионов.

В заключение отметим, что несмотря на все усилия, авторы не могут решительно сказать, что теперь история журналистики и цензуры в Томской губернии изучена полностью. Работа с архивными материалами – долгий и трудоёмкий процесс, который будет продолжен и несомненно приведёт к новым открытиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. Л.П. Громовой. СПб., 2013.
2. Есин Б.И. Очерки о настоящем и прошлом отечественной журналистики. М., 2007.
3. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
4. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013.
5. Орлова Е.И. Возможен ли литературный процесс без журналистики? // Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 246–248.
6. Лепилкина О.И., Станько А.И. Загадки русской журналистики XIX – начала XX века. Ставрополь, 2016.
7. Шевцов В.В., Жилякова Н.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск, 2015. Т. 1, 2.
8. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2016.
9. Жилякова Н.В. Рецепция русской классики в томской дореволюционной журналистике. М., 2015.
10. Есипова В.А., Шевцов В.В. Томские самодеятельные журналы в процессах культурной идентификации учащейся молодёжи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 147–160.
11. Жилякова Н.В. Типологическое разнообразие неосуществлённых изданий Томской губернии начала XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6. С. 62–74.
12. Шевцов В.В. Деятельность редактора-цензора в «Томских губернских ведомостях» в 1907–1908 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 177–184.
13. «Сибирская газета» в воспоминания современников / Сост. Н.В. Жилякова. Томск, 2004.
14. Жилякова Н.В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 256–270.
15. Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск, 2013.
16. Есипова В.А. Самодеятельные журналы томских семинаристов: история журнала «Союз» // Вестник НГУ. Журналистика. 2021 (в печати).
17. Есипова В.А. Ученический журнал «Семинарская заря»: опыт типологического анализа по косвенным данным // Вестник ТГУ. Филология. № 60. 2019. С. 234–246.

18. Журналистика Томска и Томской губернии в фондах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Томской области: справочные материалы / Авт.-сост.: Н.В. Жилиякова, В.А. Есипова, В.В. Шевцов, М.В. Могилатова. Томск: Издательство ТУСУР, 2021 (в печати).

ENGLISH

Censorial History of Provincial Journalism (on the Materials of Periodical Press of the Ante-revolutionary Tomsk Province)

Natalia Veniaminovna Zhilyakova – Doctor of Science (Philology), Head of the Department of Journalism Theory and Practice, Faculty of Journalism of the National Research Tomsk State University (TSU), head of the project – “Secret. Confidential: Censorial History of Provincial Journalism (on the Materials of Periodical Press of the Ante-revolutionary Tomsk Province)” (19-012-00352a).

E-mail: retama@yandex.ru

Valeria Anatolievna Esipova – Doctor of Science (History), head of the sector at the Department of Manuscripts and Book Monuments, Academic Library at TSU, executor of the same project.

E-mail: esipova_val@mail.ru

Vyacheslav Veniaminovich Shevtsov – Doctor of Science (History), Professor at the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, TSU, head of the “Siberian Studies” postgraduate program, executor of the same project.

E-mail: totleben@yandex.ru

Maria Viktorovna Mogilatova – postgraduate student at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, TSU, executor of the same project.

E-mail: newspaper_2401@mail.ru

The paper studies the specifics of censorship control over journalism in Tomsk province in the 19th–early 20th centuries revealed through studying censorship files of the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Tomsk Region. The authors substantiate the relevance of the study, present a brief overview of the previous writings and sources, disclose the study stages, and provide general conclusions on the study.

The specifics of journalistic censorship in Tomsk province, which serves as a provincial periodical press model in this study, include, first, its “lag” from the metropolitan censorship processes. The officials who exercised censorship in the provinces lacked high qualification; therefore, they were either unreasonably strict or overly liberal. The archive files contain evidence of constant disputes between editors and censors, as well as complaints regarding censorship procedures that were handled by the Chief Office of the Press. The situation improved with the appointment of a single censor in Tomsk. Thanks to his work, the process of cooperation with editorial boards was streamlined, and reports started to provide valuable details on circulation and the staff of Tomsk periodicals.

Second, the censorship cases with respect to journalism in Tomsk province revealed the idea of Tomsk provincialism, which permeated the cultural environment of ante-revolutionary Siberia. This makes the study of archive files an important step in restoring a complete picture of the development of Siberian society and journalism.

Keywords: censorship, periodical press, Siberia, journalism, archives, Chief Office of the Press

REFERENCES

1. Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII–XIX vekov / Pod red. L.P. Gromovoi. SPb., 2013 (in Russian).
2. Esin B.I. Ocherki o nastoyashchem i proshlom otechestvennoi zhurnalistiki. M., 2007 (in Russian).
3. Zhirkov G.V. Istoriya tsenzuri v Rossii XIX–XX vv. M., 2001 (in Russian).
4. Patrusheva N.G. Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka. SPb., 2013 (in Russian).
5. Orlova E.I. Vozmozhen li literaturnii protsess bez zhurnalistiki? // Zhurnalistika v 2017 godu: tvorchestvo, professiya, industriya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M., 2018. S. 246–248 (in Russian).
6. Lepilkina O.I., Stan'ko A.I. Zagadki russkoi zhurnalistiki XIX – nachala XX veka. Stavropol', 2016 (in Russian).
7. Shevtsov V.V., Zhilyakova N.V., Evdokimova E.V. Periodicheskaya pechat' Tomskoi gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya. Tomsk, 2015. T. 1, 2 (in Russian).
8. Shevtsov V.V. Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Tomsk, 2016 (in Russian).
9. Zhilyakova N.V. Retseptsiya russkoi klassiki v tomskoi dorevolyutsionnoi zhurnalistike. M., 2015 (in Russian).
10. Esipova V.A., Shevtsov V.V. Tomskie samodeyatel'nye zhurnaly v protsessakh kul'turnoi identifikatsii uchashcheisya molodezhi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2016. № 5 (43). S. 147–160 (in Russian).
11. Zhilyakova N.V. Tipologicheskoe raznoobrazie neosushchestvlennykh izdaniy Tomskoi gubernii nachala XX veka // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2019. T. 18. № 6. S. 62–74 (in Russian).
12. Shevtsov V.V. Deyatel'nost' redaktora-tsenzora v «Tomskikh gubernskikh vedomostyakh» v 1907–1908 gg. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 458. S. 177–184 (in Russian).
13. «Sibirskaya gazeta» v vospominaniya sovremennikov / Sost. N.V. Zhilyakova. Tomsk, 2004 (in Russian).
14. Zhilyakova N.V. Zloi tsenzor, dobrii tsenzor: spetsifika tsenzurovaniya pervoi chastnoi gazety v Tomske («Sibirskaya gazeta», 1881–1888 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2019. № 61. С. 256–270 (in Russian).
15. Zinov'ev V.P., Kharus' O.A. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Tomskoi gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. Khronika. Tomsk, 2013 (in Russian).
16. Esipova V.A. Samodeyatel'nye zhurnaly tomских seminaristov: istoriya zhurnala «Soyuz» // Vestnik NGU. Zhurnalistika. 2021 (v pechaty) (in Russian).
17. Esipova V.A. Uchenicheskii zhurnal «Seminarskaya zarya»: opyt tipologicheskogo analiza po kosvennym dannym // Vestnik TGU. Filologiya. № 60. 2019. S. 234–246 (in Russian).
18. Zhurnalistika Tomsk i Tomskoi gubernii v fondakh Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva i Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoi oblasti: spravochnye materialy / Avt.-sost.: N.V. Zhilyakova, V.A. Esipova, V.V. Shevtsov, M.V. Mogilatova. Tomsk: Izdatel'stvo TUSUR, 2021 (v pechaty) (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Индекс УДК 159.91, 159.9.07

Код ГРНТИ 15.21.35, 15.21.69

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-104-117

**В.Ф. ЕНГАЛЫЧЕВ,
Е.В. ЛЕОНОВА,
А.В. ХАВЫЛО***

Возможности использования интеллектуальных систем машинного зрения в судебной психологической экспертизе

Целью исследования являлись разработка и экспериментальная верификация экспертной методики бесконтактной психофизиологической диагностики эмоционально-психических состояний человека посредством измерения сложных паттернов микродвижений мимических мышц лица, находящихся вне контроля сознания, с использованием специализированного программного обеспечения, а также определение возможностей и ограничений использования этой методики при производстве судебных психологических экспертиз (СПЭ). Обоснована перспективность объективных методов оценки эмоционально-психических состояний человека посредством измерения поведенческих паттернов с использованием современных компьютерных технологий. Определены ключевые факторы эффективности исследовательских методик для СПЭ.

По результатам исследования выявлены как общие закономерности выделения паттернов, так и их индивидуальные особенности. Вместе с тем стабильно повторяющихся мимических паттернов, позволяющих дифференцировать исходные стимулы эмоциональных реакций, выявлено не было. Установлено, что существенным

* **Енгальчев Вали Фатехович** — доктор психологических наук, профессор Калужского государственного университета (КГУ) им. К.Э. Циолковского, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики, руководитель проекта «Психологическая оценка мимических индикаторов эмоционального состояния человека с использованием специализированного программного обеспечения при производстве судебно-психологической экспертизы» (18-013-01045).

E-mail: valiyen@gmail.com

Леорова Елена Васильевна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей и юридической психологии, исполнитель того же проекта.

E-mail: e.v.leonova@mail.ru

Хавыло Алексей Викторович — кандидат психологических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией КГУ им. К.Э. Циолковского, исполнитель того же проекта.

E-mail: khavylo@strider.ru

фактором, который может быть подвергнут оценке посредством анализа мимических индикаторов, является уровень когнитивной нагрузки, отражающий значимость ситуации для человека. С использованием метода машинного обучения разработана технология дихотомической классификации вопросов по степени субъективной когнитивной сложности на основании микродвижений лица человека в процессе ответа на каждый вопрос интервью.

Прогностическая модель явилась основой разработки пилотной версии экспертной исследовательской методики оценки субъективной когнитивной сложности вопросов интервью. Определены минимальные технические условия практического использования программного обеспечения «Системы психофизиологических исследований» для анализа видеоматериалов при производстве СПЭ, включающие формализованные требования к видеозаписи лица человека в процессе интервью; разработан алгоритм действий эксперта. Разработано нормативно-правовое обоснование внедрения новой экспертной исследовательской методики в практику экспертных исследований.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, экспертная исследовательская методика, невербальное поведение, психические состояния, распознавание лица, мимические микродвижения, мимика, система машинного зрения

Введение

Одной из актуальных проблем юридической психологии до сих пор остаётся выраженность субъективного фактора в деятельности эксперта-психолога. Особенно действие этого фактора проявляется при использовании такого малоформализованного метода судебной психологической экспертизы (СПЭ), как наблюдение за коммуникативным поведением человека в процессе его участия в процессуальных действиях. Здесь анализу и оценке подвергается как вербальный план поведения, так и невербальный, выраженный движениями лица и тела. Выводы экспертов при использовании этого метода зависят от их квалификации, опыта, наличия специальных компетенций и могут различаться, что негативно сказывается на доказательности заключения СПЭ. Для минимизации субъективного фактора во многих видах судебной экспертизы используются аппаратно-программные комплексы, позволяющие оцифровывать и автоматизировать рутинные действия по выделению и сравнению образцов, по их первичному анализу и оценке. В СПЭ до сих пор такие комплексы не использовались. И, соот-

ветственно, не были решены задачи психометрического обоснования экспертных выводов, полученных посредством применения таких комплексов.

Проблема обоснованности выводов при производстве судебных психологических экспертиз, когда подэкспертные сообщают информацию, достоверность которой невозможно проверить, усложняется ещё тем, что существует целый ряд причин и обстоятельств, когда изучаемый человек не может быть обследован с помощью традиционных психодиагностических методов [1–4] и в распоряжении эксперта (специалиста) имеются только результаты наблюдения, а иногда и беседы. В этой ситуации эксперт (специалист) может ответить на вопросы, касающиеся психологической оценки коммуникативного поведения изучаемого лица.

Коммуникативное поведение включает в себя множество сторон, но среди работ, имеющих отношение к тем или иным поведенческим проявлениям внутреннего мира человека, ведущее место занимает изучение мимических реакций человека как наиболее доступных для восприятия и оценки. По результатам теоретического

анализа отечественных и зарубежных публикаций по проблеме методов бесконтактной диагностики эмоционально-психического состояния человека [5], динамике его мимических реакций было установлено, что подавляющее большинство современных подходов к оценке эмоциональных состояний базируется на нейрокультурной модели эмоций Р. Екман [6].

Под бесконтактной (или дистанционной) психодиагностикой понимается система методов, методик, приёмов и технологий, позволяющая формировать психологический профиль или психологический портрет человека без непосредственного контакта с ним путём анализа его коммуникативного поведения и биографических данных [1-4, 7]. Модель Р. Екман используется как в зарубежных [8-11], так и в отечественных разработках [12]. В последнее десятилетие было проведено множество метааналитических исследований с целью изучения ситуации предоставления человеком недостоверной информации и возможностей обнаружения или верификации лжи [13-18].

Выводы большинства исследователей свидетельствуют, что, во-первых, поведенческие следы обмана являются достаточно слабыми; и, во-вторых, традиционные поведенческие показатели лжи не имеют достоверной статистической связи с реальными попытками человека обмануть собеседника [17]. Одной из причин отсутствия единообразных поведенческих индикаторов при сообщении недостоверной информации является различие подходов к трактовке невербального поведения во время лжи: 1) эмоциональный подход; 2) когнитивный подход (основанный на сложности содержания); 3) подход, связанный с контролем поведения.

Эмоциональный подход обосновывается тем, что осознанное сообщение недостоверной информации приводит к ощущению страха, чувству вины, эмоциональному напряжению. Когнитивный подход основан на предположении, что

ложь является сложной когнитивной задачей, при решении которой возможны индивидуально-обусловленные неосознаваемые двигательные реакции (паттерны). Трактовка невербального поведения в контексте третьего подхода учитывает, что лжецы, опасаясь проявления выдающих их эмоций, подавляют их.

Принципиальное различие указанных подходов объясняет различие результатов многочисленных исследований невербального поведения как метода обнаружения недостоверности сообщений в ходе коммуникации. Мы согласны с позицией В.А. Лабунской, что невербальное поведение, являясь внесознательным ответом организма человека на ситуацию, отражает во внешнем проявлении его психоэмоциональное состояние. Однако следует учитывать, что отдельные невербальные проявления могут быть и частью осознанной поведенческой стратегии человека, особенно в тех ситуациях, когда он знает или предполагает внешний контроль и наблюдение за ним.

Отсутствие единообразия как в эмоциональных реакциях различных людей на схожие ситуации, так и во внешнем выражении схожих эмоциональных состояний привело к тому, что разработанные к настоящему времени методы взаимно-однозначной детекции эмоциональных состояний по невербальным проявлениям в ходе коммуникации зачастую носят популярный характер, а для их внедрения в судебную экспертную практику необходимо психометрическое обоснование.

В практике производства СПЭ для определения участков конкретного коммуникативного действия, требующих пристального внимания эксперта (специалиста), используется принцип конгруэнтности – согласованности вербального и невербального компонентов общения. Отсутствие конгруэнтности является весомым психологическим признаком возможной недостоверности сообщаемой информации, в том числе предоставле-

ния её под принуждением. А наличие конгруэнтности – важный психологический признак её возможной достоверности или изложения информации без принуждения [19].

Научное обоснование методов объективного определения эпизодов повышения/снижения невербальной активности, как и эпизодов неконгруэнтности вербального/невербального поведения на фоне присутствующего подэкспертному общему фона невербальной составляющей коммуникации является исключительно важным для повышения точности экспертного вывода. При этом следует отметить два ключевых фактора эффективности разрабатываемых методов: (1) метод должен быть направлен на оценку неосознаваемых движений/микродвижений; (2) метод оценивает изменения невербальной активности подэкспертного, а не её абсолютные характеристики.

Цель настоящего исследования – разработка и экспериментальная верификация экспертной исследовательской методики (ЭИМ) бесконтактной (с использованием специализированного программного обеспечения) психофизиологической диагностики психических состояний человека посредством измерения сложных паттернов микродвижений мимических мышц лица, находящихся вне контроля сознания, а также определение возможностей и ограничений использования этой методики при производстве СПЭ.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели были выполнены два взаимодополняющих экспериментальных исследования.

Исследование 1 [20] было ориентировано на решение задачи определения общих и индивидуальных паттернов мимических реакций человека на различные стимулы. Предметом исследования являлись динамические характеристики находящихся вне контроля сознания микродвижений мимических мышц лица испытуемых в ходе экспериментально-

го воздействия, представляющего собой демонстрацию последовательности вербальных и невербальных стимулов (как нейтральных, так и эмоционально насыщенных). В исследовании приняли участие 19 респондентов (9 мужчин, 10 женщин в возрасте 19–22 лет). Очевидно, что в процессе исследования невозможно в полной мере повторить форму и содержание реального допроса. Поэтому осуществлялось контролируемое коммуникативное действие, моделирующее допрос по его основным коммуникативным характеристикам. Интервью было разбито на 4 блока: 1-й и 3-й блоки – вербальные, включали по 26 вопросов (как нейтральных, так и эмоционально насыщенных), на которые респонденты должны были дать ответы; 2-й и 4-й блоки – невербальные, каждый включал демонстрацию 10 изображений, вызывающих положительные и отрицательные эмоции, которые респонденту нужно было описать. Повторное предъявление блока изображений было необходимо для отслеживания изменения реакции на одинаковые стимулы. Каждый блок записывался в отдельный видеофайл, которые затем разделялись на фрагменты по числу заданий. Всего были сформированы 1378 видеофрагментов. Видеосъемка проходила только в дневное время при естественном освещении.

Для оцифровки микродвижений мимических мышц лица как в первом, так и во втором исследовании использовалась интеллектуальная система машинного зрения – пилотная версия программного обеспечения «Система психофизиологических исследований» (ПО СПФИ), разработанная на основе программного обеспечения «Системы поведенческого анализа “LieDetector” (Система оценки рисков)», рег. № 2017610442 (Даньшин, 2017). Полученный с помощью интеллектуальной системы машинного зрения массив данных по каждому видеофрагменту содержал информацию о микродвижениях лицевых мышц, за-

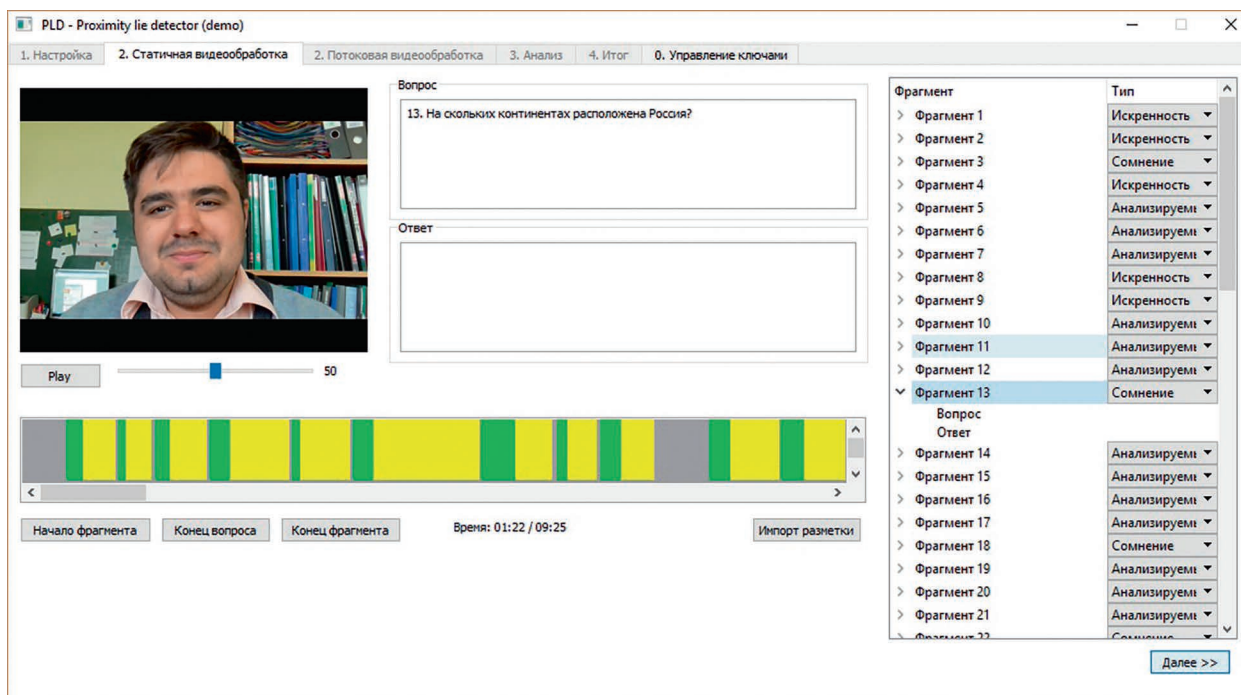

Рис. 1. Временная разметка видеофрагмента для проведения анализа

фиксированных согласно требованиям ГОСТ Р ИСО/МЭК 19794-5–2006.

Отдельной исследовательской задачей являлись разработка и апробация различных дизайнов многомерного анализа данных, по итогам решения которой в блок статистического анализа данных ПО СПФИ были внесены существенные изменения.

Предобработка и анализ данных производились с использованием языка статистических вычислений R version 3.5.0 (2018-04-23) «Joy in Playing» в интегрированной среде разработки (IDE) RStudio. На первом этапе был выполнен препроцессинг данных: осуществлялись временная разметка видеофрагментов, удаление невалидных наблюдений, преобразование данных к виду, удобному для анализа (рис. 1).

Показатели мимической активности были разделены на две группы: макродвижения: Yaw – Рысканье; Pitch – Тангаж; Roll – Крен и микродвижения – 29 показателей, отражающих сокращения всех фиксируемых в ходе анализа видеоизображения мышц лица. Дальнейший анализ результатов эксперимента проводил-

ся с учётом 29 показателей микродвижений мимических мышц.

Статистический анализ включал использование следующих методов: корреляционный анализ (непараметрический критерий Спирмена), факторный анализ (метод максимального правдоподобия и вращение oblimin), логистический регрессионный анализ.

Задача определения методов сравнительной оценки движения мимических мышц в контексте реакции на различные стимулы решалась в ходе Исследования 2 [21, 22]. Предметом исследования являлись динамические характеристики находящихся вне контроля сознания микродвижений мимических мышц лица испытуемых при ответе на вопросы различной сложности.

Эмпирический материал представлял собой серию видеофрагментов, которые были отобраны из массива видеоматериалов, подготовленных в ходе предварительной работы. В ходе эксперимента участникам задавались вопросы, на которые они должны были дать краткий ответ. Вопросы были сформулированы и отобраны таким образом, чтобы поло-

вина из них, согласно экспертной оценке, была когнитивно простой, а вторая половина — когнитивно сложной. Экспертную группу составили три человека, которые по возрасту и уровню образования соответствовали участникам эксперимента. Таким образом, изначально набор вопросов-стимулов был сбалансирован по степени когнитивной сложности. После проведения интервью участникам было предложено ретроспективно оценить когнитивную сложность и простоту задаваемых вопросов. В дальнейшем, полученные оценки субъективной когнитивной сложности вопросов были использованы для анализа данных.

Из всех апробированных в ходе исследования методов анализа наиболее надёжные и точные результаты были получены с использованием метода машинного обучения Random Forest («случайный лес») [23]. В основе метода Random Forest лежит алгоритм создания деревьев принятия решений (Decision Tree). Этот метод широко используется во многих научных дисциплинах для обработки больших массивов данных. При реализации этого метода создаётся множество деревьев решений, которые объединяются для получения более точного и стабильного предсказания (в нашем исследовании прогнозируемым признаком выступала когнитивная сложность вопросов).

Результаты

Проведённый анализ результатов, полученных в ходе Исследования 1, был направлен на выделение общих и индивидуальных паттернов мимических реакций человека на различные стимулы.

Корреляционный анализ активности выделенных мимических каналов выявил, что показатели имеют сильную линейную связь друг с другом. Это объясняется тем, что при мимической активности человека одновременно задействовано сразу множество мышц лица. С целью сокращения количества анализируемых переменных и устранения мультиколли-

неарности был выполнен факторный анализ методом максимального правдоподобия (MLE) с использованием вращения облимин (oblimin). Для стандартизации процедуры факторного анализа на основе метода VSS (Very Simple Structure) мы приняли решение о выделении четырёх-факторной структуры.

Результаты исследования свидетельствуют, что микродвижения лица человека в процессе интервью образуют паттерны, включающие определённые группы мышц. Выявлены как общие закономерности выделения паттернов, в том числе разделение лица на правую и левую половины (асинхронность на уровне лицевой симметрии), так и индивидуальные особенности: разделение правой и левой половины лица на зоны, образующие синхронный паттерн. Вместе с тем стабильно повторяющихся мимических паттернов, позволяющих дифференцировать исходные стимулы эмоциональных реакций, выявлено не было.

Результаты привели к выводу, что значимым фактором, который может быть подвергнут оценке посредством анализа мимических индикаторов, является когнитивная сложность вопроса интервью. Причины субъективной когнитивной сложности могут быть разные: необходимость что-то вспомнить и воспроизвести, сформулировать отношение, эмоциональная значимость, стремление «не раскрыть себя» и т.д. Во всех подобных случаях высокий уровень когнитивной нагрузки может отражать значимость ситуации для человека (что согласуется с когнитивным подходом О.Фрая).

Анализ данных, полученных в ходе Исследования 2, был направлен на изучение возможностей оценки субъективной когнитивной сложности вопросов по мимической активности человека в ходе восприятия вопроса, а также обдумывания и озвучивания ответа (рис. 2–3).

Критериями отбора видеофрагментов для анализа являлись высокое качество изображения и отсутствие длительных

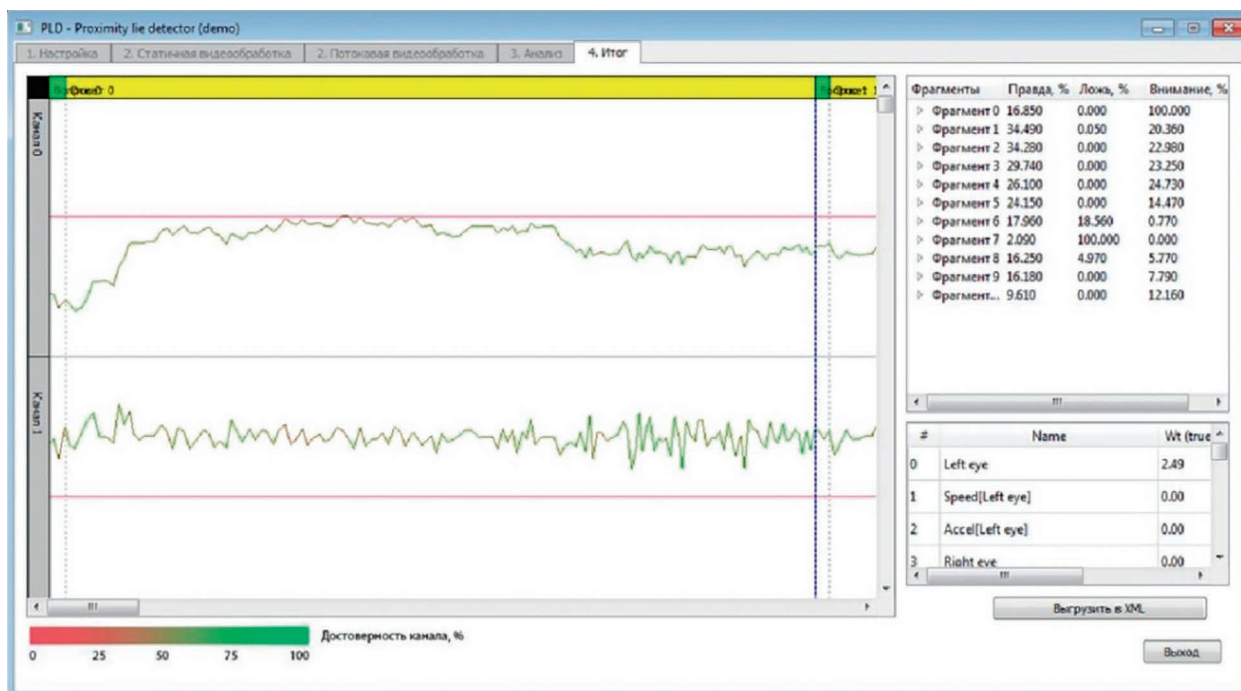

Рис. 2. Первичный визуальный анализ показателей мимической активности

пауз в ответах испытуемых. Для подготовки данных использовался алгоритм, разработанный авторами в 2018 г. [20].

Для построения модели машинного обучения с использованием алгоритма Random Forest были использованы следующие предикторы:

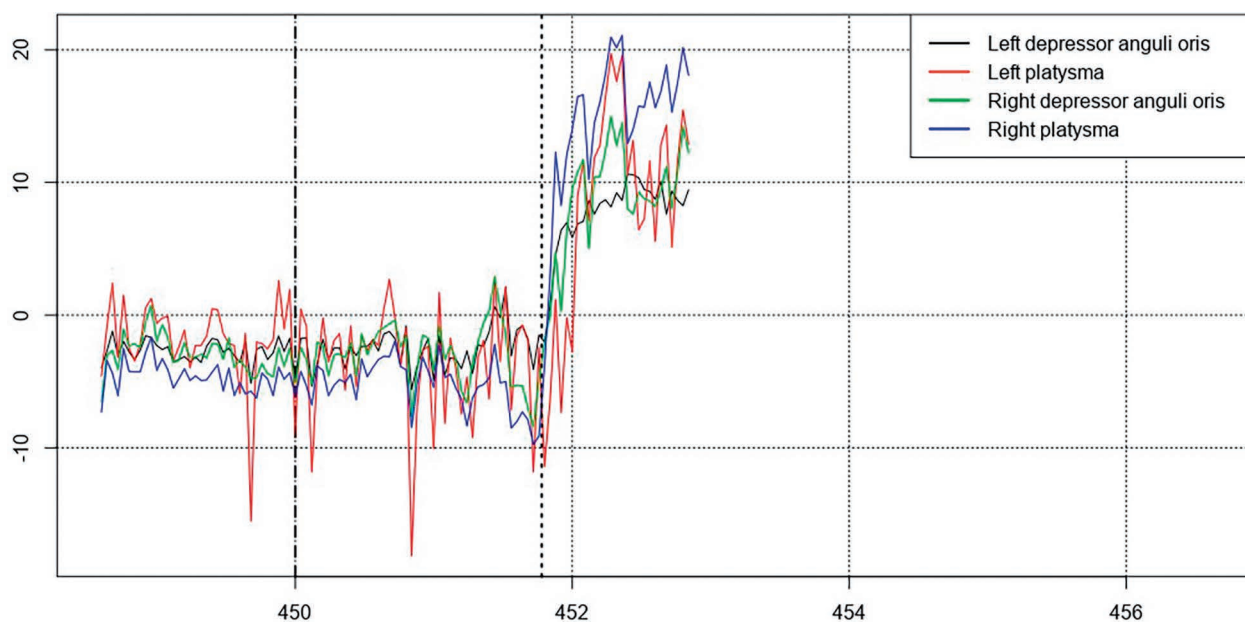
- ♦ время раздумья перед ответом;
- ♦ время ответа участника эксперимента;
- ♦ мера изменчивости динамики активности мышцы во время раздумья;
- ♦ мера изменчивости динамики активности мышцы во время ответа.

Оптимальные параметры модели были выбраны путём циклического перебора значений с тестированием на различных подвыборках из общего массива данных.

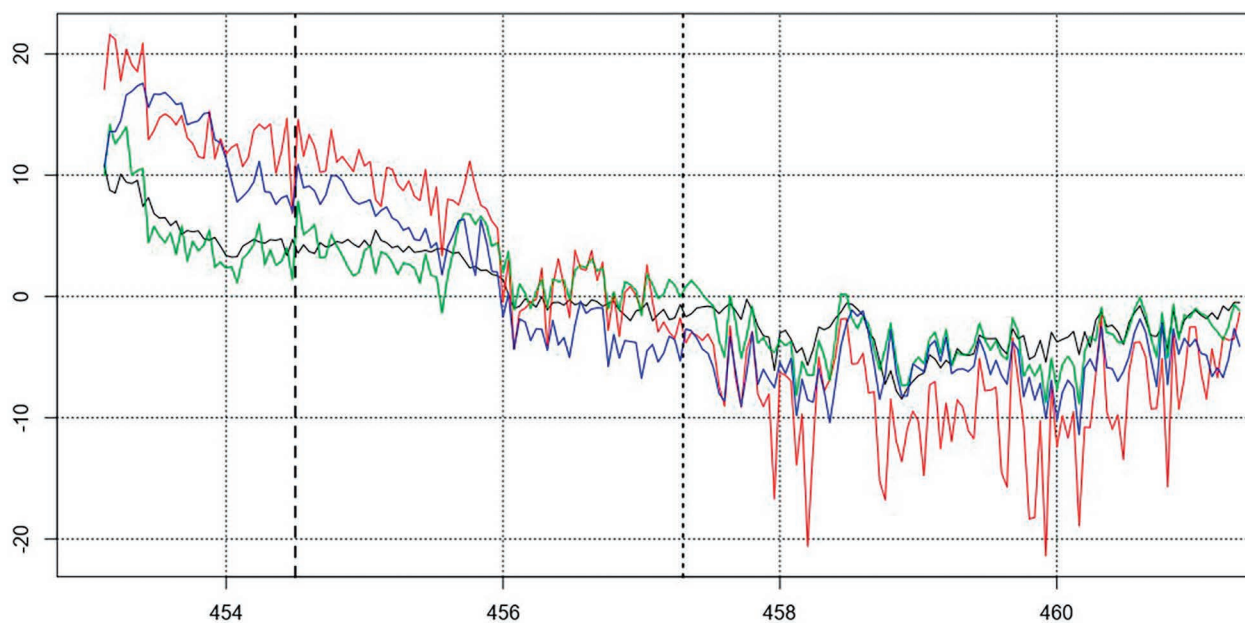
Для оценки точности модели из общего массива данных были извлечены обучающая и тестовая подвыборки. Обучающая подвыборка содержала 50% данных. Обучающая и тестовая подвыборки различались как по набору пар «вопрос–ответ», так и по участникам, ответы которых подвергались оценке. Таким образом, эффективность работы сформированной модели проверялась на другой подвыборке участников и другом наборе вопросов.

Модель, применённая к тестовому набору данных, оценивает вероятность того, является ли конкретный вопрос для человека когнитивно сложным или простым. Для оценки производительности модели был применён метод Out-Of-Bag (OOB), предложенный Брейманом, который обеспечивает получение оценки вероятности ошибочной классификации случайных лесов на основе наблюдений, не входящих в обучающие выборки, используемых для построения деревьев (эти наблюдения называются OOB выборками). Для оценки значимости предикторов использовались индекс Джини (Gini index) и среднее снижение точности модели (Mean Decrease in Accuracy).

Точность модели рассчитывалась как отношение правильно предсказанной когнитивной сложности вопросов к общему количеству оценок. Средняя точность модели составила 0,957. Дополнительно были рассчитаны показатели чувствительности и избирательности. Средняя чувствительность модели на тестовой выборке составила 0,995, средняя избирательность – 0,919. Это свидетельствует о высокой точности оценки субъек-

(a)

(b)

Рис. 3. Динамика мимической активности при ответе на когнитивно простые (а) и когнитивно сложные (б) вопросы

активной сложности каждого вопроса с помощью анализа микродвижений лицевых мышц респондента.

Таким образом, был получен принципиально новый результат: на основании программного и статистического анализа каналов мимической активности человека в ходе контролируемого коммуникативного действия можно строить прогно-

стическую модель, позволяющую с высокой точностью оценивать субъективную когнитивную сложность каждого вопроса. Прогностическая модель явилась основой для разработки пилотной версии экспертной исследовательской методики оценки субъективной (для подэкспертного) когнитивной сложности задаваемых вопросов.

Обсуждение

Применение предложенной экспертной исследовательской методики (ЭИМ) для решения задач оперативно-следственной и судебной практики возможно: (I) при анализе уже имеющихся у следствия видеоматериалов, предоставленных на исследование или экспертизу, (II) с предварительной разработкой программы беседы (опроса, допроса) для получения необходимого видеоматериала с целью последующего анализа. Подход (II) является предпочтительным, поскольку на этапе разработки плана конкретного коммуникативного действия возможно предусмотреть психологически целесообразные условия его проведения.

По итогам выполненных исследований разработаны рекомендуемые технические условия практического использования ПО СПФИ для анализа видеоматериалов при производстве СПЭ.

Наряду с соблюдением всех необходимых технических условий практическое использование ПО СПФИ предполагает следующий алгоритм действий эксперта (специалиста):

1. Необходимо определить, какие видеоматериалы будут проанализированы, оценить пригодность видеозаписи для анализа, проверить, соблюдены ли необходимые технические условия, достаточна ли продолжительность видеофрагментов.
2. Произвести временную разметку видеоматериала с использованием разработанного программного обеспечения, выделить временные рамки задавания вопросов и ответов изучаемого человека.
3. Видеоматериал необходимо разделить на смысловые фрагменты. В беседе должны содержаться вопросы, которые являются для опрашиваемого ведомо простыми или сложными (с позиции планируемой когнитивной нагрузки). Удобнее всего такие фрагменты брать из биографической части беседы, поскольку эти данные можно прове-

рить и такие вопросы могут быть разной степени сложности.

4. Эксперт-психолог (или специалист-психолог) совместно со следователем выделяет группу юридически релевантных вопросов, имеющих значение для конкретного дела. Дальнейшая работа направлена на проверку гипотезы о том, вызывают ли данные вопросы повышенную когнитивную нагрузку у опрашиваемого человека.
5. Полученные оценки когнитивной сложности вопросов носят вероятностный характер и могут быть использованы только в качестве ориентира для следствия. Например, повышенная когнитивная нагрузка при ответах на юридически релевантные вопросы может служить признаком возможной виновной осведомлённости отвечающего на них. Тогда дальнейшая разработка темы, связанной с этой группой вопросов, даёт возможность установить истинные обстоятельства расследуемого дела.
6. Одним из перспективных направлений повышения точности экспертного вывода является использование алгоритмов нечёткой логики при производстве СПЭ [24], что позволит обеспечить объективность и прозрачность выводов как эксперта, так и в целом экспертной комиссии.

В заключение было разработано нормативно-правовое обоснование внедрения разработанной ЭИМ в экспертную практику, которое базируется на следующих положениях:

1. Согласно статье 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объёме», а проведённое экспертное исследование «должно основываться на положениях, дающих возможность

проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

- Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» обращает внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путём производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле.

Таким образом, действующее законодательство прямо указывает на необходимость использования современных достижений науки и техники при осуществлении экспертных исследований. Из требований обозначенного принципа выделяются три составляющих, справедливых для всех новых (разрабатываемых, внедряемых) методов и методик судебной экспертизы (экспертных исследований):

- ♦ используемые технологии и оборудование (аппаратно-программное обеспечение) должны отвечать требованиям современности (современному уровню развития научно-технического прогресса);
- ♦ используемые технологии и оборудование (аппаратно-программное обеспечение) должны быть апробированы и отвечать требованию признанности использования научным сообществом в прикладной сфере для определённого рода (вида) исследования;
- ♦ при осуществлении экспертного исследования должны использоваться такие современные технологии и оборудование (аппаратно-программное обеспечение), которые отвечают требова-

ниям проверяемости и повторяемости (очевидности и достоверности получаемых результатов).

В судебной экспертологии также принято различать типовые и частные (исследовательские) методики. Типовыми называются методики, утверждённые научно-методическими советами после прохождения специальной процедуры апробации в экспертной практике. Частные (исследовательские) методики или технологии (методические подходы) могут создаваться для отдельного случая, что особенно важно при производстве судебных экспертиз (исследований) новых, редких, уникальных объектов, анализ и оценка которых не обеспечены методическими материалами по производству судебной экспертизы.

Более того, как отмечает С.С.Шипшин, успешный опыт решения нетрадиционной для судебной психологической экспертизы задачи может какое-то время оставаться единичным в силу либо уникальности расследуемого события, либо вследствие того, что он пока ещё не стал достоянием судебного и экспертного общества [25]. В таком случае в соответствии с требованиями, предъявляемыми к частным (исследовательским) методикам, в заключении эксперта (специалиста) должно приводиться научное обоснование используемых методических материалов. Иначе говоря, частная (исследовательская методика) — это необходимый первый этап становления типовой.

Таким образом, как актуальная нормативно-правовая база, так и существующая практика развития методов СПЭ позволяют использовать разработанную в ходе выполнения проекта ЭИМ в практике судебной экспертизы. Вместе с тем на современном этапе предлагается изменять её только в ходе исследований, выполняемых специалистом-психологом, где её результаты и соответственно выводы специалиста будут ориентирующими (не безусловными и категоричными). Указанная методика, по причине её иссле-

довательского характера, не может пока ещё использоваться при подготовке выводов эксперта-психолога и должна проходить дальнейшее экспериментальное изучение непосредственно в экспертной практике.

Перспективы дальнейших исследований проблемы объективной оценки психических состояний человека с использованием специализированного программ-

ного обеспечения при производстве судебной психологической экспертизы видятся в направлении расширения методической базы оценки невербального поведения человека в юридически значимых ситуациях; психометрического обоснования применения технологий оцифровки мимики, жестов, голоса, почерка для оценки психических свойств и состояний человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колочкин С.Н. Бесконтактное изучение личности. М.: ВА МО РФ, 2016.
2. Гусев А.Н. Повышение надёжности изучения поведения исследуемого лица, зафиксированного на видеозаписи, с помощью современных программно-аппаратных средств / А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев, Н.А. Захарова // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: Сборник научных статей. М.: РГУП, 2017. С. 88–93.
3. Engalychev V.F. Informational Content of the Unknown Criminal's Behavioral Particularities // The Fifth Investigation Psychology conference. Liverpool, University of Liverpool, 1998. P. 17.
4. Engalychev V.F. The Uses and Abuses of Profiling of Major Political Figures in the Soviet Union // First joint APLS-EAPL international conference «Psychology and Law». Dublin, Trinity College, 1999. P. 23.
5. Леонова Е.В. Актуальные направления зарубежных исследований невербального проявления эмоциональных состояний / Е.В. Леонова, Е.В. Енгальчева // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: Сб. научных статей. М.: РГУП, 2017. С. 29–33.
6. Ekman P. Emotion in the human face: Guidelines for research and an integration of findings / Ekman P., Wallace V. Friesen and Phoebe Ellsworth: Pergamon general psychology series. Т. 11. New York and Oxford: Pergamon, 1972.
7. Енгальчев В.Ф. Дистанционная психодиагностика личности: история, методы, предмет // Материалы Международной научно-практической конференции «Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике». М.: РАГС, 2001. С. 99–101.
8. Facial Action Unit Event Detection by Cascade of Tasks / X. Ding [et all.] // Proceedings. IEEE International Conference on Computer Vision. 2013. Т. 2013. С. 2400–2407.
9. Nonverbal communication: Science and applications / Eds. D. Matsumoto, M.G. Frank, H.S. Hwang. Los Angeles, Calif.: SAGE, 2013.
10. Lewinski P. Automated facial coding: Validation of basic emotions and FACS AUs in facereader / P. Lewinski, T.M. Den Uyl, C. Butler // Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics. 2014. Т. 7. № 4. С. 227–236.
11. Knapp M.L. Nonverbal communication in human interaction / M.L. Knapp, J.A. Hall. – 8th ed., I. Belmont, Calif.: Wadsworth Cengage Learning, 2014.
12. Барабанщиков В.А. Восприятие эмоциональных экспрессий различной степени чёткости при стробоскопической экспозиции лица и его маскировке / В.А. Барабанщиков, О.А. Королькова, Е.А. Лободинская. 2016. Т. 13. № 4. С. 197–217.
13. Bond JR C.F. Accuracy of deception judgments / C.F. Bond JR, B.M. DePaulo // Personality and social psychology review: an official journal of the Society for Personality and Social Psychology, Inc. 2006. Т. 10. № 3. С. 214–234.

14. Gongola J. Detecting deception in children: A meta-analysis / J. Gongola, N. Scurich, J.A. Quas // Law and human behavior. 2017. Т. 41. № 1. С. 44–54.
15. Hartwig M. Lie Detection from Multiple Cues: A Meta-analysis / M. Hartwig, C.F. Bond // Applied Cognitive Psychology. 2014. Т. 28. № 5. С. 661–676.
16. Schlegel K. Individual Differences in Interpersonal Accuracy: A Multi-Level Meta-Analysis to Assess Whether Judging Other People is One Skill or Many / K. Schlegel, R.T. Boone, J.A. Hall // Journal of Nonverbal Behavior. 2017. Т. 15. № 3. С. 103–137.
17. Sporer S.L. Moderators of nonverbal indicators of deception: A meta-analytic synthesis / S.L. Sporer, B. Schwandt // Psychology, Public Policy, and Law. 2007. Т. 13. № 1. С. 1–34.
18. Vrij A. A cognitive approach to lie detection: A meta-analysis / A. Vrij, R.P. Fisher, H. Blank // Legal and Criminological Psychology. 2017. Т. 22. № 1. С. 1–21.
19. Енгальчев В.Ф. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) / В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова, Е.Н. Холопова. М.: Юрлитинформ, 2016.
20. Psychological Assessment of Mimic Indicators of Person's Emotional State Using Specialized Software / Elena V. Leonova, Vali F. Engalychev, Alexey V. Khavylo, Vadim Danshin, Katya Nikulicheva // 29th International Congress of Applied Psychology, Montreal, Canada. 2018.
21. Mimic indicators of mental processes during forensic psychological expertise: assessment and analyzing methods / Elena V. Leonova, Vali F. Engalychev, Alexey V. Khavylo, Vadim V. Danshin, Oleg A. Mirzeabasov // XVI European Congress of Psychology. Moscow: Moscow University Press. 2019. С. 69–70.
22. Хавыло А.В. Прогностическая модель и перспективы использования в судебно-экспертной практике исследований мимических реакций на вопросы различной сложности / А.В. Хавыло, В.Ф. Енгальчев, Е.В. Леонова // Эксперт-криминалист. 2020. Т. 4.
23. Breiman L. Random Forests / L. Breiman // Machine Learning. 2001. Т. 45. № 1. С. 5–32.
24. Леонова Е.В. Использование алгоритмов нечёткой логики при производстве судебно-психологической и комплексной экспертиз / Е.В. Леонова, В.Ф. Енгальчев // Психология обществу, государству, политике: Ананьевские чтения–2019. 2019. С. 325–326.
25. Шипшин С.С. Опыт экспертного психологического исследования замаскированной информации // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. Т. 4. № 40. С. 32–36.

ENGLISH

Potential Use of Intelligent Machine Vision Systems in Forensic Psychological Examination

Vali Fatekhovich Engalychev – Doctor of Science (Psychology), Professor at the Tsiolkovskiy Kaluga State University, Head of the Forensics and Criminalistics Research Center, head of the project – “Psychological Assessment of Facial Indicators of Human Emotional State in Forensic Psychological Examination Through the Use of Specialized Software” (18-013-01045).

E-mail: valiyen@gmail.com

Elena Vasilyevna Leonova – Doctor of Science (Psychology), Head of the Department of General and Legal Psychology at the Tsiolkovskiy Kaluga State University, executor of the same project.

E-mail: e.v.leonova@mail.ru

Aleksey Viktorovich Khavylo – Candidate of Science (Psychology), Head of the research laboratory at the Tsiolkovskiy Kaluga State University, executor of the same project.

E-mail: khavylo@strider.ru

The objective of this study is to develop and experimentally verify the expert method of non-contact psychological and physiological diagnostics of emotional and mental state of a person by measuring complex patterns of facial micro-movements beyond the conscious control of the person through the use of special software, as well as to determine the opportunities and limitations of using this method in forensic psychological examinations. The authors substantiate the prospects of unbiased methods for assessing a person's emotional and mental state by measuring behavioural patterns using modern digital technologies. The paper identifies the key factors that determine the effectiveness of forensic psychological examination methods.

The results of the study revealed both general regularities to distinguish patterns and their individual characteristics. However, there were no consistently repeated facial patterns that would allow differentiating the initial stimuli of emotional reactions. It was established that the essential factor subject to the evaluation through the analysis of facial expressions is the level of cognitive load, representing the weight of the situation for a certain person. By applying machine-learning method, the authors developed a technology of the binary classification of questions according to the degree of their subjective cognitive complexity based on the facial micro-movements when a person answers the interview questions.

The predictive model served as the basis for the development of a pilot version of the expert study method to assess the subjective cognitive complexity of the interview questions. The paper provides minimum technical requirements of "Systems of Psychological and Physiological Studies" software for the analysis of video footage in forensic psychological examination, including standardized requirements for recording an examined person's facial expressions during the interview. The authors also developed the sequence of the expert's actions. The paper includes the legal rationale for a new expert study method to be implemented.

Keywords: forensic psychological examination, expert study methods, nonverbal behaviour, mental state, face recognition, facial micro-movements, mimic, machine vision system

REFERENCES

1. Kolyuchkin S.N. Beskontaktное izuchenie lichnosti. M.: VA MO RF, 2016 (in Russian).
2. Gusev A.N. Povyshenie nadyozhnosti izucheniya povedeniya issleduemogo litsa, zafiksirovannogo na videozapisi, s pomoshch'yu sovremennykh programmno-apparatnykh sredstv / A.N. Gusev, V.F. Engalychev, N.A. Zakharova // Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza i kompleksnye sudebnye issledovaniya videozapisei: Sbornik nauchnykh statei. M.: RGUP, 2017. S. 88–93 (in Russian).
3. Engalychev V.F. Informational Content of the Unknown Criminal's Behavioral Particularities // The Fifth Investigation Psychology conference. Liverpool, University of Liverpool, 1998. P. 17.
4. Engalychev V.F. The Uses and Abuses of Profiling of Major Political Figures in the Soviet Union // First joint APLS-EAPL international conference «Psychology and Law». Dublin, Trinity College, 1999. P. 23.
5. Leonova E.V. Aktual'nye napravleniya zarubezhnykh issledovaniy neverbal'nogo proyavleniya emotsional'nykh sostoyanii / E.V. Leonova, E.V. Engalycheva // Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza i kompleksnye sudebnye issledovaniya videozapisei: Sb. nauchnykh statei. M.: RGUP, 2017. S. 29–33 (in Russian).
6. Ekman P. Emotion in the human face: Guidelines for research and an integration of findings / Ekman P., Wallace V. Friesen and Phoebe Ellsworth: Pergamon general psychology series. T. 11. New York and Oxford: Pergamon, 1972.

7. Engalychev V.F. Distantionnaya psikhodiagnostika lichnosti: istoriya, metody, predmet // Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye psikhotehnologii v obrazovanii, biznese, politike». M.: RAGS. 2001. S. 99–101 (in Russian).
8. Facial Action Unit Event Detection by Cascade of Tasks / X. Ding [et all.] // Proceedings. IEEE International Conference on Computer Vision. 2013. T. 2013. S. 2400–2407 (in Russian).
9. Nonverbal communication: Science and applications / Eds. D. Matsumoto, M.G. Frank, H.S. Hwang. Los Angeles, Calif.: SAGE, 2013.
10. Lewinski P. Automated facial coding: Validation of basic emotions and FACS AUs in facereader / P. Lewinski, T.M. Den Uyl, C. Butler // Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics. 2014. T. 7. № 4. S. 227–236.
11. Knapp M.L. Nonverbal communication in human interaction / M.L. Knapp, J.A. Hall. — 8th ed., I. Belmont, Calif.: Wadsworth Cengage Learning, 2014.
12. Barabanshchikov V.A. Vospriyatie emotsional'nykh ekspressii razlichnoi stepeni chetkosti pri stroboskopicheskoi ekspozitsii litsa i ego maskirovke / V.A. Barabanshchikov, O.A. Korol'kova, E.A. Lobodinskaya. 2016. T. 13. № 4. S. 197–217 (in Russian).
13. Bond JR C.F. Accuracy of deception judgments / C.F. Bond JR, B.M. DePaulo // Personality and social psychology review: an official journal of the Society for Personality and Social Psychology, Inc. 2006. T. 10. № 3. S. 214–234.
14. Gongola J. Detecting deception in children: A meta-analysis / J. Gongola, N. Scurich, J.A. Quas // Law and human behavior. 2017. T. 41. № 1. S. 44–54.
15. Hartwig M. Lie Detection from Multiple Cues: A Meta-analysis / M. Hartwig, C.F. Bond // Applied Cognitive Psychology. 2014. T. 28. № 5. S. 661–676.
16. Schlegel K. Individual Differences in Interpersonal Accuracy: A Multi-Level Meta-Analysis to Assess Whether Judging Other People is One Skill or Many / K. Schlegel, R.T. Boone, J.A. Hall // Journal of Nonverbal Behavior. 2017. T. 15. № 3. S. 103–137.
17. Sporer S.L. Moderators of nonverbal indicators of deception: A meta-analytic synthesis / S.L. Sporer, B. Schwandt // Psychology, Public Policy, and Law. 2007. T. 13. № 1. S. 1–34.
18. Vrij A. A cognitive approach to lie detection: A meta-analysis / A. Vrij, R.P. Fisher, H. Blank // Legal and Criminological Psychology. 2017. T. 22. № 1. S. 1–21.
19. Engalychev V.F. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii, soobshchaemoi uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deistvii i operativno-razysknykh mero-priyatii) / V.F. Engalychev, G.K. Kravtsova, E.N. Kholopova. M.: Yurlitinform, 2016 (in Russian).
20. Psychological Assessment of Mimic Indicators of Person's Emotional State Using Specialized Software / Elena V. Leonova, Vali F. Engalychev, Alexey V. Khavylo, Vadim Danshin, Katya Nikulicheva // 29th International Congress of Applied Psychology, Montreal, Canada. 2018.
21. Mimic indicators of mental processes during forensic psychological expertise: assessment and analyzing methods / Elena V. Leonova, Vali F. Engalychev, Alexey V. Khavylo, Vadim V. Danshin, Oleg A. Mirzeabasov // XVI European Congress of Psychology. Moscow: Moscow University Press. 2019. S. 69–70.
22. Khavylo A.V. Prognosticheskaya model' i perspektivy ispol'zovaniya v sudebno-ekspertnoi praktike issledovaniy mimicheskikh reaktsii na voprosy razlichnoi slozhnosti / A.V. Khavylo, V.F. Engalychev, E.V. Leonova // Ekspert-kriminalist. 2020. T. 4 (in Russian).
23. Breiman L. Random Forests / L. Breiman // Machine Learning. 2001. T. 45. № 1. S. 5–32.
24. Leonova E.V. Ispol'zovanie algoritmov nechytokoi logiki pri proizvodstve sudebno-psikhologicheskoi i kompleksnoi ekspertiz / E.V. Leonova, V.F. Engalychev // Psikhologiya obshchestvu, gosudarstvu, politike: Anan'evskie chteniya – 2019. 2019. S. 325–326 (in Russian).
25. Shipshin S.S. Opyt ekspertnogo psikhologicheskogo issledovaniya zamaskirovannoi informatsii // Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. 2015. T. 4. № 40. S. 32–36 (in Russian).

Индекс УДК 740.159.9.07

Код ГРНТИ 15.21.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-118-129

**Т.Я. АНИКЕЕВА,
Л.В. МАТВЕЕВА,
Ю.В. МОЧАЛОВА,
А.Г. МАКАЛАТИЯ,
Л.Г. СВИТИЧ,
Е.Г. БОРИСОВА***

Ценностно-смысловые коды культурных представлений о России у молодёжи нашей страны, Украины и Белоруссии

Цель исследования — изучение культурных представлений об образах сегодняшней и будущей России, США как представителя Западной цивилизации и Китая как представителя Восточной цивилизации, а также о героическом начале личности у молодёжи,

* **Аникеева Татьяна Яковлевна** — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Трансформация ценностно-смыслового кода культурных представлений о России и других странах под воздействием глобальной информационной среды у современной молодёжи (в аспекте национальной безопасности)» (18-013-01156).

E-mail: anikeeva-07@mail.ru

Матвеева Лидия Владимировна — доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: matweewa-com@yandex.ru

Мочалова Юлия Васильевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: vassom@mail.ru

Макалатия Александра Гурамовна — старший преподаватель кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: axis_mail@list.ru

Свитич Луиза Григорьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: svitichb@yandex.ru

Борисова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: egbor@mail.ru

проживающей в различных регионах России, Белоруссии и Украины. Результаты показывают, что морально-этические качества, представленные категориями «щедрость», «милосердие», «доброта», «духовность», «терпеливость», «патриотизм», «трудолюбие» и «образованность», фиксируют культурные коды российской цивилизации и составляют основу самобытности России. Образ нашей страны у молодёжи соотносится с отдельным, собственным путём развития страны, в отличие от стран Восточной и Западной цивилизаций. Обнаруженная тенденция к трансформации кодов культурных представлений российской молодёжи о стране и её герое свидетельствует о важности формирования в менталитете жителей России установки на культивирование традиционных, в том числе семейных, морально-этических, духовно-нравственных, патриотических базовых ценностей, исторически свойственных народам России.

Ключевые слова: образ страны, ценностно-смысловые коды, культурные представления, идентичность личности, образ героя, компьютерные игры, семейные ценности

Введение

Всякое общество, согласно Д.С. Лихачёву, в интересах своей устойчивости и выживания транслирует своим членам и, в первую очередь, подрастающему поколению требования и правила своей культуры, чтобы воспитывать людей данной культуры, идентифицирующих себя с бытовой, семейной, экономической, политической, художественной и духовной традицией этого общества [1]. По мнению Ю.М. Лотмана [2], «культурный код» — это своеобразный «фильм», соотносящий возможные и действительные сюжеты поведения членов данной социальной группы, а сама культура — это память социума, где смыслы описывают «Культурный Универсум». С точки зрения В.С. Стёпина [3], нынешнее время обострило противоречие между восточным и западным типами культур. Происходящие процессы усиливаются информационно-техническими средствами коммуникации, когда события, происходящие в одном месте планеты, могут мгновенно повлиять на их ход в другом, отдалённом, месте и таким образом воздействовать на модификацию идентичности человека.

Опираясь на понятие менталитета П.С. Гуревича и О.И. Шульман [4], определяемое как «совокупность смысловых

предпочтений, ценностных ориентаций и даже устойчивых мировоззрений, лишь частично осознаваемых представителями соответствующего общества», мы поставили цель изучить отражение в менталитете российской, белорусской и украинской молодёжи возможной трансформации ценностно-смысловых кодов культурных представлений об образах нашей страны и её героев. В работе мы использовали качественные и количественные психологические методы, основным из которых является психосемантический метод [5, 6]. Респондентам предлагалось заполнить специально созданные и апробированные психосемантические шкалы оценки образов страны и её героя. Результаты обрабатывались с применением факторного анализа, программы SPSS, версия 20. Также использовались методика «Мои ассоциации»; проективная методика незавершённых предложений; анкета «Я и моя страна».

Участники исследования представляли такие регионы России, как Москва, Пермь, Тюмень, Крым, Иркутск, Благовещенск; всего 617 человек, 48% юношей и 52% девушек, возраст от 18 до 25 лет; регионы Белоруссии — 25 человек, 24% юношей и 76% девушек, возраст 17–20 лет; Украины (центр и восток страны) — 35 чело-

век, 52% юношей и 48% девушек, возраст 20–28 лет.

Объекты исследования: у российских респондентов образы сегодняшней и будущей России, США и Китая, образ героя России; у белорусских – образы Белоруссии, России, США и Китая, образы героя Белоруссии и героя России; у украинских – образы Украины, России, США и Китая, образы героя Украины и героя России.

Образ страны у молодёжи регионов России, Белоруссии и Украины

Категориальная структура культурных представлений об образе страны выявлена в Москве, Перми и Тюмени (рис. 1–3).

Выявлены три содержательно сопоставимых фактора: 1) «Благосостояние, прогрессивность страны» характеризует богатство страны, её стабильность, обустроенность, прогрессивный вектор развития; 2) «Уровень субъективной социальной дистанции», отношение респондентов к стране как к «родной» или «чужой»; 3) «Цивилизационная соотнесённость», от-

несение страны к западной или восточной цивилизации.

В категориальной структуре в числе значимых факторов присутствуют характеристики, фиксирующие базовые ценности россиян: духовность, нравственность, щедрость, добро, милосердие, целомудрие, терпеливость, религиозность, а также миролюбие, трудолюбие, образованность, ответственность и справедливость. Они могут быть отнесены к ценностно-смысловым культурным кодам российской цивилизации. Эстетическая ценность «красота» также является значимой в картине мира представителей молодёжи трёх регионов, что согласуется с тезисом Д.С.Лихачева о единстве прекрасного и доброго в российском менталитете [1]. Дополнительные категории «Авторитетность страны в мире», «Миролюбие страны», «Религиозность жителей страны» содержательно различаются в трёх группах, отражая своеобразие представлений об образе страны.

Образы сегодняшней России и будущей России являются для респондентов

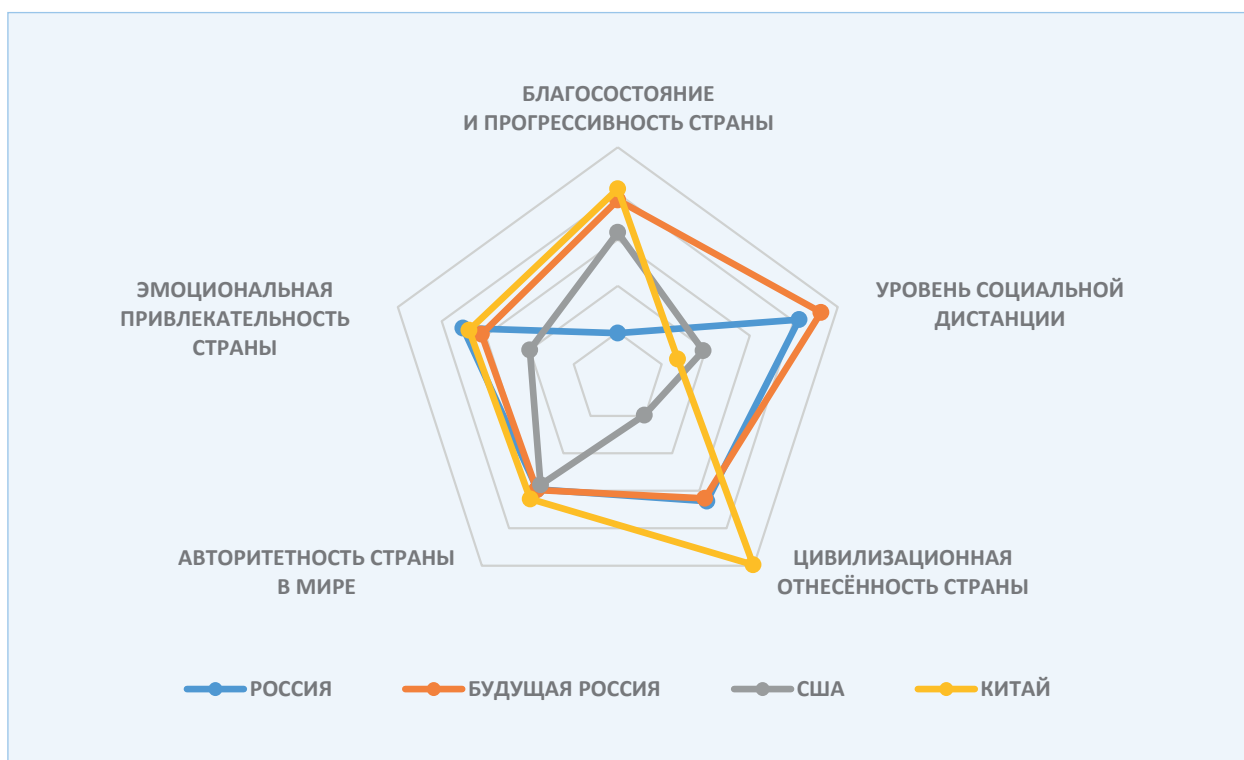

Рис. 1. Образы стран «Россия сегодня», «Будущая Россия», «США», «Китай» в пространстве выделенных факторов у респондентов Москвы

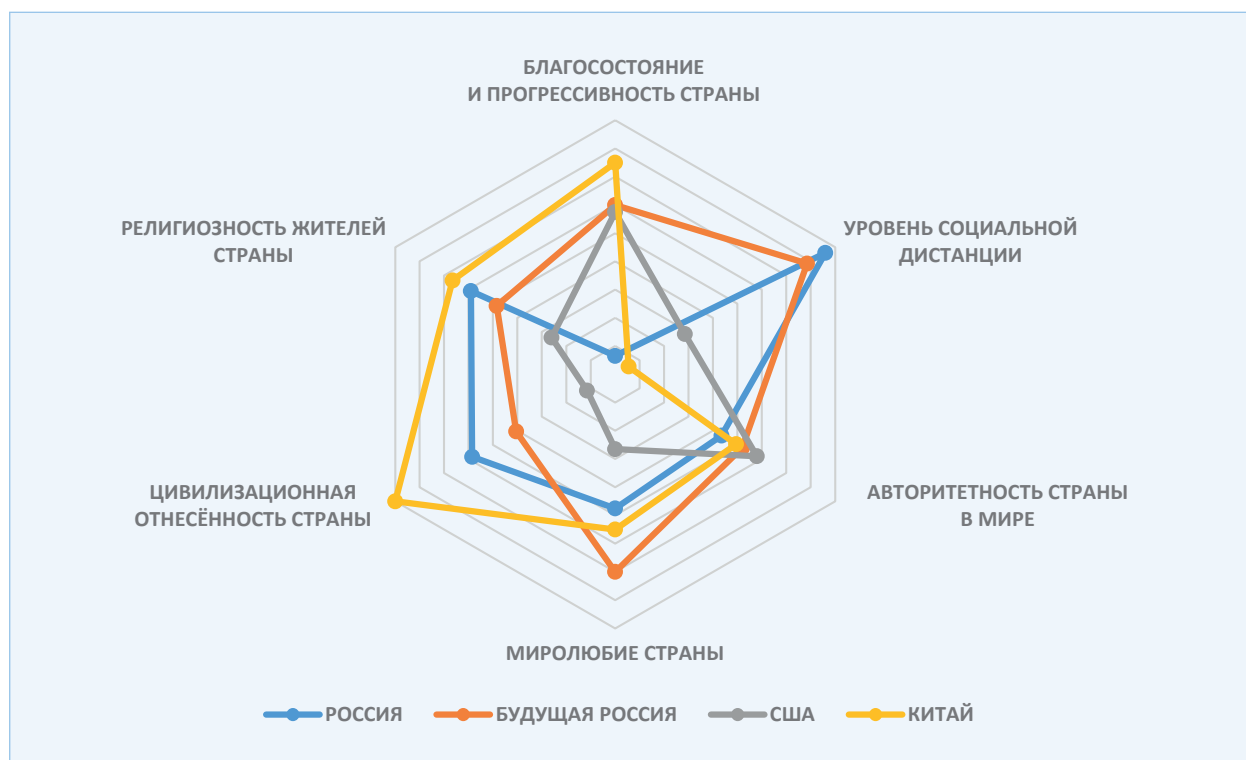

Рис. 2. Образы стран «Россия сегодня», «Будущая Россия», «США», «Китай» в пространстве факторов (Пермь)

«родными», в отличие от «чужих» образов стран Западной и Восточной цивилизаций. Также образы Сегодняшней и Будущей России обособлены от образов США и Китая, что означает «непохожесть» нашей страны ни на восточную, ни на западную цивилизацию. Иначе говоря, в представлении молодых россиян стране присущи собственный путь экономического, социального, культурного развития и отдельный цивилизационный статус. Этот факт частично совпадает с полученными нами ранее данными [7], а также с результатами современных отечественных исследований [8, 9].

У белорусских респондентов в представлении о стране входит фактор уровня субъективной социальной дистанции («родная — чужая»). Нравственно-этические характеристики объединяет отдельный фактор, что свидетельствует об их значимости для респондентов. Также выявлены факторы силы и могущества, активности и цивилизационной соотнесенности, опасности/безопасности, возрождения и развития,

законопослушности и зависимости/независимости. У украинских респондентов в представления о стране входят факторы благополучия и прогрессивности, силы и воинственности, могущества и религиозности, патриотизма и уровня субъективной социальной дистанции, цивилизационной соотнесенности и образованности. Нравственно-этические характеристики тоже объединил отдельный фактор. Содержание большинства факторов носит противоречивый характер, отражающий противоречивость ситуации в стране.

Украинская молодёжь относит свою страну к восточной цивилизации, наряду с Китаем, а Россию и США — к западной цивилизации. Белорусская молодёжь с западной цивилизацией соотносит США, приписывая ей черты активности, богатства и прогресса, а к восточной цивилизации относит Белоруссию, Россию и Китай. Образ Белоруссии близок в факторном пространстве к нулевой отметке, что соотносится с расположением страны «на стыке цивилизаций».

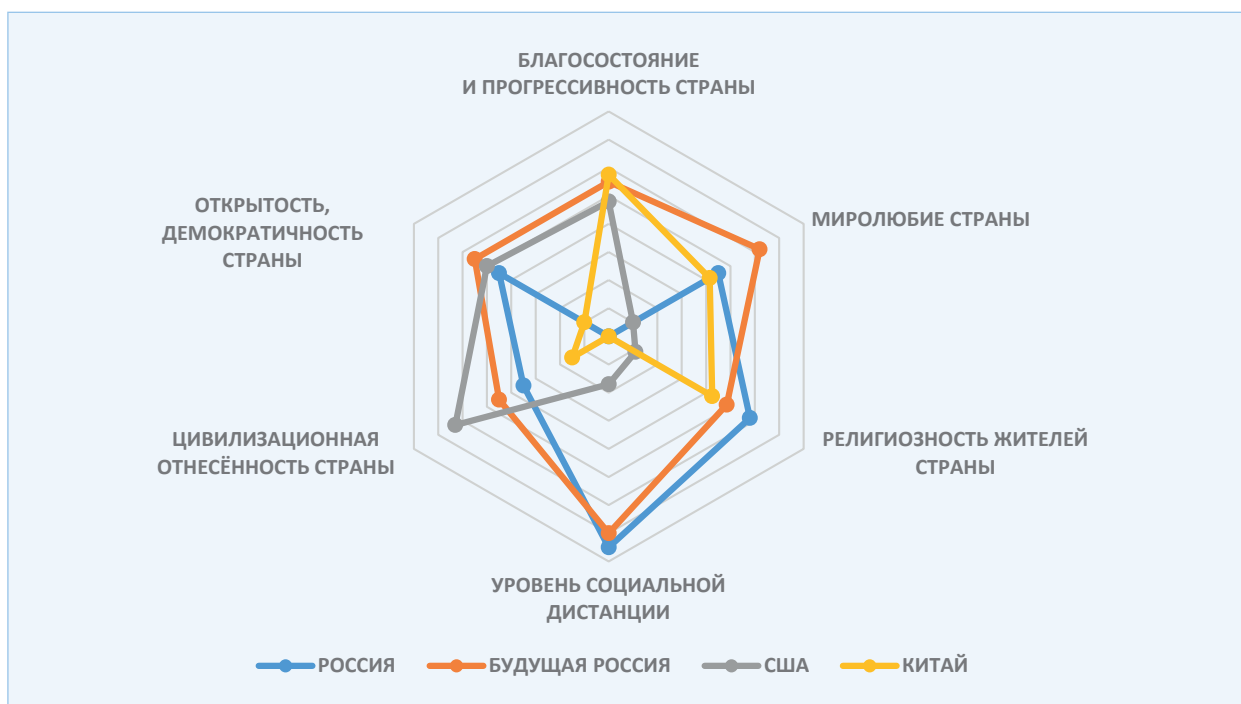

Рис. 3. Образы стран «Россия сегодня», «Будущая Россия», «США», «Китай» в пространстве факторов (Тюмень)

Для респондентов России и Белоруссии семантически значимыми являются характеристики «прекрасная/уродливая», «просторная/тесная», «самобытная/похожая на других», сходным образом кодирующие важную составляющую представлений российской и белорусской молодёжи о стране. В то же время эти характеристики вообще не используют респонденты Украины.

Таким образом, в структуре категорий, описывающих образ страны в группах респондентов России, Белоруссии и Украины, присутствуют морально-этические и духовно-нравственные характеристики. То есть ценностно-смысловые культурные коды лежат в основе представлений молодёжи об образах страны и определяют их отношение к своей и другим странам, их оценку. При этом полученные результаты свидетельствуют и об определённой тенденции к трансформации ценностно-смысловой составляющей культурных представлений о стране у современной молодёжи — в сторону важности комфорта и материального обогащения.

Образ героя страны у молодёжи России, Украины и Белоруссии

У российских респондентов в образе героя страны, выявленного психосемантическим методом, на первый план выходят лидерские качества: предприимчивость, активность, инициативность, уверенность в своих силах и возможностях, смелость, энергичность, решительность и способность к риску, а также надёжность и ответственность. Атрибуты героического начала в традиционном понимании («защитник Отечества») в образе не акцентированы. С другой стороны, по данным анкеты «Я и моя страна», у респондентов г. Благовещенска и республики Крым образ героя России — это образ человека, связанного со своей Родиной и готового действовать ради неё, вплоть до самопожертвования.

Большинство опрошенных называют в качестве героев России воинов и ветеранов Великой Отечественной войны. Однако можно предположить, что эти ответы не выходят за рамки социальных стереотипов. В то же время для молодых мужчин в большей степени, чем для девушек, характерно представление о герое

Рис. 4. Характеристики героя России (г. Благовещенск, юноши)

Рис. 5. Характеристики героя России (г. Благовещенск, девушки)

как об активном, волевом, действующем начале (рис. 4–7).

Для белорусских респондентов в образе героя важны морально-этическая, нравственная составляющие личности, соотносимые с этосом благородства: честность, доброта, заботливость, нравственность, надёжность, вежливость, способность вызывать доверие. Такое качество, как «готовность к самопожертвованию», в сочетании с морально-этическими качествами личности позиционирует героя

страны и как лидера мирных достижений, и как героя военного времени. А для молодых россиян герой России видится преимущественно героем мирного времени.

Способность героя быть трудолюбивым, «хорошим хозяином» важна для респондентов России и Белоруссии. Этот факт обнаруживает продуктивную ориентацию молодых людей на созидательную деятельность и ответственное хозяйствование.

Для респондентов Украины героическое начало личности проявляется в стремле-

Рис. 6. Характеристики героя России (республика Крым, юноши)

Рис. 7. Характеристики героя России (республика Крым, девушки)

нии отстаивать родную землю, интересы и жизнь соотечественников, вплоть до самопожертвования, что является, в представлениях респондентов, актуальным требованием сложившейся сегодня на Украине ситуации. В первый, самый значимый, фактор вошли характеристики артистизма и умения убеждать, что отчасти объясняет саму возможность избрания на Украине представителя актёрской профессии на пост лидера страны. Характеристика взаимного уважения к наро-

дам соседних стран минимальна или же отсутствует в образе героя как Украины, так и России.

Изучение образа героя в компьютерных играх и обыденной жизни

В настоящее время компьютерные игры очень популярны, особенно среди детей и молодёжи, поэтому изучение воздействия образов и транслируемых ими ценностей крайне важно. Идентификация

с героем является психологическим механизмом, через который художественные произведения воздействуют на людей. В компьютерных играх эта идентификация происходит не только в плане воображения, но и в плане реальной игровой деятельности, что усиливает воздействие.

Исследование состояло из трёх этапов: 1) Анкетирование на тему предпочтений в компьютерных играх. Испытуемые: 163 человека из различных регионов страны, возраст 15–22 года; 2) Интервью о различных аспектах компьютерных игр. Испытуемые: 30 человек, Москва, возраст 17–24 года; 3) Письменное интервью «образ героя». Испытуемые: 29 человек, Москва, возраст 19–22 года.

В результате обработки данных выделены основные факторы привлекательности компьютерных игр: соревновательный, социальный и сюжетно-исследовательский; факторы предпочтения героя компьютерных игр: способности и умения, внешний вид, цели и ценности; основные смысловые и мотивационные характеристики «героя, на которого хочу быть похожим» — достижение целей, преодоление трудностей, изменение мира, социальные связи/дружба/альтруизм (рис. 8).

Не во всех компьютерных играх есть главный герой, игровой персонаж, с которым пользователь может идентифицироваться. Множество игр не имеют героя или же номинальный «главный герой» почти не задействован в игровом процессе. Исследование показало, что именно игры с главным героем являются наиболее популярными (84% опрошенных назвали их в числе своих любимых). Наличие героя и идентификация с ним оказывают наиболее сильное влияние на игрока, который на время игры перенимает образ действий и мотивацию своего персонажа. Во многих играх воспроизводится классический, архетипический сюжет подвигов героя, соответствующего античному пониманию [10]: это персонаж особый, избранный, наделённый сверхчеловеческими возможностями, которому

суждено изменить мир, свершить нечто, недоступное простым людям. В сюжетах таких игр можно найти множество пересечений с античными эпосами, легендами и сагами. В играх с развёрнутым сюжетом так же регулярно встречаются классические эпические мотивы — защиты родной земли от врагов, восстановления мирового равновесия и т.д. Структура сюжета часто соответствует классической схеме мономифа, выделенной Кэмпбеллом [11].

Таким образом, в современном мире компьютерные игры являются проводником традиционных ценностей и образов, идущих из глубин древности. Это одна из немногих возможностей для современного молодого человека соприкоснуться с непопулярными в современном мире темами.

В исследованиях феномена героизма сегодня выделяется новый тип героя в сознании людей — «повседневный герой» [12–15]. Противопоставляется традиционный военный нарратив, сюжеты о противостоянии героя-воина с врагами и свершении им исключительных деяний в особых ситуациях и образ повседневного героя, обычного человека, не обладающего сверхъестественными способностями, но делающего важные и нужные вещи на благо общества. Акцентируются личностные качества героя, его мотивация, преодоление трудностей на пути к цели, а также призвание, самореализация, социальный успех, построение взаимоотношений с окружающими людьми.

Можно заключить, что герой компьютерной игры ближе к традиционным архетипическим фигурам: былинным богатырям, античным героям, персонажам сказок и легенд, чем к «повседневным героям» современности. А компьютерные игры — место соприкосновения современного подростка с архетипическим пластом культуры. Тогда как в обыденной жизни молодые люди ориентированы на иные идеалы и образы, более адекватные современной культурной ситуации.

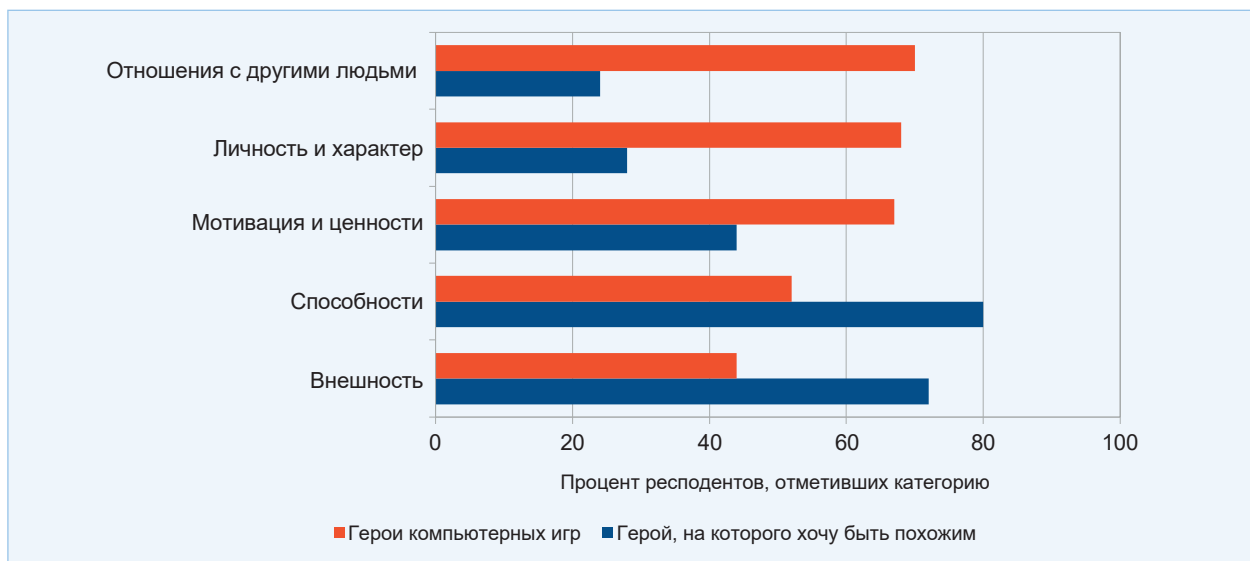

Рис. 8. Частота упоминания разных категорий качеств героя в описании любимого героя компьютерных игр и «героя, на которого хочу быть похожим»

Деформации образа семьи в подростковых журналах

Смена политической и социокультурной парадигмы в переломные 1990-е гг. принципиально изменила и семейную ценностную парадигму, что было усилено пропагандой СМИ, в частности телевидением, «жёлтыми» изданиями и подростковыми журналами зарубежных брендов, которые вытеснили отечественную молодёжную прессу. Наши исследования имели цель изучить контент современных СМИ (наиболее популярные каналы ТВ, женские и подростковые издания), чтобы выяснить, какие ценности они транслируют своей аудитории, в том числе молодёжной. В исследовании применялись теоретические методы определения основных концептов, характеристик, ценностей, презентующих образ России, социологический метод контент-анализа (при изучении языковых концептов освещения семейной тематики в женских и подростковых журналах), а также оригинальный метод клип-контент-анализа, который впервые применён соисполнителем проекта Л.Г.Свитич [16] при изучении ценностей, транслируемых телевидением.

Методом контент-анализа изучены популярные журналы «Oops!», «ElleGirl»

и «Yes!», рассчитанные в основном на подростков 12–17 лет. Проанализирована 261 публикация на семейные темы по дихотомическому принципу: базовые традиционные ценности и девиантные ценности. Выявлено, что в западных подростковых журналах более чем в два раза преобладают негативные ценности и пропаганда девиантного поведения над позитивными ценностями и базовыми моделями взаимоотношений мужчин и женщин (71% и 29% соответственно) [17]. Популярные издания для подростков пропагандируют западные семейные ценности, либерализацию отношений и толерантность к любым моделям семьи, в том числе и девиантным, что не соотносимо с российскими базовыми ценностями и менталитетом. Это привело к подражанию отечественной молодёжью подобным моделям поведения, с крайне негативными последствиями, что зафиксировано в статистике увеличения разводов (до 80% от числа браков), падения рождаемости, девиантного поведения, детских болезней и т.п. Медиа (особенно Интернет) весьма сильно влияют на образ мыслей подростка, его поведение, нередко искажают представление о семье и браке, взаимоотношениях полов (пропагандируют ранние сексуальные свя-

зи, одобряют частую смену партнёров, неуважение к родителям и т.п.), что приводит к разрушению института семьи, к деформации ценностных оснований культурного кода у молодёжи. По этой причине остро стоит вопрос о качественных отечественных медиа для подростков и молодёжи, ориентированных на традиционные семейные ценности: любовь, верность, ответственность, воспитание детей в полной благополучной семье.

Заключение

По результатам исследования нами сформулирован ряд предложений, носящих рекомендательный характер. Так, в качестве меры, противодействующей влиянию глобальной информационной среды на культурные представления и базовые ценности россиян, включая семейные ценности, предложено усиление в отечественном информационном контенте компонента, фиксирующего ценностно-смысловые коды

русской культуры и акцентирующей самобытность и независимость России как отдельной цивилизации, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях. Подчёркивается и актуальность потребности в увеличении количества отечественных, в первую очередь, молодёжных изданий, ориентированных на базовые традиционные ценности россиян. Предложен также ряд мер воспитательного и образовательного характера, направленных на усиление в образе героя России традиционных качеств — защитника Отечества. Отмечено, что в сюжетах компьютерных игр важен контекст, направленный на воспитание в игроках альтруизма, а ситуации соревнования и борьбы желательнее переориентировать со сражений и убийств в сторону спортивных состязаний в меткости, скорости, ловкости и сообразительности, не несущих агрессивного посыла, но продолжающих выполнять рекреационную и нарративную функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д.С. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПб ГУП, 2006.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство — СПб, 2010.
3. Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПб ГУП, 2011.
4. Гуревич П.С., Шульман О.И. Ментальность, менталитет // Культурология. XX век: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998. Т. 1. С. 431.
5. Osgood C.E., Suci G.J., & Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Oxford, England: Univer. Illinois Press, 1957.
6. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: ЭКСМО, 2013. 2-е изд.
7. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е. Категориальная структура образа России и образов других стран в менталитете жителей страны и союзного государства Белоруссии // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 64–112.
8. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2008.
9. Глушакова М.А., Тихомирова Д.А. Имидж России в сознании современной российской молодёжи // Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: Материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова 27 ноября 2017 г. / Кол. авт.; Под ред. И.А. Василенко. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 146–154.
10. Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957.
11. Кепмбелл Д. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2008.
12. Kinsella E.L, Ritchie T.D, Igou E.R. Lay perspectives on the social and psychological functions of heroes. Front Psychol. 2015; 6: 130. Published 2015. Feb. 17.

13. Аникеева Т.Я., Макалатия А.Г., Степанова О.Б. Представления о герое у молодежи Пермского края: психосемантический анализ // Человек в информационном пространстве: Сборник научных статей (12–14 ноября 2020 г.) / Науч. ред. Т.П. Куранова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 213–223.
14. Макалатия А.Г., Матвеева Л.В. Смысловые компоненты образа «повседневного героя» у московской молодежи // Человек в информационном пространстве: Сборник научных статей (12–14 ноября 2020 г.) / Науч. ред. Т.П. Куранова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 223–232.17.
15. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. С. 31.
16. Свитич Л.Г. Традиционные российские ценности на экране ТВ // Журналистика 21 века: исторический опыт и современное развитие. Вып. 13–15. 2017. С. 72–102. С. 76–78.
17. Свитич Л.Г., Тюрина Е.С. Освещение семейных ценностей в журналах для подростков // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018, том 1, № 4, с. 195–210.

ENGLISH

Axiological Codes of Cultural Representations of Russia among the Youth of Russia, Ukraine and Belarus

Tatyana Yakovlevna Anikeeva — Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher at the Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University, head of the project — “Transformation of the Axiological Codes of Cultural Representations of Russia and Other Countries among Today’s Youth Under the Influence of the Global Information Environment (in Terms of the National Security)” (18-013-01156).

E-mail: ankeeva-07@mail.ru

Lidia Vladimirovna Matveeva — Doctor of Science (Psychology), Professor at the Department of the Methods of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, executor of the same project.

E-mail: matweewa-Com@yandex.ru

Yulia Vasilievna Mochalova — Candidate of Science (Psychology), Researcher at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, executor of the same project.

E-mail: vassom@mail.ru

Aleksandra Guramovna Makalatiya — Senior Teacher at the Department of Methods of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, executor of the same project.

E-mail: axis_Mail@list.ru

Luiza Grigorievna Svitich — Doctor of Science (Philology), Leading Researcher at the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, executor of the same project.

E-mail: svitichb@yandex.ru

Elena Georgievna Borisova — Doctor of Science (Philology), Professor at the Moscow City University, executor of the same project.

E-mail: egbor@mail.ru

The objective of the paper is to study cultural ideas about present-day and future Russia, the United States as a representative of Western civilization, and China as a representative of Eastern civilization, as well as to explore the heroic element of identity in youth living in various regions of Russia, Belarus and Ukraine. The findings show that the moral and ethical qualities presented by such categories as generosity, mercy, kindness, spirituality, patience, patriotism, diligence, and erudition reflect the cultural codes of the Russian civilization and constitute the basis of Russians unique identity. The young people's image of Russia relates to a distinct, independent development model of the country, unlike the Eastern and Western cultures. The discovered trend of transformation of the codes of cultural representations of the Russian youth regarding the

homeland and its hero demonstrates how important it is to develop the Russian's mindset to form an attitude towards the development of traditional, in particular family, moral and ethical, spiritual and patriotic basic values, historically intrinsic to the peoples of Russia.

Keywords: image of the country, axiological codes, cultural representations, inner personal identity, image of the hero, computer games, family values

REFERENCES

1. Likhachyov D.S. Kul'turologiya: izbrannyye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture. SPb.: SPb GUP, 2006 (in Russian).
2. Lotman Yu.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo – SPb, 2010 (in Russian).
3. Styopin V.S. Tsivilizatsiya i kul'tura. SPb.: SPb GUP, 2011 (in Russian).
4. Gurevich P.S., Shul'man O.I. Mental'nost', mentalitet // Kul'turologiya. XX vek: Entsiklopediya: V 2 t. / Gl. red. S.Ya. Levit. SPb.: Universitetskaya kniga; Aleteiya, 1998. T. 1. S. 431 (in Russian).
5. Osgood C.E., Suci G.J., & Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Oxford, England: Univer. Illinois Press, 1957.
6. Petrenko V.F. Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma. M.: EKSMO, 2013. 2-e izd. (in Russian).
7. Matveeva L.V., Anikeeva T.Ya., Mochalova Yu.V., Petrakova E.E. Kategorial'naya struktura obraza Rossii i obrazov drugikh stran v mentalitete zhitelei strany i soyuznogo gosudarstva Belorussii // Obrazy, traditsii i kul'tura mezhnatsional'nogo mira i soglasiya. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. S. 64–112 (in Russian).
8. Obrazy gosudarstv, natsii i liderov / Pod red. E.B. Shestopal. M.: Aspekt Press, 2008 (in Russian).
9. Glushakova M.A., Tikhomirova D.A. Imidzh Rossii v soznanii sovremennoi rossiiskoi molodyozhi // Imidzh Rossii v usloviyakh novykh vyzovov XXI veka: Materialy nauchnoi konferentsii kafedry rossiiskoi politiki fakul'teta politologii MGU im. M.V. Lomonosova 27 noyabrya 2017 g. / Kol. avt.; Pod red. I.A. Vasilenko. M.: RUSAINS, 2017. S. 146–154 (in Russian).
10. Losev A.F. Antichnaya mifologiya v eyo istoricheskom razvitii. M.: Uchpedgiz, 1957 (in Russian).
11. Kepmbell D. Tsyachelikii geroi. SPb.: Piter, 2008 (in Russian).
12. Kinsella E.L, Ritchie T.D, Igou E.R. Lay perspectives on the social and psychological functions of heroes. *Front Psychol.* 2015; 6: 130. Published 2015. Feb. 17.
13. Anikeeva T.Ya., Makalatiya A.G., Stepanova O.B. Predstavleniya o geroe u molodyozhi Permskogo kraja: psikhosemanticheskii analiz // Chelovek v informatsionnom prostranstve: Sbornik nauchnykh statei (12–14 noyabrya 2020 g.) / Nauch. red. T.P. Kuranova. Yaroslavl': RIO YAGPU, 2020. S. 213–223 (in Russian).
14. Makalatiya A.G., Matveeva L.V. Cmyslovye komponenty obraza «povsednevnogo geroya» u moskovskoi molodyozhi // Chelovek v informatsionnom prostranstve: Sbornik nauchnykh statei (12–14 noyabrya 2020 g.) / Nauch. red. T.P. Kuranova. Yaroslavl': RIO YAGPU, 2020. S. 223–232.
15. Mark M., Pirson K. Geroy i buntar'. Sozdanie brenda s pomoshch'yu arkhetipov. SPb.: Piter, 2005. S. 31 (in Russian).
16. Svitich L.G. Traditsionnye rossiiskie tsennosti na ekrane TV // Zhurnalistika 21 veka: istoricheskiy opyt i sovremennoe razvitie. Vyp. 13–15. 2017. S. 72–102. S. 76–78 (in Russian).
17. Svitich L.G., Tyurina E.S. Osveshchenie semeinykh cennostey v zhurnalakh dlya podrostkov // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva. 2018, tom 1, № 4, s. 195–210.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс УДК 903.4, 903.5

Код ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-130-143

В.Р. ЭРЛИХ, Г.Л. ГОДИЗОВ*

Открытие и начало исследования постдольменного могильника у станицы Севастопольской

В статье кратко представлены результаты начала исследования археологического комплекса у ст. Севастопольской (Республика Адыгея), открытого разведками в 2019 г. и состоящего из поселения и дольменно-курганного могильника. В 2020 г. был исследован один курган «Севастопольский-35», представляющий ящик-раму под каменной насыпью, и один вторично использованный дольмен «Севастопольский-41». Авторы относят открытые объекты к так называемым постдольменным памятникам эпохи средней бронзы (период Шушук I) и предварительно датируют XXVIII–XXIV вв. до н.э.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, эпоха средней бронзы, поселение, дольмены, постдольменный горизонт

Дольмены Западного Кавказа широко известны, если не сказать знамениты. История их изучения длится уже не одно столетие. В то же время существование дольменной культуры, начало и конец практики сооружения мегалитических конструкций на Кавказе до сих пор вызывают дискуссию. Причина этого коренится в тотальном разграблении содержимого дольменов, а также в том, что эти сооружения многократно использовались для погребений местного населения в более позднее время.

Основным «базисом» экспедиции служат материалы эталонного постдольменного археологического комплекса Шушук (далее – АКШ), открытого в 2015 гг. в предгорьях Северо-Западного Кавказа у пос. Победа в Майкопском районе Адыгеи. Эти материалы позволили выделить новый вид погребальных конструкций, названных нами ящиками-рамами. В этих сооружениях использовались плиты разобранных дольменов, поэтому первоначально они были датированы финалом бронзового века [1].

* **Эрлих Владимир Роальдович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея Востока, руководитель проекта «Финал эпохи бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Постдольменный горизонт» (19-09-00100).

E-mail: verlikh@bk.ru

Годизов Георгий Леонидович — кандидат исторических наук, заведующий отделом Северо-Кавказского филиала Государственного музея Востока (г. Майкоп), исполнитель того же проекта.

E-mail: ggodozov@gmail.com

Последующие раскопки памятника, изучение этих материалов, получение значительной серии радиоуглеродных дат показали, что «постдольменная» традиция возникает гораздо раньше, ещё в эпоху средней бронзы.

В результате анализа многочисленных находок из погребальных сооружений и поселения была предложена периодизация АКШ, включавшая три периода, один из которых относится к среднему бронзовому веку (период Шушук I), а два других — к первой и второй половине эпохи поздней бронзы (периоды Шушук II и Шушук III) [2]. Дальнейшее изучение материалов эпохи средней бронзы позволило разделить период Шушук I на две хронологические группы, датирующиеся сейчас XXVIII–XXVII и XXVI–XXIV вв. до н.э. [3]. Эти горизонты АКШ мы предлагаем обозначить как подпериоды Шушук IA и Шушук IB.

Сейчас на АКШ исследовано более 30 различных по обряду постдольменных конструкций. К «постдольменным» мы относим всё разнообразие погребальных конструкций эпохи средней и поздней бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа со времени начала вторичного использования дольменов и их деталей, т.е. памятники, которые оставили *не строители дольменов*.

В могильнике АКШ доминирующей погребальной конструкцией являются ящико-рамы. Они характерны для всех периодов существования могильника. Однако в каждом периоде имеются свои особенности. В ящиках-рамах первых двух периодов (Шушук I и Шушук II) встречаются вторично использованные плиты дольменов. В единственном обнаруженном погребении — объект Шушук-53 периода Шушук III (финал поздней бронзы) ящик-рама был сделан из крупных камней известняка. В период Шушук II в двух случаях встречались комбинированные ящико-рамы в ямах-промоинах, в конструкции которых вместе с фрагментами дольменных плит использовались и дере-

вянные плахи. Одно погребение совершенно в полностью деревянной раме (объект Шушук-51, п. 3 — предположительно период Шушук IB).

В АКШ встречаются и другие виды погребальных конструкций. Это вторично использованные дольмены — объект Шушук-75, п. 2 (период Шушук IA) и, предположительно, объект Шушук-50 (периоды Шушук II и Шушук III); промоины в мате-риковом гипсе — Шушук-57 (период Шушук IB); промоины в глинистом матери-ке — Шушук-52 новый.

Поскольку сооружение ящико-рам началось не позже XXVIII в. до н.э. и длилось по крайней мере до XII в. до н.э., остаётся признать, что сам по себе термин «постдольменный горизонт», предложенный ранее одним из авторов этой статьи [1], оказался не вполне удачным. «Горизонт» в археологии — нечто менее продолжительное, чем период, занимающий большую часть эпохи средней и поздней бронзы. Пока у нас нет и веских оснований для выделения на основании материалов одного, пусть и эталонного памятника особой «постдольменной» археологической культуры. Однако нельзя говорить и о полной уникальности погребений археологического комплекса Шушук. В предгорьях Северо-Западного Кавказа известны погребения и поселения, материалы которых имеют сходство с материалами разных периодов АКШ. Так, например, во время разведок 1964 г. на дольменном комплексе «Богатырская поляна» у станицы Новосвободной П.У. Аутлев раскопал погребение в ящико-раме из плит песчаника, где была обнаружена подвеска из «зуба мудрости оленя» и ряд каменных орудий [4, с. 50, 51, 53; рис. 2, 14–23; 3; 4]. Полученные им материалы вполне сопоставимы с периодом Шушук I.

Керамика и изделия из металла погребений АКШ начала поздней бронзы периода Шушук II (XVIII–XV вв. до н.э.) чрезвычайно близки содержанию вторично использованных дольменов, исследован-

ных неподалеку А.Д.Резепкиным в 2010–2013 гг. [5–7]¹, а также погребения 1 Гавердовского могильника близ Майкопа, совершённого в ящике-раме [10, с. 240, рис. 5]. Близкое сходство показало и изучение состава металла из этих погребений. Для них прослеживается следующая корреляция: украшения изготавливались уже из оловянной бронзы (древнейшей на Северо-Западном Кавказе), а орудия труда – из мышьяковой [11].

К другим постдольменным комплексам Северо-Западного Кавказа периода Шушук II следует отнести и ряд погребений, совершённых в дольмене Колихо и каменном ящике могильника Гнокопсе, где имеются горшки на кольцевых поддонах со сходной орнаментацией, а широкие радиоуглеродные даты с общим диапазоном 1850–830 cal BC (1σ) [12, табл. 1] захватывают хронологический интервал периода Шушук II. Кроме того, в верхнем слое энеолитического поселения Мешоко в 1958 г. были обнаружены три погребения (двух взрослых и ребёнка), предположительно отнесённые исследователями к эпохе поздней бронзы. Два вытянутых погребения взрослых имели юго-западную ориентировку и сопровождались металлическим инвентарём, характерным для периода Шушук II: в погребении 1 это была спиральная пронизь-накосник, а в погребении 3 – височное кольцо и бронзовое шило [13, с. 13, 14, 28, рис].

Имеют ряд соответствий и материалы из погребения и слоя поселения археологического комплекса Шушук финала бронзового века (период Шушук III): это керамика поселения Деметра у ст. Ханской [14], а также Абадзехского поселения, открытого разведками П.У.Аутлева [4, с. 52–59].

Таким образом, проведённый поиск по литературным и архивным источникам соответствий материалам АКШ по-

зволил выделить постдольменные памятники различных периодов, в разное время обнаруженные в Майкопском районе Республики Адыгея и Туапсинском районе Краснодарского края.

Экспедиционная часть проекта

Основными задачами экспедиционной части проекта также были целенаправленный поиск и исследование в окрестностях АКШ сходных постдольменных памятников. Сезон 2019 г. был полностью посвящён разведкам. В окрестностях станицы Абадзехской одним из направлений стал поиск Абадзехского поселения. В публикации и отчёте П.У.Аутлева упоминалась керамика с «валиками», характерная для поселения Шушук [4, с. 52–59]. Опираясь на привязку, данную первооткрывателем поселения к станице Абадзехской, мы обследовали земельный участок, располагающийся на северной окраине станицы, где и удалось обнаружить поселение, однако не то, что открыл Аутлев. Обильный материал из двух шурфов этого поселения, которому было присвоено наименование поселение «Абадзехское-1», относился к раннему железному веку – меотской археологической культуре и датировался IV–I вв. до н.э. [15, с. 58, 59]. Не увенчался успехом и поиск ящиков-рам на «Богатырской поляне», с которой за прошедшие почти 60 лет со времени разведок П.У.Аутлева исчезла и «аллея дольменов».

Зато сплошные разведки этого сезона в окрестностях АКШ принесли удачу. В 6 км к северу от него, южнее ст. Севастопольской, был выявлен археологический комплекс «Севастопольский», состоящий из курганно-дольменного могильника «Севастопольский-1» (121 объект археологического наследия) площадью около 10 га и поселения площадью 2,33 га

¹ Отметим, что проведённое исследователями Курчатовского института сравнение мит-ДНК индивидуумов из коллективных погребений периода Шушук I (средняя бронза) и из вторично использованных дольменов периода Шушук II (начало поздней бронзы), расположенных неподалеку и исследованных А.Д.Резепкиным, не показало родства по материнской линии [8, с. 50–52; 9].

Рис. 1. Археологический комплекс Севастопольский. Космоснимок

(рис. 1). Поселение «Севастопольское-1» находится в 1,85 км от ст. Севастопольская), располагаясь на левом берегу р. Каменка, на поляне Бикет, у дороги от ст. Севастопольская к п. Победа, на небольшом холме. Комплекс имеет подовальную форму, вытянутую вдоль дороги по направлению север-юг, с пологими

склонами и слабо выраженным подножием. Восточной границей поселения является глубокий овраг, на юге — опушка леса, на западе — грунтовая дорога, на севере — курган «Севастопольский-1».

Для установления границ, насыщенности и глубины культурного слоя поселения были заложены 8 шурфов. В част-

Рис. 2. Курган «Севастопольский-35». Расчистка каменной наброски по поверхности

ности, из шурфа 6 происходят 16 находок — фрагменты стенок лепных сосудов, а из шурфа 7 — 51 находка — фрагменты стенок лепных сосудов и кремневые отщепы, а также 13 фрагментов диафизов трубчатых костей конечностей крупного и мелкого рогатого скота, лошади или свиньи. Исходя из стратиграфии полученных разрезов и глубины залегания находок, можно заключить, что глубина культурного слоя поселения составляет 90 см. Многочисленные фрагменты лепных сосудов, тесто которых

характерно для керамики эпохи бронзы, а также близость расположения крупного курганно-дольменного могильника позволили предварительно датировать поселение «Севастопольское-1» III–II тыс. до н.э. и считать его синхронным могильнику [15, с. 59). Более точная дата будет установлена после получения результатов *amc*-датирования костей животных из шурфов.

Курганно-дольменный могильник «Севастопольский-1» находится в 1,13 км на юго-запад от ст. Севастопольская. Мо-

гильник располагается на левом берегу р. Каменка, частично на поляне Бикет и большей частью — севернее неё, в лесу. Он вытянут по направлению север-юг вдоль грунтовой дороги, идущей от ст. Севастопольская к п. Победа. Уже предварительный осмотр залесенной части могильника выявил его близкое сходство с остатками погребальных сооружений АКШ. Здесь чередовались небольшие каменные курганчики и остатки мегалитов — разрушенных дольменов с плотной забутовкой камнем внутреннего пространства погребальных камер. В этом же сезоне был снят топографический план всего археологического комплекса и намечены два характерных объекта для последующего исследования: один небольшой курган с каменной наброской — курган «Севастопольский-35» и один разрушенный дольмен с каменной забутовкой — «Севастопольский-41». Раскопки этих объектов были проведены в 2020 г. под руководством В.Р. Эрлиха.

Курган «Севастопольский-35»

Этот курган находился в южной трети могильника. Объект представлял собой слабо задернованный каменный курганчик диаметром около 8 м и высотой 0,5 м. Объект раскапывался вручную с оставлением двух бровок, ориентированных по сторонам света. На первом уровне расчищались камни по поверхности (рис. 2) и был выявлен ящик-рама подквадратной формы из крупных плит известняка (погребение 1) с размерами 2,5 × 2,5 м. Ящик был ориентирован по сторонам света с незначительным смещением, а также был несколько смещён от центра кургана к юго-западу и имел галечное заполнение.

Сама каменная наброска (насыпь) состояла как из крупных камней известняка, так и из гальки среднего размера. При её разборе были обнаружены каменное орудие (рис. 3, 1) и фрагменты стенок лепных сосудов. На втором уровне расчистки были удалены камни наброски

до уровня материковой гальки и оставлены только плиты ящика-рамы и крупные камни известняка. В наброске также встречались фрагменты лепной коричнево-глиняной керамики.

Погребение. Ящик-рама был сложен из шести крупных плоских плит известняка (некоторые раскололись) и ориентирован по сторонам света с отклонением около 15°. Верхняя поверхность плит находилась на глубине 13–18 см от центра кургана. Внутреннее пространство ящика-рамы имело подпрямоугольную форму с длинной осью по линии 3–В и размерами 1,3 × 1 м (рис. 4). В ящике-раме были обнаружены мелкие фрагменты костей (возможно, специально раздробленных), принадлежавших не менее 8 погребённым. Число погребённых было установлено по скоплениям зубов (черепачные кости были раздроблены), лежащих в разных частях ящика. Дно ящика было выложено плитками жёлтого песчаника, уложенными на галечный материк. Вне всякого сомнения, кости помещались в ящик-раму после того, как они были очищены от мягких тканей. Таким образом, сам ящик-рама представлял собой оссуарий — костехранилище. Среди костей внутри ящика-рамы были обнаружены фрагменты керамики (рис. 3, 2), подвеска из клыка животного и три подвески из моляра оленей (рис. 3, 3).

Подобные украшения в сочетании с ящиком-рамой позволяют достаточно уверенно отнести данное погребение к постдольменным памятникам периода Шушук I [2, с. 163, рис. 1] и предварительно датировать XXVIII–XXIV вв. до н.э. Более точная дата может быть установлена после получения результатов *ams*-датирования.

Объект «Дольмен Севастопольский-41»

Этот объект находился в 22 м к северу от исследованного кургана. Он представлял собой разрушенный дольмен с каменной наброской внутри и был вы-

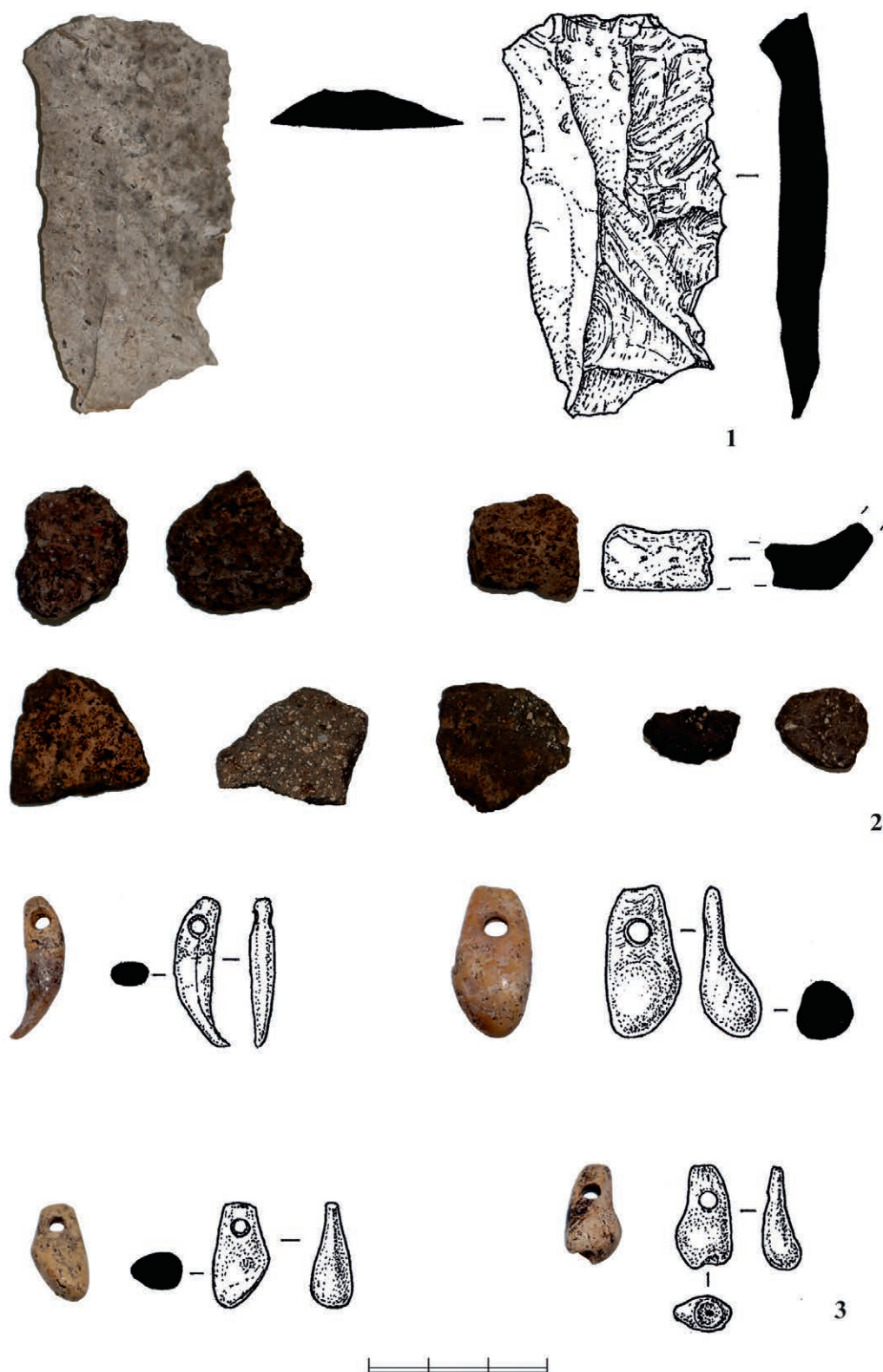

Рис. 3. Курган «Севастопольский-35». Находки из насыпи и погребения.

1. Каменное орудие. 2. Фрагменты керамики. 3. Подвески из клыка животного и моляров оленя

тянут по линии С-Ю: размеры по поверхности — 8 × 6 м при высоте 0,8 м. Пространство между плитами плотно заложено

каменными. Плиты и камни наброски были частично задернованы. Объект расчищался как архитектурное мегали-

Рис. 4. Курган «Севастопольский-35». Ящик-рама погребения 1

тическое сооружение с удалением дёрна, гумусированного суглинка и мелких камней наброски и оставлением на месте крупных дольменных плит и их крупных обломков. Расчистка объекта производилась по двум уровням. Первый представлял собой поверхностную расчистку с удалением дёрна и обнажением всех камней (рис. 5). Второй уровень расчистки представлял удаление всех мелких камней и обломков до уровня материковой гальки.

Первый уровень расчистки обнажил плиты и заполнение между ними. Очевидно, что обломки плит передавали общий подпрямоугольный контур доль-

мена, который был ориентирован осью по линии С–Ю и имел приблизительные размеры 4×3 м. In situ находилась лишь расколота южная пяточная плита, имевшая паз шириной до 25 см и глубиной до 10 см. Крайняя северная мощная плита, лежавшая на поверхности, скорее всего была покровной. За пределами плит дольмена к востоку на глубине 10–19 см обнаружены фрагменты стенок сосуда. Здесь же на глубине 20 см найдена костяная проколка (рис. 6, 1). У внешнего края южной пяточной плиты также найдены фрагменты керамики. У внутреннего края этой плиты при расчистке по поверхности камней наброски внутри дольмена

Рис. 5. Дольмен «Севастопольский-41». Расчистка по поверхности

найлены фрагменты венчика и стенок сосудов.

На втором уровне расчистки объекта были обнаружены к востоку от внешнего северо-восточного угла дольмена кремневый отщеп, а к юго-востоку от покровной плиты — каменный отбойник (рис. 6, 2). Нивелировка материка показала, что первоначально дольмен был расположен на небольшом естественном выходе материковой гальки высотой до полуметра.

Заполнение внутренней части дольмена чистилось, как погребение, также по нескольким уровням. На первом уровне расчистки были удалены камни заклада по поверхности. На втором уров-

не расчистки были убраны мелкие камни заклада и обнажены смещённые нижние плиты дольмена (рис. 7). На них и частично в расщелинах между ними находились остатки погребения. В центре на наклонной плите на глубине 16 см были обнаружены фрагменты костей и остатки черепа человека. Другие фрагменты костей погребённого были расчищены у северо-восточного угла погребения на глубине 18 см.

В расщелине у внутреннего края пяточной плиты и плит западной стенки на глубине 16 см найдены фрагменты костей и зубы, возможно, ещё одного погребённого. В этой же расщелине найдено ка-

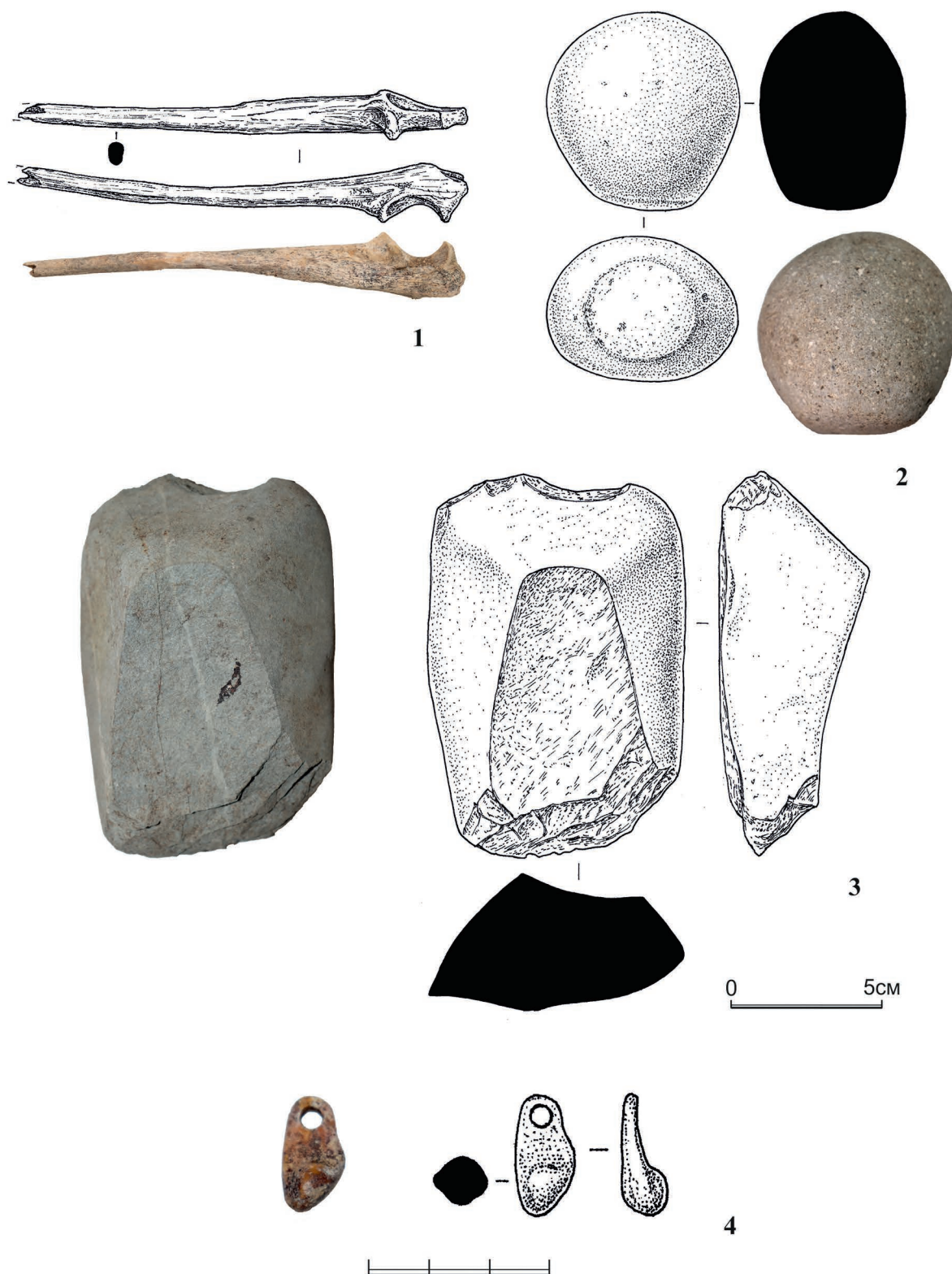

Рис. 6. Дольмен «Севастопольский-41». Находки из дольмена. 1. Костяная проколка. 2. Каменный отбойник. 3. Каменное орудие. 4. Подвеска из моляра оленя

менное орудие (рис. 6, 3) и костяная подвеска, аналогичная подвескам из моляров оленя в кургане 35 (рис. 6, 4). У восточного

края погребения на глубине 33 см расчищены многочисленные фрагменты лепных сосудов и зуб животного. Очевидно,

Рис. 7. Дольмен «Севастопольский-41». Расчистка уровня погребения

что открытое нами разрушенное погребение совершено во вторично использованном дольмене и так же, как курган 35, может быть отнесено к постдольменным погребениям эпохи средней бронзы периода Шушук I (XXVIII–XXIV вв. до н.э.). Более точная дата будет установлена после получения результатов *ams*-датирования костей животного из этого погребения.

Таким образом, раскопки 2020 г. подтвердили «постдольменный» статус археологического комплекса у ст. Севастопольской, который по своей площади и количеству выявленных объектов никак не уступает эталонному постдольменному памятнику – археологическому комплексу Шушук. Исследовательский коллектив продолжает изучение полученных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эрлих В.Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 7–24.
2. Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXI Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.). Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 161–165.
3. Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А. Погребения эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук // Археологические вести. 2020. Вып. 27. С. 253–278.

4. Аутлев П.У. Новые памятники бронзового века Прикубанья // Материалы по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1972. С. 47–59.
5. Резепкин А.Д. Комплекс украшений из дольмена Шушук в Адыгее // Третья Абхазская международная конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы. Сухум: Дом печати, 2013. С. 119–121.
6. Резепкин А.Д. Спектральный анализ бронзовых украшений и вопросы хронологии дольменного могильника Шушук // Археологические открытия на Кавказе и сопредельных территориях: хронология и интерпретация памятников: Сборник Материалов Международной научной конференции, посвящённой 75-летию Ю.Н. Воронова. Сухум: Дом печати, 1918. С. 76–82.
7. Резепкин А.Д. Дольмены могильника Шушук. Спектральный анализ металла, хронология // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 125–141.
8. Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А., Шарко Ф.С., Булыгина Е.С., Слободова Н.В., Недолужко А.В., Годизов Г.Л. Коллективные погребения эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук (Адыгея): материальная культура, абсолютная хронология, палеогенетическое исследование // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2020. С. 44–56.
9. Шарко Ф.С., Булыгина Е.С., Цыганкова С.В., Резепкин А.Д., Недолужко А.В. Анализ митохондриальной ДНК, выделенной из человеческих останков дольменного памятника Шушук. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сборник научных трудов. Барнаул, 2017. С. 1156–1157.
10. Эрлих В.Р. Финал поздней бронзы в предгорьях Адыгеи. SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 230–247.
11. Эрлих В.Р., Гак Е.И. Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Oriens). 2020. № 5. С. 36–53.
12. Трифонов В.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Бурова Н.Д., Семенов А.А., Ришко С.А. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западном Кавказе // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб.: Периферия, 2012. С. 100–107.
13. Столяр А.Д., Формозов А.А. Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья: Отчёты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа. 1958–1965 гг. СПб: Государственный Эрмитаж, 2009.
14. Эрлих В.Р., Болелов С.Б. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН. 2014. С. 211–215.
15. Годизов Г.Л. Новые памятники археологии в Адыгее // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2020. С. 57–64.

ENGLISH

Discovery and Early Studies of the Post-Dolmen Burial Site near Sevastopolskaya Village

Vladimir Roaldovich Erlikh – Doctor of Science (History), Chief Researcher at the State Museum of Oriental Art, head of the project – “The End of the Bronze Age in the foothills of the Northwest Caucasus. Post-Dolmen Period” (19-09-00100).

E-mail: verlikh@bk.ru

Georgy Leonidovich Godizov – Candidate of Science (History), Head of the Department of the North Caucasus Branch of the State Museum of Oriental Art (Maykop city), executor of the same project.

E-mail: ggodozov@gmail.com

The paper provides a summary of the results of early studies carried out within the archaeological complex near Sevastopolskaya village (the Republic of Adygea) discovered in 2019. The site includes a settlement and a dolmen-mound burial. In 2020, the archeologists studied Sevastopolsky-35 mound – a frame box under a rock fill, as well as a re-used dolmen (Sevastopolsky-41). The authors believe the discovered objects are so-called post-dolmen monuments of the Middle Bronze Age (Shushuk-I period). The objects are pre-dated 28th–24th cent. B.C.

Keywords: Northwest Caucasus, Middle Bronze Age, settlement, dolmens, post-dolmen period

REFERENCES

1. Erlikh V.R. Postdol'mennyi gorizont na Severo-Zapadnom Kavkaze // KSIA. 2018. Vyp. 250. S. 7–24 (in Russian).
2. Erlikh V.R., Godizov G.L. Postdol'mennyi arkheologicheskii kompleks Shushuk. Periodizatsiya i khronologiya // Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXI Krupnovskie chteniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchyonnoi 50-letiyu Krupnovskikh chtenii i 50-letiyu Derbentskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Makhachkala, 20–25 aprelya 2020 g.). Makhachkala: Mavraev", 2020. S. 161–165 (in Russian).
3. Erlikh V.R., Gak E.I., Kleshchenko A.A. Pogrebeniya epokhi srednei bronzy arkheologicheskogo kompleksa Shushuk // Arkheologicheskie vesti. 2020. Vyp. 27. C. 253–278 (in Russian).
4. Autlev P.U. Novye pamyatniki bronzovogo veka Prikuban'ya // Materialy po arkheologii Adygei. T. III. Maikop, 1972. C. 47–59 (in Russian).
5. Rezepkin A.D. Kompleks ukrashenii iz dol'mena Shushuk v Adygee // Tret'ya Abkhazskaya mezhdunarodnaya konferentsiya: Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza: Materialy. Sukhum: Dom pečati, 2013. S. 119–121 (in Russian).
6. Rezepkin A.D. Spektral'nyi analiz bronzovykh ukrashenii i voprosy khronologii dol'mennogo mogil'nika Shushuk // Arkheologicheskie otkrytiya na Kavkaze i sopredel'nykh territoriyakh: khronologiya i interpretatsiya pamyatnikov: Sbornik Materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchyonnoi 75-letiyu Yu.N. Voronova. Sukhum: Dom pečati, 1918. S. 76–82 (in Russian).
7. Rezepkin A.D. Dol'meny mogil'nika Shushuk. Spektral'nyi analiz metalla, khronologiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2019. № 5. S. 125–141 (in Russian).

8. Erlikh V.R., Gak E.I., Kleshchenko A.A., Sharko F.S., Bulygina E.S., Slobodova N.V., Nedoluzhko A.V., Godizov G.L. Kollektivnye pogrebeniya epokhi srednei bronzy arkheologicheskogo kompleksa Shushuk (Adygeya): material'naya kul'tura, absolyutnaya khronologiya, paleogeneticheskoe issledovanie // Voprosy arkheologii Adygei. Maikop: Izd-vo Magarin O.G., 2020. S. 44–56 (in Russian).
9. Sharko F.S., Bulygina E.S., Tsygankova S.V., Rezepkin A.D., Nedoluzhko A.V. Analiz mitokhondrial'noi DNK, vydelennoi iz chelovecheskikh ostankov dol'mennogo pamyatnika Shushuk. // V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s"ezd: Sbornik nauchnykh trudov. Barnaul, 2017. S. 1156–1157 (in Russian).
10. Erlikh V.R. Final pozdnei bronzy v predgor'yakh Adygei. SCYTHIA et SARMATIA / Otv. red. A.A. Malyshev. M.: MAKS Press, 2019. S. 230–247 (in Russian).
11. Erlikh V.R., Gak E.I. Drevneishie olovyannye bronzy na Severo-Zapadnom Kavkaze. Novye dannye // Vostok (Oriens). 2020. № 5. S. 36–53 (in Russian).
12. Trifonov V.A., Zaitseva G.I., Plikht Kh., Burova N.D., Sementsov A.A., Rishko S.A. Pervye radiouglerodnye daty al'ternativnykh form pogrebal'nogo obryada «dol'mennoi» kul'tury na Severo-Zapadnom Kavkaze // Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchyonnoi 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Gryaznova. Kn. 2. SPb.: Periferiya, 2012. S. 100–107 (in Russian).
13. Stolyar A.D., Formozov A.A. Meshoko — drevneishaya krepost' Predkavkaz'ya: Otchyoty Severokavkazskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. 1958–1965 gg. SPb: Gosudarstvennyi Ermitazh, 2009 (in Russian).
14. Erlikh V.R., Bolelov S.B. Poselenie «Demetra» i neizvestnyi ranee keramicheskii kompleks epokhi perekhoda k zheleznomu veku // E.I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza: XXVIII Krupnovskie chteniya / Otv. red. D.S. Korobov. M.: IA RAN. 2014. S. 211–215 (in Russian).
15. Godizov G.L. Novye pamyatniki arkheologii v Adygee // Voprosy arkheologii Adygei. Maikop: Izd-vo Magarin O.G., 2020. S. 57–64 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-144-148

Г.В. ЖИГУНОВА*

Всероссийская научно-практическая онлайн-конференция с международным участием «Социальные риски в современном обществе» (Мурманск, 3–4 декабря 2020 г.)**

Всероссийская научно-практическая онлайн-конференция с международным участием «Социальные риски в современном обществе» проводилась в Мурманском арктическом государственном университете с целью обсуждения актуальных проблем развития современного общества. Научная новизна разработок, представленных на конференции, обусловлена расширением представлений о феномене социального риска, условиях, причинах и последствиях рискологического воздействия на индивидов, социальные группы, институты и социум в целом; выявлением особенностей рискогенных факторов в различных регионах России и зарубежных странах; оценкой последствий рискованных явлений в современном обществе, включая пандемию в 2020 г.; выявлением механизмов управления рисками, а также эффективных практик профилактики и преодоления рискологических последствий.

В конференции приняли участие 186 человек, в том числе 8 зарубежных специалистов; представлено 84 доклада, большая часть из которых подготовлена по результатам исследований при поддержке РФФИ. География участников форума охватывала 5 зарубежных стран и 22 российских региона. По итогам конференции выработаны практические рекомендации по управлению социальными рисками в современных условиях.

Ключевые слова: социальные риски общества, риски социально-экономического развития, риски социального здоровья, социальные риски молодёжи, управление социальными рисками

Трансформация современного общества создаёт всё новые и новые условия для проявления социальных рисков. Сегодня они являются не-

отъемлемой частью общественных институтов и повседневной жизни людей. Таким образом, в настоящее время об-наруживается потребность в управле-

* **Жигунова Галина Владимировна** — доктор социологических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета, председатель Оргкомитета онлайн-конференции (20-011-22009). E-mail: galina-zhigunova@yandex.ru

**Проект 20-011-22009.

нии социальными рисками, что возможно только на основе всестороннего анализа данного явления.

В рамках научно-практической конференции осмысливались рискогенные факторы функционирования общественных подсистем, социальных групп и индивидов, в том числе вызванных пандемией по коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 г., осуществлялся поиск путей их минимизации и устранения.

Проблематика конференции привлекла к участию в её работе свыше 180 учёных, представивших нашу страну от Калининграда до Комсомольска-на-Амуре, от Мурманска до Ставрополя, а также зарубежные страны: Испанию, Норвегию, Польшу, Финляндию, Швецию.

В ходе обсуждений на конференции были продолжены традиции исследования феномена общества риска через макросоциальные изменения, порождаемые производством рисков в процессе модернизации общества, и их влияние на социум. Этот подход был реализован на секциях: «Риски социального здоровья населения в современном обществе», «Социальные риски молодёжи: проблемы прогнозирования и управления», «Социально-экономические риски и перспективы развития регионов», «Методологические подходы к исследованию социальных рисков», «Глобальная экономика: мир социальных рисков и технологий их нейтрализации», «Управление социальными рисками» и круглом столе «Современные вызовы и риски социального развития арктических территорий», а также мастер-классах «Возможности развития добровольческих инициатив в мировой и российской практике», «Поведение бизнеса и потребителей в условиях риска».

В рамках этих направлений новый импульс получили исследования смысловых концептов рисков, трансформации социальной структуры и социальных институтов в условиях современного общества, социальных рисков развития тер-

риторий (включая арктические), рисков социальных групп и индивидов, технологий управления рисками, роли волонтерских практик в работе с рискологическими последствиями.

Новым направлением в области социологического исследования рисков можно считать анализ социальных рисков пандемии. Здесь были подняты проблемы функционирования социальных институтов и служб общества в период угрозы и распространения заболеваемости, социально-экономические и социально-психологические издержки самоизоляции населения, трансформации практик взаимодействия населения в пандемический период и оценка эффекта их последствий в различных сферах общества.

В докладах на конференции поднимались следующие фундаментальные проблемы:

- ♦ трансформации социальной структуры и социальных институтов в условиях общества риска. В частности, д. филос.н., проф. Г.Г.Силласте в докладе «Смена гендерного порядка и его социальные риски» представила авторскую концепцию формирования нового гендерного порядка, происходящего в современных условиях, д.социол.н., проф. Д.В.Катаев (доклад «Ускорение как проблема общества роста») предложил к обсуждению концепцию ускорения немецкого социолога Хартмута Розы, где ускорение является главным фактором кризисных тенденций модерна;
- ♦ изменения механизмов взаимодействия граждан в современном «обществе риска» и утраты доверия граждан. Так, д.социол.н., проф. Ю.В.Веселов в докладе «Доверие в современном обществе как решение проблемы риска» поднял вопросы социальных механизмов в решении проблемы риска и показал, вслед за Н.Луманом, роль общественного доверия в противостоянии возрастанию социальных рисков. V.Vladimirova, д-р фило-

софии университета Уппсалы в докладе «Tradition or state care? Security strategies of indigenous women in Nenets Autonomous region» обратила внимание на социальное положение женщин и показала взаимосвязь механизмов социальной безопасности и заботы через сложную паутину отношений и эмоций, на основе которых женщина должна делать стратегический выбор; Р. Mankova, PhD, доцент Арктического университета Норвегии («Everyday risks on Svalbard: the case of Polarklokken: changing perceptions from a feminist perspective») обозначила роль ассоциаций в смягчении повседневных рисков и трудностей женщин, изменении феминистской перспективы;

- ♦ проблемы и риски модернизации территорий России. В рамках этой проблематики д.социол.н., проф. Н.А.Костко в докладе «Исследование социального пространства умного города: методологический и прикладной аспект» представила базовые показатели развития социального пространства городов и определила направления их социологического исследования, ставя при этом в центр горожанина. Рассматривая возможности развития городского пространства, М. Huber, PhD, доцент Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине, D. Moroniak-Wawryszuk и содокладчики выявили перспективные технологии развития городской среды европейских стран применительно к российским территориям (доклад «Возможности развития городского пространства Мурманска. Перспективы, примеры»). Признавая, что важной проблемой развития регионов являются также миграционные процессы, к.полит.н. М.В.Фомин («Пространственное развитие регионов Дальнего Востока России: мнение жителей») выявил потенциал дальнейшего усиленного оттока населения из регионов Дальнего Востока России и обосновал необходимость решения

проблемы развития этих территорий для сохранения населения северо-востока страны.

Значимое место в обсуждении рисков современного общества заняла проблема развития территорий Арктической зоны РФ, в том числе в вопросе целесообразности постоянного проживания жителей на данных территориях (доклад к.и.н. В.П.Клюевой «Жизнестойкость северных городов: постоянные жители и/или вахтовики»); в оценке рисков внедрения технологий «умных городов» в Арктической зоне РФ (доклад д-ра полит. наук, профессора А.В.Курочкина «Проблемы развития технологий «умного города» в условиях арктических территорий»); при обсуждении экологических рисков как побочных эффектов модернизации жизнедеятельности современных моногородов АЗ РФ (доклад к.социол.н., доц. Е.В.Недосеки «Экологические риски моногородов Арктической зоны (на примере Мурманской области)»), и др.;

- ♦ место риска в смысловом поле современной молодёжи, в саморегулирующих их жизнедеятельности, социальных практиках и ценностных ориентациях. Так, д.социол.н., проф. Ю.А.Зубок и к.т.н. А.С.Любутов (доклад «Риск в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи») показали место риска в смысловом поле молодёжи и установили, что в молодёжной среде риск находится в тесной связи с габитусами расчётливости и изменения. Кроме того, поднимались такие молодёжные проблемы, как субъективное благополучие и установки; цифровая грамотность в условиях трансформации общества, жизненные стратегии и миграция и др. В частности, к.социол.н. Е.Н.Шарова («Жизненные стратегии молодёжи арктического региона (на примере Мурманской области)») основной причиной эмиграции современной молодёжи считает разрыв между жизненными целями и оценкой возможностей их достижения в условиях региона;

- ♦ поиска путей преодоления негативных социальных процессов в обществе риска (С.А. Панкратов, А.Э. Геринг, И.В. Шипилов, В.Н. Чернова, V. Vladimirova и др.). В докладе д.полит.н., проф. С.А. Панкратова «Институты власти и гражданского общества в публичном пространстве регионов РФ: проектный подход к разрешению социальных проблем (на примере Волгоградской области)» был раскрыт потенциал проектных подходов к решению социальных проблем, институционализации новых форм социальной активности и взаимодействия общества и власти. К выводу о необходимости взаимодействия органов власти с общественными организациями граждан пришли И.В. Шипилов и В.Н. Чернова (доклад «Роль общественных организаций Мурманской области в решении социальных проблем граждан с ментальной инвалидностью»), что особенно важно для решения вопросов защиты прав граждан с инвалидностью.

Отдельного внимания заслужила проблема осмысления социальных последствий пандемии коронавируса COVID-19. Рассматривая социальные риски в период пандемии, к.социол.н. Л.С. Панкратова в докладе «Семейно-брачные и сексуальные отношения в условиях панде-

мии» представила негативные последствия для семьи и брака ситуации длительной пространственно ограниченной изоляции. Основываясь на положениях С.И. Голода, докладчик рассказала о важности соблюдения трёх имманентных ценностей в семье: адаптации, интимности и автономии. К.социол.н. К.О. Малинина и к.с.-х.н. Т.А. Блынская в докладе «Траектория поведения населения АЗ РФ в период самоизоляции» по результатам исследования показали, что не столько сама пандемия угнетает людей, сколько её последствия. Учёные констатируют, что современный мир разделился на две части: тех, кто не соблюдает правила, и тех, кто осуждает первых за несоблюдение социальных предписаний.

В целом докладчики представили разносторонний анализ феномена социальных рисков в современных условиях, включая источники и факторы их возникновения, влияния социальных рисков на социально-экономическое развитие регионов, на социальные институты, группы и общности, на поведение индивидов при взаимодействии с рисками; поделились опытом поиска методологических оснований рисков и механизмов управления, а также социальной защиты граждан в ситуации риска.

ENGLISH

National Research and Practice Online Conference with International Participation — “Social Risks in Modern Society” (Murmansk, December 3–4, 2020)

Galina Vladimirovna Zhigunova – Doctor of Science (Sociology), Professor at the Murmansk Arctic State University, Chairperson of the Organizing Committee of the Online Conference (20-011-22009).
E-mail: galina-zhigunova@yandex.ru

The national research and practice online conference with international participation – “Social risks in modern society” was held at the Murmansk Arctic State University to discuss the current problems with respect to the development of today’s society. The academic novelty of the studies presented at the conference is determined by widening of the concepts of the social risk phe-

nomenon, conditions, causes and consequences of risk exposure for individuals, social groups, institutions and the society as a whole; the identification of certain risk factors specific to various regions of Russia and foreign countries; the assessment of the impact of risk events in modern society, including the 2020 pandemic; the identification of risk management mechanisms as well as best practices to prevent and handle risk-related consequences.

A total of 186 attendees, including 8 foreign experts, took part in the conference; 84 papers were presented, most of them were based on the findings of studies undertaken with the support by the Russian Fundamental Research Fund. The conference brought together participants from 22 Russian regions and 5 foreign countries. As a follow-up to the conference, there were developed guidelines on social risk management in today's context.

Keywords: social risks, social and economic development risks, social health risks, social risks of youth, social risk management

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-149-154

В.К. ЛЕВАШОВ, О.П. НОВОЖЕНИНА*

II Декабрьские социально-политические чтения «Как живёшь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности» (Москва, 10 декабря 2020 г.)**

В статье представлены результаты II Декабрьских социально-политических Чтений «Как живёшь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности». Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием была организована Институтом социально-политических исследований (ИСПИ) и Институтом демографических исследований (ИДИ) Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в партнёрстве с факультетом политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и Социологическим факультетом РГГУ. Мероприятие состоялось в декабре 2020 г. в очно-дистанционном формате на базе ИСПИ ФНИСЦ РАН. В Чтениях приняли участие ведущие учёные и молодые исследователи московских и региональных научных институтов и высших учебных заведений, а также зарубежные учёные. В докладах проанализированы актуальные социальные, социально-политические, социокультурные, демографические проблемы, находящиеся в центре внимания исследователей, политиков, предпринимателей, гражданского общества. Научная дискуссия позволила обсудить и апробировать оптимальные социально-политические и демографические режимы и траектории развития с учётом проявившихся факторов COVID-пандемии.

Ключевые слова: социальное государство, гражданское общество, социально-политические и демографические риски, национальные проекты, мировой экономический кризис, пандемия, глобальный системный COVID-кризис

* **Левашов Виктор Константинович** — доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), сопредседатель Программного комитета, заместитель председателя Оргкомитета конференции.

E-mail: levachov@mail.ru

Новоженина Ольга Петровна — старший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН, член Оргкомитета конференции.

E-mail: olganov@mail.ru

** Проект 20-011-22033.

II Декабрьские социально-политические чтения организованы и проведены на базе Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН 10 декабря 2020 г. Главными целями и содержанием научной конференции стали комплексное обсуждение доминирующих социальных и социально-политических тенденций развития нашей страны, анализ актуальных угроз и вызовов, а также выработка рекомендаций по их нейтрализации и противодействию. В Чтениях приняли участие ведущие учёные и молодые исследователи московских и региональных научных институтов и высших учебных заведений, а также зарубежные учёные. По материалам конференции издан сборник трудов, включающий расширенные тексты выступлений докладчиков [1].

В докладах, представленных на конференции, обобщены результаты научных исследований, дающие выход на новые знания о социально-политических и демографических особенностях траектории и динамики развития российского общества и государства с учётом COVID-кризиса и санкций, объявленных России со стороны западных стран. По мнению участников конференции, коронавирусная пандемия стала моментом истины для нашей страны и мировой цивилизации и показала, что глубинные кризисные явления в глобальном сообществе приняли системный характер. Важнейшие сферы жизнедеятельности глобального и российского социумов оказались не готовы функционировать в соответствии с критериями и целями устойчивого развития. Проблемная ситуация COVID-кризиса совпала и была дополнена стратегическими вызовами фундаментального характера на национальном и глобальном уровнях: нарастающей дисфункцией неолиберальной модели экономики; хаотизацией мировой финансово-банковской системы; замедлением процессов реализации национальных проектов; отложенной структурной и технологической перестройкой российской народнохозяйственной систе-

мы и отсроченной социальной модернизацией политической институциональной структуры государства; нарастанием девиаций информационно-коммуникационного взаимодействия. Возникла объективная необходимость обсуждения и поиска конвергентных естественно-научных, социальных, гуманитарных методов и практик комплексного разрешения внешних и внутренних социальных и социально-политических противоречий.

В прошедшем году социально-политическая ситуация в нашей стране и в мире в существенной мере складывалась под воздействием острого информационного противостояния и полемики по поводу места и роли нашей страны и её лидеров в победе над мировым фашизмом. На пленарном заседании В.Н.Иванов показал всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне, отметил актуальность проблемы сохранения фундаментального научного знания о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. В публичном поле глобального общественного мнения идёт ожесточённая война социальных и политических смыслов, значений, причин и последствий этого события. Фактически сегодня реанимирован и вновь поставлен в повестку дня вопрос о легитимности российского наследия Победы и, следовательно, политического существования 147-миллионной страны – России. В условиях развернувшейся гибридной войны нам не удастся утвердить публичную легитимность Победы без научного осознания и пропаганды морально-политических, социально-политических, социально-экономических, военно-политических истоков и мотивов подвига советского народа, который он совершил, освобождая Европу от фашизма и открывая для мировой цивилизации гуманистическую перспективу развития.

В пленарном докладе директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН В.К.Левашов (фото) раскрыл актуальные глобальные и рос-

сийские особенности социально-политических отношений в условиях пандемии, показал характер и динамику отношения населения к процессам и результатам реализации национальных проектов в нашей стране. Докладчик подробно остановился на результатах мониторинга «Как живёшь, Россия?» [2] и рассказал о значении его данных для изучения состояния российского гражданского общества и социального государства, понимания происходящих в мире процессов.

С пленарным докладом на тему «Особенности демографического развития российского общества в условиях пандемии» выступил директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН С.В.Рязанцев.

Пандемия коронавируса COVID-19 привела к повсеместному закрытию границ и сокращению рабочих мест. Численность прибывших в Россию мигрантов за январь – сентябрь 2020 г. сократилась в два раза по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Масштабы разразившегося кризиса и последствия пандемии требуют выработки целостной программы координации действий между всеми регионами России и основными странами – поставщиками мигрантов. Целесообразно привлечение к этой программе и неправительственных организаций, которые могли бы взять на себя обязанности по распространению информации о мерах поддержки мигрантов во время пандемии через социальные сети и другие средства коммуникации. Медицинская, социальная и экономическая уязвимость мигрантов в контексте кризиса COVID-19 порождает аналогичные риски и для принимающего общества. Трансформация российской миграционной политики должна устранить разницу между концептуальными и практическими аспектами регулирования миграционных процессов, а также встроить миграционную политику в экономическую и демографическую стратегию развития страны.

Чл.-корр. РАН Ж.Т.Тощенко в своём докладе осветил социальные проблемы со-

Фото. Выступает д-р социол. наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН В. К. Левашов

временного российского общества и неизбежные уроки, которые необходимо извлечь из ковид-кризиса. По мнению докладчика, первым уроком является вывод о том, что главным средством и гарантией в борьбе с коронавирусом является наука. Второй урок – активное использование методов изучения общественного мнения. Третий урок – глубокое социально-экономическое изучение эффектов коронавируса на сферу труда, занятости, безработицы и поиск оптимальных форм организации работы с целью минимизации спада темпов экономического развития. Четвёртый урок – смягчение удара по молодёжи, поиск оптимальных режимов, отработка технологий и методик работы дистанционного обучения в системе школьного и вузовского образования. Следует ожидать, что социальные последствия пандемии будут долговременными и с этим предстоит считаться и учитывать уроки при решении всех без исключения проблем общественной и повседневной жизни людей.

На обширном эмпирическом материале д.социол.н. Ю.А.Зубок с помощью метода таксономического анализа показала связь габитуса активности и пассивности с другими элементами социокультурного механизма саморегуляции: архетипами, ментальными чертами, смысложизненными ценностями.

На пленарном заседании участникам конференции была представлена коллективная монография «Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году», в которой отражены ключевые тенденции социально-политической и демографической ситуации в нашей стране, выявленные на основе научных исследований учёных ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН [3].

Вторая часть конференции прошла в формате тематических секций по четырём ключевым направлениям: социально-политические отношения, социально-экономические механизмы устойчивого развития и международного сотрудничества; социально-демографические процессы; социально-культурные и образовательные процессы.

Значительное место в выступлениях и дискуссиях на секции I «Социально-политические отношения» заняло обсуждение различных аспектов цифровой трансформации общества. В центре внимания учёных были вызовы, тренды и риски российской цифровой реальности (А.В. Иванов, Н.П. Сащенко и др.). Особый интерес и оживлённую дискуссию вызвал доклад С.М. Поповой о цифровой эксплуатации пользователей информационных сетей и платформ. Участники дискуссии отметили возросшую актуальность и важность междисциплинарных подходов к анализу процесса цифровизации. Д.полит.н. Н.М. Великая в своём докладе отметила, что политическая культура современного российского общества демонстрирует устойчивость и преемственность, сохраняя высокую лояльность к исполнительной власти и низкий рейтинг доверия законодательной власти, партиям и общественным организациям.

Роль религиозных организаций и сообществ в политическом процессе в современной Европе осветил д.полит.н., проф. М. Евтич (Белград, Сербия). О своём видении дискурсивных стратегий полити-

ческих лидеров в период распространения коронавирусной инфекции рассказала д.полит.н., проф. Ф. Сакка (Тушия, Италия). Большое внимание было также уделено исследованию результатов голосования за поправки в Конституцию РФ (О.В. Гребняк), социальному самочувствию россиян (И.С. Шушпанова) и другим актуальным вопросам.

Участники секции II «Социально-экономические механизмы устойчивого развития и международного сотрудничества» активно обсудили доклад М.А. Ананьина, подготовленный научным коллективом под руководством проф. Л.С. Рубан, о состоянии экономики Российской Федерации в период пандемии, связанных с ним рисках и возможных последствиях. Пристальное внимание было уделено проблемам социально-экономического развития регионов России (Х.В. Дзудев, З.Г. Багаева), а также современным особенностям процессов евразийской интеграции (М.Л. Вартанова, А.Х. Рахмонов, И.А. Селезнёв).

На секции III «Социально-демографические процессы» д.социол.н. Т.К. Ростовская представила доклад «Нормативно-правовая база политики социальной поддержки семей с детьми в РФ», в котором особое внимание уделено перечню поручений по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию. На заседании секции были рассмотрены результаты социологического исследования проблем регионального пространственного развития Сибирского федерального округа (В.А. Безвербный, И.А. Селезнёв, Н.Ю. Микрюков, Т.Р. Мирязов), особенности социального самочувствия, мнения и оценки населением основных социальных и социально-экономических показателей развития регионов (А.А. Ибрагимов, Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова). Обсуждалась роль природно-климатических факторов в миграции населения арктической зоны Дальнего Востока России (Е.М. Моисеева), а также гендерные аспекты брачного поведения в республике Татарстан (Ч.И. Ильдариханова, Г.Ф. Зинатуллина).

Участники секции IV «Социально-культурные и образовательные процессы» заслушали доклад С.В.Гузениной «День Победы как социокультурный императив идентичности народов РФ», который продолжил тему, обозначенную на пленарном заседании В.Н.Ивановым. Затем участники секции обратились к проблемам государственно-конфессиональных отношений в период кризиса (Е.М.Мчедлова), к протекающим в столичном мегаполисе процессам десекуляризации (Е.А.Кублицкая). Была рассмотрена актуальная в период ковид-кризиса тема опыта применения дистанционных форм обучения в Мо-

сковском государственном лингвистическом университете (А.Ю.Станевич).

Подводя итоги обсуждения, участники и организаторы позитивно оценили прошедшее мероприятие и выразили надежду на встречу через год. Практическим итогом форума можно назвать предварительные договорённости о совместной работе и исследованиях между представителями различных научных институтов и направлений, а также рекомендации учёных для устойчивого социального, экономического, демографического развития, учитывающего комплексный характер текущего ковид-кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живёшь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: Материалы научно-практической конференции (Москва, 10 декабря 2020 г.) / Отв. ред. О.П. Новоженина; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. URL: <http://испи.рф/product/декчтения-2/>. DOI 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020.
2. Экспресс-информация. Как живёшь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август–сентябрь 2020 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2020/12/экспресс-информация-как-живёшь-россия.pdf>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020.
3. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г.В. Осипов, В.К. Левашов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов. М.: Перспектива, 2020. DOI 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.

ENGLISH

II December Socio-Political Readings — “How Are You, Russia?”

The Russian Social State and Civil Society in 2020: The Implementation of National Projects in a Post-Pandemic Reality” (Moscow, December 10, 2020)

Viktor Konstantinovich Levashov — Doctor of Science (Sociology), Director of the Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Co-chairman of the Program Committee, Deputy Chairman of the Organizing Committee of the Conference.

E-mail: levachov@mail.ru

Olga Petrovna Novozhenina — Senior Researcher at ISPR FCTAS RAS, member of the Conference Organizing Committee.

E-mail: ol-ganov@mail.ru

The paper presents the results of the II December Socio-Political Readings – “How Are You, Russia?” The Russian Social State and Civil Society in 2020: The Implementation of National Projects in a Post-Pandemic Reality”. The National Research-to-Practice Conference with international participation was held by the Institute of Socio-Political Research and the Institute of Demographic Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences in cooperation with the Faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow State University and the Sociology Department of the Russian State University for the Humanities. The event was held in December 2020 in face-to-face/remote formats at the Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. The Readings were attended by the leading academics and young researchers of Moscow and regional research institutes and universities, as well as foreign scientists. The papers provided the analysis of current social, socio-political, social and cultural, demographic problems within the focus of academics, politicians, entrepreneurs, and civil society. The scientific discussion provided an opportunity to address and approve the best socio-political, and demographic models and development patterns, considering the revealed COVID pandemic factors.

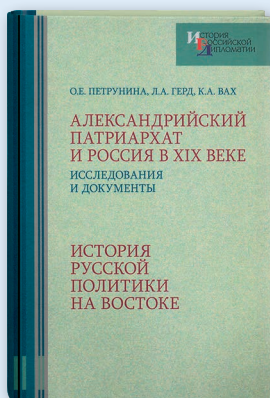
Keywords: social state, civil society, socio-political and demographic risks, national projects, global economic crisis, pandemic, global systemic COVID crisis

REFERENCES

1. Vtorye dekabr'skie sotsial'no-politicheskie chteniya «Kak zhivesh', Rossiya?». Rossiiskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v 2020 godu: realizatsiya natsional'nykh proektov v usloviyakh postpandemicheskoi real'nosti: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 10 dekabrya 2020 g.) / Otv. red. O.P. Novozhenina; FNISTS RAN. M.: FNISTS RAN, 2020. URL: <http://ispi.rf/product/dekchteniya-2/>. DOI 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020 (in Russian).
2. Ekspress-informatsiya. Kak zhivesh', Rossiya? 50 etap sotsiologicheskogo monitoringa, avgust–sentyabr' 2020 goda / V.K. Levashov, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova [i dr.]; Otv. red. V.K. Levashov; FNISTS RAN. M.: Perspektiva, 2020. URL: <http://ispi.rf/wp-content/uploads/2020/12/ekspress-informatsiya-kak-zhivyosh'-rossiya.pdf>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020 (in Russian).
3. Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh pandemii: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu / G.V. Osipov, V.K. Levashov, S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya [i dr.]; Otv. red. V.K. Levashov. M.: Perspektiva, 2020. DOI 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532 (in Russian).

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-155-159

С.Ю. ЖИТЕНЁВ*

Александрийский патриархат и Россия в XIX веке: Исследования и документы / Подг. изд. О.Е Петрунина, Л.А. Герд, К.А. Вах. М.: Индрик, 2020. — 920 с.: ил.**

Ключевые слова: внешняя политика России в XIX в., Александрийский Патриархат, церковно-дипломатические отношения, русские православные паломники

К началу нынешнего столетия история взаимоотношений России и Александрийской Церкви и даже общая история Александрийского Патриархата в XIX в. были изучены крайне слабо не только в нашей стране, но и за рубежом. Большинство исторических исследований Александрийского Патриархата посвящены раннехристианскому периоду, единственной фундаментальной работой по новой истории остаётся «История Александрийской Церкви» Хризостома (Пападопулоса), написанная 80 лет назад. Следующие поколения греческих историков изучали лишь отдельные аспекты истории Александрийской Церкви.

В нашей стране попытка изучения истории Александрийской Церкви

в XIX в. и её взаимоотношений с Российской Империей была предпринята епископом Порфирием (Успенским) во второй половине XIX в. Он собрал первые сведения о современном состоянии православия в Египте и опубликовал первые документы, касающиеся российской политики в отношении Александрийской Патриархии. Исследования в этом направлении были продолжены выдающимся русским церковным историком И.И.Соколовым в начале XX в. Сто лет назад он опубликовал «Избрание патриархов Александрийской церкви в XVIII и XIX столетиях: Исторический очерк», а также сборник из 48 документов на греческом языке из архива Св. Синода, касающихся преимущественно борьбы за александрийский патриар-

* **Житенёв Сергей Юрьевич** — заместитель руководителя Научной секции МОО «Императорское Православное Палестинское общество», советник директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва.
E-mail: zhitenev@bk.ru

** Проект 19-19-00096д.

ший престол в 1860-х гг. (1916). На протяжении последующего столетия в нашей стране не было ни одной научной работы по истории Александрийской Патриархии в XIX в. и её связей с Россией в это время.

Данная книга, ставшая результатом масштабной многолетней работы авторов, восполняет этот пробел. Она состоит из двух частей: систематического исследования церковно-дипломатических отношений России с Александрийской Церковью, многие аспекты которых ранее совершенно не изучались, и публикации комплекса документов, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. В сборник вошли письма Александрийских Патриархов и других церковных деятелей, документы российского Синода, донесения дипломатических представителей России в Константинополе и Египте, документы из личных архивов. Многие из них были найдены авторами в ходе работы в отечественных архивах: РГИА, АВПРИ, ГАРФ, ОР РНБ, СПБ ФА РАН. Несомненным достоинством издания является то, что документы на иностранных языках (французском и греческом) публикуются не только в переводе, но и на языке оригинала, что даёт читателю возможность самому прикоснуться к тексту источника. Издание также снабжено научным аппаратом: подробными комментариями к документам и именным указателем.

Вошедшие в сборник документы составили основную научную базу исследования отношений между Россией и Александрийской Церковью в XIX в. К началу столетия Александрийская Патриархия находилась в упадке. Бедная и малочисленная паства наследника престола Св.Марка, который в это время оказался единственным архиереем древней Церкви, не представляла сколько-нибудь значимой общественной и, тем более, политической силы. Отношения Александрийской Церкви с Россией в это время носили в основном имущественный характер:

Александрийские Патриархи и два старейших монастыря — Св.Саввы в Александрии и Св.Георгия в Каире — получали регулярное пособие («милостинную дачу»), размеры и частота выплаты которого были определены ещё в первой половине XVIII в. Выборы, точнее, назначение Александрийских Патриархов проводились Константинопольской Церковью.

Авторы убедительно показывают, что XIX в. многое изменил как в жизни самой Александрийской Патриархии, так и в её отношениях с Российской Империей. Причины этого следует искать, с одной стороны, в Египте, с другой — в истории российской внешней политики.

Толчком к возрождению Александрийской Церкви стала политика правителя Египта, паши Мохаммеда Али, стремившегося к созданию сильного независимого государства. Он создавал благоприятные для развития частного предпринимательства условия и привлекал в страну предприимчивых греков-христиан, благодаря чему Александрийская Церковь стала возрождаться.

Повышение уровня жизни египетских православных жителей делало возможным обновление старых храмов и строительство новых, открытие греческих школ и благотворительных учреждений. Однако, вкладывая деньги в развитие того или иного общественного учреждения, благотворители хотели сами управлять им и контролировать выделяемые финансовые средства. Так появилась почва для конфликта с Александрийской Патриархией, в компетенции которой прежде находилось управление этими учреждениями. Питательную почву для конфликтов в Александрийской Церкви создавала позиция Константинопольской Патриархии, при каждом удобном случае вмешивавшейся в дела Александрийского престола под видом арбитра.

В XIX столетии меняется политика России в отношении восточных Церквей: двусторонние отношения становятся более интенсивными и касаются не толь-

ко имущественных, но также и политических вопросов. Особенно это становится заметным во второй половине столетия, когда расширяются двусторонние контакты. С одной стороны, восточные Церкви имели в России своих постоянных представителей на подворьях (Александрийский Патриархат с 1855 г.), с другой стороны, расширение сети российских консульских учреждений в Османской империи позволило и России иметь своих постоянных представителей, которые были в курсе происходящего в жизни конкретной Церкви и могли видеть, целесообразно ли расходуются поступающие из России пожертвования и пособия. Деятельность консульств координировало российское посольство в Константинополе.

Ещё одной связующей нитью между Россией и восточными Церквями были русские православные паломники и учёные путешественники из России, число которых в XIX столетии стремительно росло. Они начали систематическое изучение как самого Востока, так и его церковной истории, заводили личные связи с местным духовенством. Огромный вклад в изучение Александрийской Церкви, её истории и современного состояния внесли труды епископа Порфирия (Успенского), написанные по итогам его поездок в Египет.

Все эти обстоятельства делали историю отношений России с Александрийской Церковью в XIX столетии драматичной и неоднозначной. Особенно накала страсти достигали во время патриарших выборов. Если прежде связанные с ними конфликты носили характер личного соперничества между различными претендентами, то теперь за этим соперничеством стояли различные влиятельные политические силы: местные предпринимательские круги, Константинопольская Патриархия, иностранные консулы. Большое значение имела позиция египетских правителей и Высокой Порты, которая также определялась множественными политическими силами.

Первый серьёзный конфликт вокруг вакантного патриаршего престола произошел в 1845–1847 гг., когда Фанар попытался посадить на Александрийский престол своего кандидата, митрополита Кюстендильского Артемия, игнорируя мнение египетских христиан. Константинопольская Патриархия мотивировала своё вмешательство в дела автокефальной Церкви двумя обстоятельствами: отсутствием в Александрийской Церкви Синода, а также большой ролью мирян в избрании нового Патриарха, что делало невозможными канонические выборы. Между тем в Александрийской Церкви в условиях отсутствия иерархии укоренился известный на Востоке обычай выбора действующим Патриархом своего преемника. Утверждение на престоле этого преемника, ставшего Патриархом Иерофеем II, стало возможным благодаря твёрдой позиции Мухаммеда Али. Отстаивая своего кандидата, духовенство и миряне Египта обратились за поддержкой к российскому Св.Синоду, и сам этот факт говорит о том, что в это время Александрийская Церковь рассматривала Россию не только как источник имущественных поступлений, но ожидала от неё и политического покровительства.

Св.Синод РПЦ не предпринял никаких шагов, но ограничился ролью наблюдателя. Такую наблюдательную позицию на протяжении довольно длительного времени занимала и российская дипломатия. Как полагают авторы, это объяснялось недооценкой роли восточных Церквей в международных отношениях и внутренней политике Османской империи, плохим знанием истории и современного состояния Православия на Востоке, а также взаимоотношений поместных церквей с другими конфессиями и государством.

Российский посланник в Константинополе А.П.Бутенев занимал, казалось, наблюдательную позицию во время выборов Александрийского Патриарха Каллиника в 1858 г. На самом деле, как видно из его донесений, А.П.Бутенев осторож-

но пытался повлиять на происходивший в Фанаре процесс выборов, но неудачно.

Ряду российских дипломатов удавалось отойти от позиции наблюдателя и принимать участие в жизни местных христиан. Таким активным дипломатом был Н.К. Гирс, за свою недолгую консульскую службу в Египте успевший добиться значимых результатов. Так, Н.К. Гирс предпринял все возможные в его положении усилия, чтобы поддержать желавших порвать с католической Церковью униатов. Однако полученные им инструкции фактически связывали ему руки, запрещая активные действия.

Отход от позиции наблюдателя в отношении Александрийской Церкви происходил в российской дипломатии в период пребывания посланником (с 1867 г. послом) в Константинополе Н.П. Игнатьева. Не очень сведущий в церковных вопросах, Н.П. Игнатьев, тем не менее, увидел в Церкви мощную общественную силу, которая могла бы стать союзницей России на Востоке.

Победой российской дипломатии можно считать избрание Александрийским Патриархом епископа Фиваидского Никанора в 1866 г. Последний был на редкость добропорядочным в финансовых вопросах греческим иерархом, хорошо себя зарекомендовавшим за многие годы пребывания в России. Пошатнувшееся здоровье не дало Патриарху Никанору оправдать возложенные на него надежды и создало условия для активизации борьбы за патриарший престол. Следуя инструкциям Н.П. Игнатьева, российский генеральный консул и дипломатический агент в Египте И.М. Лекс принимал активнейшее участие в конфликте вокруг патриаршего престола, поддерживая сначала одного кандидата, Евгения Дангоса, а затем другого, Нила Эсфигменита. Однако ни одному из них не удалось утвер-

диться на патриаршем престоле. Таким образом, создались благоприятные условия для «спасительного» вмешательства Фанара. Участие России в церковно-политическом конфликте в Александрийской Церкви во второй половине 1860-х гг. стало временем наивысшего политического влияния России на жизнь египетской православной общины.

Утверждение на Александрийском патриаршем престоле бывшего Константинопольского Патриарха Софрония (1871) означало дипломатическое поражение России в борьбе за влияние на египетскую Церковь. Это стало очевидным во время новых патриарших выборов 1899 г., фактическим организатором которых стал генеральный консул Греции И. Грипарис. Потеряв своё прежнее влияние, российская дипломатия в это время вернулась к позиции наблюдателя.

В результате исследования авторы приходят к выводу, что отношения России с Александрийской Церковью к концу столетия вновь приобрели имущественный характер с той разницей, что в XVII–XVIII столетиях Россия воспринималась как могущественный, но далёкий покровитель, а теперь – как конкурент и даже враг.

Материалы обеих частей книги могут быть использованы при реконструкции слабо изученных ранее аспектов российской внешней политики, истории российских консульских учреждений на территории Османской империи, истории Александрийского Патриархата, истории национальных и национально-конфессиональных общин Египта в XIX в. Помимо исследовательских аспектов, книга может быть полезна и в образовательных целях, а воссоздание объективной картины российской внешней политики внесёт вклад в формирование позитивного образа России и её истории.

ENGLISH

**The Patriarchate of Alexandria and Russia in the 19th century:
Studies and Papers / Prepared by O.E. Petrunina, L.A. Gerd, K.A. Vakh,
Moscow: Indrik, 2020, 920 p.: ill.**

Sergei Yurievich Zhitenyov – Deputy Head of the Research Department of the International Public Organization “Imperial Orthodox Palestine Society”, Advisor to the Director of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

E-mail: zhitenev@bk.ru

Keywords: foreign policy of Russia in the 19th century, the Patriarchate of Alexandria, ecclesiastical and diplomatic relations, Russian Orthodox pilgrims

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2021, № 2 (104)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 21.06.2021. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 50